УНИВЕРСАЛЬНЫЙ СПИРИТУАЛИЗМ

Духовное общение во все века У всех народов

У. ДЖ. КОЛВИЛЛ

Автор книг «Старая и новая психология», «Духовная наука о здоровье и исцелении», «Жизнь и сила, рожденные здоровьем внутри», и др., и др., и др.

Р. Ф. ФЕННО И КОМПАНИЯ

18 Ист Севентинт-стрит : Нью-Йорк

W. J. Colville

Универсальный спиритуализм: общение с духами во все века среди всех народов

Оглавление

УНИВЕРСАЛЬНЫЙ СПИРИТУАЛИЗМ

Общение с духами во все века у всех народов

Введение

Автобиография У. Дж. Колвилла

ГЛАВА I

ВОПРОС О ТОЖДЕСТВЕ ДУХА

ГЛАВА II

ВЗГЛЯД С ВЫСОТЫ ПТИЧЬЕГО ПОЛЁТА НА ДРЕВНЮЮ И СОВРЕМЕННУЮ ДУХОВНУЮ ФИЛОСОФИЮ

ГЛАВА III

РАЗЛИЧНЫЕ ГРАНИ ДУХОВНОЙ ФИЛОСОФИИ — СПРАВЕДЛИВЫЕ ПРИТЯЗАНИЯ ЭГОИЗМА И АЛЬТРУИЗМА

ГЛАВА IV

ДУХОВНАЯ ВЕРА ДРЕВНЕГО ЕГИПТА

ГЛАВА V

ВЛИЯНИЕ ЕГИПЕТСКОЙ МЫСЛИ НА ИУДЕЙСКИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О БЕССМЕРТИИ

ГЛАВА VI

ИУДЕЙСКАЯ КАББАЛА — ЕЁ УЧЕНИЕ О БЕССМЕРТИИ

ГЛАВА VII

ПЕРСИДСКИЕ ТЕОРИИ О ДУШЕ И ЕЁ ПРЕДНАЗНАЧЕНИИ

ГЛАВА VIII

ГРЕЧЕСКИЕ И РИМСКИЕ ВЗГЛЯДЫ НА БУДУЩУЮ ЖИЗНЬ

ГЛАВА IX

ИНДУИСТСКИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ДУШЕ И ЕЁ БЕССМЕРТИИ

ГЛАВА X

ФИЛОСОФИЯ ВЕДАНТЫ

ДУХ И ЕГО ВЫРАЖЕНИЕ

ГЛАВА XI

СКАНДИНАВСКИЕ ВЕРОВАНИЯ О ДУХОВНОЙ ВСЕЛЕННОЙ

ГЛАВА XII

ЭТРУССКИЕ ВЗГЛЯДЫ НА БУДУЩУЮ ЖИЗНЬ

ГЛАВА XIII

ДУХОВНЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ В КИТАЕ И ЯПОНИИ

КАРМА И СИНТОИЗМ В ЯПОНИИ

ГЛАВА XIV

МУСУЛЬМАНСКИЕ ВЗГЛЯДЫ НА ДУШУ И ЕЁ СУДЬБУ

ГЛАВА XV

ДРЕВНИЕ ИУДЕЙСКИЕ И РАННЕХРИСТИАНСКИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ДУШЕ И ОБ ОБЩЕНИИ С ДУХАМИ

ГЛАВА XVI

ПСИХИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ ЕВРОПЕ

ГЛАВА XVII

СОН КАК ВОСПИТАТЕЛЬ — ЕГО ДУХОВНОЕ НАЗНАЧЕНИЕ И ЦЕННОСТЬ

ГЛАВА XVIII

ДУХОВНЫЙ МЕДИУМИЗМ — РАЗУМНЫЕ ВЗГЛЯДЫ НА МЕДИУМИЗМ В СОПОСТАВЛЕНИИ С ПОПУЛЯРНЫМИ ЗАБЛУЖДЕНИЯМИ О НЁМ

ГЛАВА XIX

МИР ДУХОВ — ТАКИМ, КАКИМ ЕГО ВИДИТ И ОПИСЫВАЕТ ТОТ, КТО ЧАСТО ЕГО ПОСЕЩАЛ

ГЛАВА XX

ТЕЛЕПАТИЯ И ЯСНОВИДЕНИЕ

ГЛАВА XXI

СПИРИТУАЛИЗМ ВО ВСЕХ СТРАНАХ И ВО ВСЕ ВРЕМЕНА

ГЛАВА XXII

ДОКТОР ДЖ. М. ПИББЛС О ПРИРОДЕ И ПРЕДСУЩЕСТВОВАНИИ ДУШИ

ГЛАВА XXIII

ЗАКЛЮЧЕНИЕ. ПОРАЗИТЕЛЬНЫЕ СЛУЧАИ, О КОТОРЫХ РАССКАЗЫВАЮТ ИЗВЕСТНЫЕ СВИДЕТЕЛИ

МАТЕРИАЛИЗАЦИЯ

Апорт

ДУХ ЗАКАЗЫВАЕТ СВОЙ ПОРТРЕТ

УНИВЕРСАЛЬНЫЙ СПИРИТУАЛИЗМ

Общение с духами во все века у всех народов

Автор *У. Дж. КОЛВИЛЛ*

Автор книг «Старая и новая психология», «Духовная наука о здоровье и исцелении», «Жизнь и сила из внутреннего здоровья» и др., и др., и др.

Р. Ф. ФЕННО И КОМПАНИЯ Нью-Йорк, Ист-Севентинс-стрит, 18

Введение

Вновь выходя перед публикой с трактатом, который ставит целью проследить историю человеческой веры в бессмертие и представить множество свидетельств, подтолкнувших миллионы разумных людей во всех странах и во все века принять духовную философию человеческого существования, автор прекрасно понимает, что

многое из пройденного на следующих страницах будет для многих читателей знакомо, а для некоторых окажется поразительно новым. Наш удивительный век, несомненно, такая эпоха, когда каждое религиозное учение и каждое философское убеждение упорно прослеживают до его истока; и именно по этой причине среди нас возникло многочисленное и влиятельное течение, члены которого без колебаний утверждают, что современные учёные, вопреки материалистическим выводам, к которым пришли профессор Геккель и другие видные европейские «монисты», ежечасно накапливают новые доказательства реальности нашего духовного бытия и всё увереннее убеждаются, что мы — духовные существа, на короткое время облечённые в смертные одежды (или временно действующие с помощью материальных орудий), но сами предназначенные жить и трудиться дальше на протяжении неизмеримых веков вечности, и перед нами непрерывно открывается всё более широкая перспектива осуществимых возможностей.

Выбирая название для настоящей книги, автор руководствовался двоякой целью: во-первых, дать публике труд, который описывает свою природу уже

на титульном листе; во-вторых, представить, насколько это возможно в неизбежно ограниченном объёме, тот фундамент, на котором в наши дни может быть воздвигнуто здание разумного философского спиритуализма.

Многое из того, что слывёт религией, может быть лицемерием, многое из того, что удостаивается имени науки, может быть лишь преходящими домыслами; и всё же наука и религия живут, процветают и растут, несмотря на все ошибки и заблуждения. Так же и спиритуализм переживает любую внешнюю атаку и любую внутреннюю слабость и одерживает над ними победу — настолько, что, хотя само это слово часто считали упрёком, не проходит и года, чтобы к блестящему сонму спиритуалистов не прибавился новый список благородных и влиятельных имён.

В действительности возможны лишь три философии, а именно: спиритуализм, материализм, агностицизм. О последнем можно с полным правом сказать словами учёного и вдумчивого профессора Феликса Адлера, известного своим движением этической культуры: «Агностицизм не есть окончательное решение». Материализм в научных кругах практически мёртв, и он никогда не мог

причислить к своим сторонникам таких знаменитых философов, как Герберт Спенсер, Томас Хаксли или кто-либо другой из исключительно блестящих людей науки и литературы, прославивших XIX век.

Спиритуализм, понимаемый широко и очищенный от всех ненормальных наростов, — единственная философия, выдержавшая и продолжающая выдерживать строгую проверку беспристрастным исследованием. Напрасно указывать на фарсы и глупости, совершаемые от его имени: как бы прискорбны они ни были, они ничуть не умаляют самой философии, а лишь обнаруживают жалкие слабости неразвитых человеческих характеров. Ни один разумный человек не отвергает золото или иной драгоценный металл на том основании, что его добывают из земли вперемешку с примесями. Подобно тому как золото очищают от всего, что его сопровождает, прежде чем отправить на монетный двор для чеканки или употребить на изготовление ценных и прекрасных вещей, так и самая величественная, благородная, вдохновляющая и утешительная воспитующая система философии, какую когда-либо создавал род человеческий, должна быть избавлена

от всякого постороннего вещества, что её сопровождает, и от всех наслоений и неприглядного окружения и принята лишь постольку, поскольку она отвечает разуму и интуиции — двум главным путеводителям человечества.

Пока читатель в последующих главах путешествует из эпохи в эпоху и из края в край, от Древнего Египта и Индии до современных Британии и Америки, в сознании каждого беспристрастного исследователя должно утвердиться одно главенствующее убеждение — не меньшее, чем поразительная мысль о том, что человечество искало и нашло убедительные свидетельства своего бессмертия.

Огромное значение современного спиритуалистического движения, пусть даже его отсчитывают лишь с 1848 года, невозможно оценить; и бесспорно, что вследствие удивительных и совершенно неожиданных событий в Хайдсвилле, штат Нью-Йорк, и в других местах Америки в тот памятный год и в последовавшие за ним значимые годы в умах не только американцев, но вскоре и европейцев началась полная революция.

Либеральные религиозные взгляды, правда, были распространены во многих видных кругах ещё до того, как мир был потрясён дерзким заявлением, что врата между двумя состояниями бытия, которые мы по привычке всё ещё называем двумя мирами, не просто приоткрыты, а во многих случаях распахнуты настежь.

Это громадное утверждение не должно было бы удивить ни читателей Библии, ни исповедующих христианство любой конфессии, ибо нет ничего очевиднее того, что еврейские и греческие тексты, как и все прочие почитаемые Писания, ясно возвещают постоянный факт взаимообщения земли со сферами духов. Но всякий, кто хоть сколько-нибудь знаком с печальной повестью о церковной нетерпимости и слепоте, знает, что организованные религиозные партии отчаянно боролись против нового откровения, тем самым сильно ослабляя собственное влияние на массы, закладывая основу для энергичных иконоборческих нападок на вероучения и церкви и в значительной мере отводя поток вдохновения от всех признанных конфессиональных учреждений.

Ранняя история современного спиритуализма подробно изложена в классических трудах Эммы Хардинг Бриттен и других верных летописцев испытаний, лишений, поражений и побед стойких пионеров, которые нередко буквально брали свою жизнь в руки, чтобы возвестить новое евангелие, более дорогое им, чем всё земное достояние. Труд этих великолепно мужественных мужчин и женщин, стоявших в первых рядах спиритуалистической пропаганды в её первые десятилетия по обе стороны Атлантики, а также в Антиподах, невозможно переоценить. Некоторые из этих ревностных поборников духовного свободомыслия порой, быть может, были чрезмерно отважны и иногда неосмотрительны, но свою работу они совершили героически, и свет, ради которого они презрели всё, чтобы возжечь и поддерживать его, нелегко будет погасить.

В последующие годы другие движения, не называвшиеся спиритуалистическими, привлекли и получили немалое внимание и, несомненно, во многом преуспели в том, чтобы снискать сочувствие и пробудить интерес многих разумных людей, которых название спиритуализма не привлекало.

Теософское общество, основанное в Нью-Йорке в 1875 году и созданное видными спиритуалистами (а таковыми, несомненно, были полковник Олкотт и мадам Блаватская), одно время склонилось к кажущемуся противостоянию центральному учению об общении с духами, но в действительности всегда оставалось защитником духовной философии против материализма, а теперь в лице самых представительных своих руководителей проливает много света — в особенности через изучение и практику ясновидения — на действительное состояние мира духов, который как пронизывает, так и окружает этот материальный шар.

Популярное движение «Новая мысль», хотя и не является сколько-нибудь явно спиритуалистическим, всегда насчитывало среди своих ведущих выразителей выдающихся мужчин и женщин, чьи публичные сочинения не оставляют сомнений в их знании основных фактов, за которые неуклонно борются все спиритуалисты. Пёстрая история спиритуалистического движения во всём мире представила немало светлых и более чем немало тёмных черт, и, по-видимому, невозможно объединить всех спиритуалистов или привести их к

существенному согласию дальше признания одного великого основополагающего начала — общения духов.

Едва ли стоит сожалеть, что единообразие в сколько-нибудь широком масштабе, по-видимому, невозможно, ибо очевидная миссия великого современного духовного откровения — разбить оковы мнимого авторитета и освободить индивидуальный дух. Особенности многих людей и сомнительный характер значительной части предполагаемых явлений, наряду с неудовлетворительностью многих мнимых сообщений от духов, продолжают создавать ряд серьёзных трудностей на пути многих добросовестных исследователей и ищущих истину, а с быстрым распространением признания безграничной телепатии прежняя простая уверенность в непосредственном общении с ушедшими друзьями и родными во многих кругах сильно пошатнулась.

Сочинения известного профессора Т. Дж. Хадсона, чьё имя всегда будет связано с теорией «двух умов», многие читатели ошибочно истолковали как подрывающие факт общения с духами, тогда как на деле никакие свидетельства телепатии не могут не

укреплять разумную уверенность в нём. Огромный интерес, который сейчас вызывают так называемые психические исследования, — это лишь интерес к спиритуализму под несколько иным названием; это должен признать всякий беспристрастный исследователь, особенно после знакомства с монументальным трудом знаменитого Ф. У. Г. Майерса «Человеческая личность и её выживание после смерти тела». Ещё более новый труд профессора Хайслопа из Колумбийского университета, «Наука и будущая жизнь», и поистине целое множество томов более или менее выдающихся авторов, написанных на многих языках и свидетельствующих о постоянно накапливающихся доказательствах общения с духами, явленных самыми разными способами и при самых разных условиях, лишь дополнительно подтверждают нашу главную позицию.

Хотя старая теория о сатанинском происхождении сообщений от духов уже не проповедуется так, как прежде, среди нас всё ещё есть те, кто видит дьявола во всём сверхнормальном, что не согласуется с устаревшими, да и попросту варварскими представлениями о невидимой вселенной; и

помимо богословов старой школы, продолжающих пользоваться старомодной терминологией, немало и современных авторов, которые без колебаний распространяются об опасностях, сопутствующих медиумизму, и о зыбкой почве, по которой ступают все, кто дерзает приподнять завесу, разделяющую земное бытие и надземное.

Предостережение Теннисона в его прекрасных строках «Ангел-гость», избранном отрывке из «In Memoriam», действительно применимо ко всем, кто стремится заглянуть за таинственный занавес и общаться с существами, обычно невидимыми с земной точки зрения. Поэт поёт воистину:

«Как чист должен быть сердцем и здрав умом,
Сколь смел божественными чувствами
Должен быть человек, чьи мысли хотели бы
удержать
Час общения с мёртвыми.»

Эти волнующие строки и следующие за ними три строфы были пропеты на большом собрании в Брайтоне, самом известном морском курорте Англии, вечером 24 мая 1874 года, когда пишущий эти страницы, тогда любопытный ребёнок, был привлечён «вдохновенной речью», произнесённой

миссис Корой Л. В. Ричмонд (тогда миссис Таппан) в то время, когда спиритуализм вызывал огромное внимание в Великобритании.

Эта удивительно одарённая ораторша каким-то таинственным образом, обращаясь к аудитории в полторы тысячи человек, стала орудием в руках незримых сил, открывших шлюзы просветления для этого любопытного ребёнка, который тотчас был очарован изяществом и достоинством оратора и глубоко впечатлён великим значением вдохновенного и вдохновляющего послания, столь впечатляюще преподнесённого в столь необычной манере. Годы шли, и удивлённый ребёнок вырос в много путешествовавшего лектора и автора, но никогда не забывал о толчке, полученном в тот незабываемый вечер.

В автобиографическое повествование, которое автора настойчиво просили включить в этот том, неизбежно вводятся личные переживания, иллюстрирующие положения, которые хочется разъяснить и раскрыть. Почти невозможно было во всех случаях отсылать читателя к авторитетным источникам, которые ещё подкрепили бы факты, изложенные в последовательных главах этой книги, но постоянной целью автора были *умеренность* и

точность изложения, и хотя он сознаёт многие недостатки стиля и ограниченность содержания, он уверенно надеется, и даже ожидает, что этот сравнительно скромный вклад в обширную литературу спиритуализма послужит по меньшей мере полезной цели: за умеренную цену и в не слишком большом объёме даст учебник для ищущих истину и справочное пособие для тех, у кого нет ни времени, ни возможности рыться в громоздких записях, когда им хочется окинуть беглым взглядом духовные представления и опыт широко рассеянных представителей человеческого рода.

Свет и тени рассмотрены в равной мере, но тон этой работы подчёркнуто и намеренно оптимистичен. Либерализовать мысль, укрепить братские чувства, облегчить гнетущую тяжесть мысли о переходе в таинственное «неведомое» и более всего показать, сколь разумно верить в бессмертие человека, — таковы были главные цели, которые автор неизменно держал в поле зрения.

У. Дж. КОЛВИЛЛ.

Нью-Йорк, 1906 год.

Автобиография У. Дж. Колвилла

Если я хочу правдиво рассказать, пусть даже самым кратким очерком, о своём опыте общения с «невидимыми помощниками», мне следует вернуться к самому раннему детству, когда впервые проявился мой «медиумизм». Я был, по сути, сиротой с рождения. Моя мать перешла в духовную жизнь, когда я был младенцем, а отца важные дела призвали в страны, далёкие от Англии, где я остался на попечении опекуна. Моё детство было необычайно недетским: меня совершенно отделили от других детей и вынуждали общаться исключительно с людьми вполне зрелого возраста.

Как я впервые стал видеть свою мать ясновидчески, мне неизвестно, но я отчётливо помню, что часто и очень живо ощущал мягкое, любящее присутствие прекрасной молодой женщины, которая неизменно являлась моему взору изящно одетой в светлые одежды необыкновенной красоты. Голову этой очаровательной дамы украшали золотые локоны; глаза у неё были ярко-голубые; она была высока и довольно стройна и обладала многими чертами почти идеальной женственности. Я не припомню

ни одного случая, когда эта дама говорила бы со мной так, как обычно беседуют друг с другом земные люди, но ясно помню, что, когда я видел её всего отчётливее и сильнее всего ощущал её присутствие, я остро сознавал, как в меня вливаются сведения. Могу лишь сравнить свой опыт с некоторыми памятными утверждениями Сведенборга о притоке знания во внутренние глубины человеческого разумения.

В те ранние дни я, вероятно, никогда не задумался бы о такой проблеме, как ясновидение, если бы не поразительный факт: то, что я видел совершенно ясно, другие люди не видели вовсе. Впервые необычность моего зрения стала мне ясна, когда я упомянул о присутствии «прекрасной дамы в белом» двум людям, которые были со мной, когда я видел её очень отчётливо, а они заявили, что в комнате нас только трое. Тайна четвёртой обитательницы стала для меня ещё глубже, когда мне показалось, что двое других, помимо неё и меня, могут проходить сквозь неё, а она сквозь них, тогда как они, видимо, совершенно не ощущали присутствия друг друга. Пожилая дама, с которой я жил и которая была ревностной прихожанкой англиканской церкви, подытожила все мои

странные видения, когда я рассказал ей о них, такими словами: «Что ж, я не могу этого объяснить, но это должно быть делом либо Бога, либо Сатаны». Хотя в то время, о котором я сейчас говорю, мне было немногим более пяти лет, я уже слышал, что Сатану называют «отцом лжи», и меня учили, что истина принадлежит Богу и исходит с небес; поэтому мой юный ум не смущался страхом перед какой-либо силой тьмы, ибо я находил, что все сведения, вливавшиеся в меня, когда это прекрасное духовное существо являлось мне, верны до мельчайших подробностей. Поэтому я вполне довольствовался тем, чтобы верить простой верой, подкреплённой рассуждением, что моя дорогая мать охраняет меня как дух-хранитель.

Я часто слышал об ангелах-хранителях, и меня иногда водили на детскую службу в церковь, где любимый гимн перед началом катехизации открывался таким обращением:

«Ангел дорогой, всегда ты рядом!
Как же любящ должен ты быть,
Что покинул небесный дом, чтобы беречь
Малое дитя, как я».

Вместо того чтобы представлять ангелов почти непостижимыми существами из совершенно иного, чем мы, порядка творения, я довольствовался простым, разумным убеждением, что вестник из незримых сфер, который самым близким образом оберегал меня, — это моя дорогая мать, чьё физическое присутствие исчезло с земли задолго до того, как я достиг возраста, когда мог бы сознательно его оценить. Я не забыл странного потрясения, которое испытал, когда кто-то сказал мне: «Невозможно, чтобы ты видел свою мать; у тебя нет матери; она умерла». Эти грубые, жестокие слова произвели на меня лишь то впечатление, что заставили меня размышлять в психических направлениях, которым маленькие дети следуют гораздо чаще, чем обычно полагают взрослые.

Следует помнить, что я был одиноким, а часто и заброшенным ребёнком, в основном предоставленным самому себе в поисках развлечений и удовольствий. Это обстоятельство, возможно, наведёт на поучительные мысли об условиях, необыкновенно благоприятных для развития медиумизма. «Является ли медиумизм даром или природной способностью?» — вопрос, который часто задают. Чтобы ответить на него,

необходимо вспомнить два различных смысла, в которых обычно употребляется слово «дар». Мы говорим о природных дарах, об общих дарах Бога человечеству, а также об особых дарованиях, ниспосланных тем, кого в нашей философии порой отделяют от «толпы» и называют «немногими избранными». Употребив термин «ясновидение» применительно к моему собственному раннему духовному опыту, я хочу определить его в моём случае как относящееся к расширенному зрению трёх совершенно различных, хотя и тесно связанных видов. Первое проявление моего ясного зрения пришло так спонтанно и неожиданно, что в течение долгого времени оно вовсе не удивляло меня: я видел облик подлинной, прочной вещественности, существующий на ином плане бытия, чем тот, что обычно называют земным. Этот облик был вполне и стройно человеческим в каждой черте очертаний и одет в красивое платье, не чуждое обычным светским условностям, но несравненно более прекрасное и изящное, чем обычный смертный наряд, модный в шестидесятые годы девятнадцатого века, включавший кринолин и шиньон. Второе проявление ясновидения относилось не к зрению, даже на психическом или астральном плане, как его обычно понимают, а к

умственному просвещению, или интеллектуальному озарению, причём не только общего, но и частного характера: знание, входившее в моё понимание, касалось не только обычных тем, но глубоко и точно проникало во множество подробностей частной истории семьи и включало многие откровения, повергавшие слушателей в великое смятение, когда я рассказывал о своём опыте, поскольку люди, среди которых меня растили, очень хотели скрыть от меня многие факты о моих родителях, о которых моя мать-дух, несомненно, желала, чтобы я узнал. Третьей чертой моего ясновидения было действительное предсказание грядущих событий, и слово «грядущих» я употребляю в самом точном смысле: события, которые мне случалось предвидеть, во многих случаях в одном смысле уже действительно произошли, а в другом ещё только близились к свершению. Один пример это пояснит.

Сестра моей бабушки в Линкольншире решила съездить в Сассекс, но никому не сообщила о своём намерении, хотя решение её было окончательным. Я никогда не видел свою двоюродную бабушку и редко слышал, чтобы о ней упоминали, но отчётливо увидел её в доме, где тогда жил, и точно

описал её облик, вплоть до лент чепца, который она действительно носила несколько недель спустя, навещая сестру. Здесь естественно возникают два вопроса. Во-первых, как получается, что мы видим людей, которые, возможно, думают о нас или лишь о месте, где мы живём, когда они сознательно и намеренно не посылают к нам ни свою мысль, ни астральное подобие самих себя? Во-вторых, как получается, что мы видим предметы одежды, которых эти люди, возможно, не носят в тот момент, когда мы их созерцаем? Следующий ответ может хотя бы отчасти прояснить эту тайну. Когда Герберт Спенсер много лет назад довольно неодобрительно отозвался о представлении об одежде как о принадлежности мира духов, он, очевидно, упустил из виду одно очень важное соображение: всякая наша одежда сначала замышляется в уме и лишь потом изготовляется физически. Новая мода в одежде невозможна иначе как следствие нового умственного представления о наряде. Не только Сведенборг, но и Шекспир ясно показывает ту тесную связь, которая всегда логически должна существовать между тем, кто носит, и тем, что носимо; и ни в одном случае это многозначительное учение не преподано косвенно яснее, чем в «Гамлете», где отец принца Датского

является в виде духа, облачённого в доспехи, как раз тогда, когда он стремится побудить сына начать войну против дяди, навлёкшего на себя яростный гнев бесплотного короля. Мы не только облекаемся физически в такие одежды, какие отвечают нашему непосредственному умственному состоянию, но и часто бессознательно, безвозмездно создаём собственные портреты за делами, которые намерены совершить, — делами, которые, по сути, мы уже совершили духовно и непременно завершим материально, если только наши планы не будут неожиданно расстроены. Тайна предсказания обычно упрощается, если лишь учесть, что прозорливость — это способность, позволяющая провидцу или провидице действительно видеть то, что существует на плане воплощения, предшествующем физическому.

Когда я вырос из детства и достиг более зрелого возраста, а тем временем учился в школах и увлёкся многими внешними занятиями и предметами, моё необыкновенно спонтанное медиумическое свойство стало менее заметным, и, за исключением редкого пророческого сна необычайной ясности, всегда приходившего как необходимое предостережение, я постепенно перешёл к более

прозаической жизни. Из неё меня внезапно пробудило присутствие всемирно известной Коры Л. В. Ричмонд (тогда миссис Таппан) в Англии в семидесятые годы прошлого века. Когда мне было почти четырнадцать лет и я пел в церковном хоре, миссис Таппан сильно взволновала жителей Брайтона, где я тогда жил, своими удивительными речами и стихами и необыкновенно эрудированными ответами на всевозможные вопросы. Она утверждала, что они обязаны не её собственной учёности, которой она не хвасталась и на которую не притязала, а действию через неё сонма наставников, готовых говорить через неё всякий раз, когда в их услугах нуждались. 24 мая 1874 года был поистине знаменательным днём в моей жизни: хотя моя публичная деятельность лектора и путешественника началась почти тремя годами позже, именно в тот вечер, в прекрасный Троицын день, я впервые остро ощутил, что главным делом моей жизни будет путешествовать почти по всей земле под руководством незримых, но не неведомых вдохновителей, которые благополучно проведут меня через все бурные океаны и защитят от всех опасностей на суше, если только я буду верен миссии, возложенной на меня мудрыми и доброжелательными помощниками.

Мне всегда очень не нравилось слово «контроль», не нравится оно и теперь, ибо в моих ушах оно отдаёт принуждением, а мои вдохновители никогда меня не принуждали: они всегда оказывались верными учителями, советчиками и наставниками — подлинными «невидимыми помощниками», если воспользоваться удачным выражением Ледбитера. Это название мы вполне можем применить к бесчисленным помощникам, оказывающим нам многообразные услуги, которых мы часто совсем не осознаём, но от которых получаем неоценимую пользу.

Рассказ о моём первом приобщении к вдохновенной речи теперь многократно пересказан; вкратце его можно изложить так. Когда я шёл домой, восхищённый чудесным красноречием миссис Таппан, я дал обет: если какие-либо добрые и мудрые разумные существа в незримом состоянии вдохновят меня так, как они обычно вдохновляли удивительную даму, называвшую себя их «орудием», я с величайшей радостью поступлю к ним на службу и пойду туда, куда приведут меня их советы. Я горячо желал и твёрдо ожидал, что вдохновение придёт ко мне, если оно вообще подлинно, и оно пришло в тот же

вечер, в течение часа после того, как я воззвал к нему. Если бы мне не чинили препятствий, я бы метеором вспыхнул как оратор ещё до четырнадцатилетия, но моя законная опекунша отказалась дать разрешение, пока мне не исполнится по меньшей мере на два года больше, хотя она не мешала мне изредка выступать на частных собраниях и не смогла лишить меня некоторых удивительных переживаний месмерического, или гипнотического, характера. Они открыли мне глаза ещё в ранней юности на многие чудеса психологии, которые теперь требуют и получают внимание выдающихся учёных всего мира.

Гипнотизм и его опасности, как и спиритуализм и его опасности, ныне обсуждаются на каждом шагу, и мне нередко очень интересно слушать споры на эти сокровенные темы, когда спорщики — люди опытные, но чей опыт во многом не похож на мой. Я не берусь решать какие-либо вопросы за своих ближних; я лишь говорю от первого лица единственного числа, когда заявляю, что меня никогда не гипнотизировали против моей воли или хотя бы без полного согласия моей собственной воли. А поскольку спиритуалистическая литература

изобилует ссылками на фактическое тождество гипнотического влияния с контролем духов, я считаю уместным дать на этот счёт личное свидетельство. Вскоре после того, как я обнаружил, что могу говорить вдохновенно и что через меня может говорить незримый разум, к чьим словам, произносимым моими устами, я мог прислушиваться как спокойный, заинтересованный слушатель, я познакомился с блестящим молодым дворянином, который был одновременно оперным певцом и практикующим психологом. Эту молодую «звезду» мне представили как человека, желающего провести несколько тонких месмерических опытов, для которых ему требовались услуги люсида, то есть прирождённого ясновидца; а если не удастся найти никого, кто полностью отвечал бы этому описанию, он считал весьма вероятным, что его опыты увенчаются успехом, если он встретит восприимчивого молодого человека, вполне готового поддаваться его внушению. Моим первым восклицанием, когда мне намекнули, что я мог бы пригодиться для этих опытов, было: «Я был бы в восторге и уверен, что они удадутся». Хотя все опыты проводились в строжайшей тайне от широкой публики, во многих наиболее удачных из них принимали деятельное участие многие

выдающиеся люди учёных профессий. Обычно считается, по крайней мере среди непосвящённых в психические тайны, что слова «пассивный» и «отрицательный» вполне так же правильно сочетаются с наречиями «намеренно» и «охотно», как «положительный» и «активный». Нам часто говорят, что медиумизм невозможен без пассивности, и это, несомненно, так, но наиболее надёжным результатам способствует пассивность или отрицательность добровольная, а не невольная. Слова «оператор» и «субъект» двусмысленны, но такие термины, как «отправитель» и «получатель» или «передатчик» и «приёмник», явно не вызывают обоснованных возражений, ибо ничуть не подразумевают принудительной сдачи одного человека другому. За почти три года, прошедшие между моим первым прозрением относительно моих способностей вдохновенного лектора и моим дебютом перед лондонской аудиторией, мне представилось много случаев наблюдать необычайные явления, поскольку я хорошо познакомился со многими видными спиритуалистами, которые относились ко мне с большой добротой и вниманием и предоставили в моё распоряжение множество исключительных возможностей наблюдать проявления всех видов.

Одни из них сильно привлекали меня, другие нет. Мне часто доводилось сидеть в кругах с Уильямсом, Херном, Монком, Эглинтоном и другими необыкновенными медиумами, которые в то время либо только входили в славу, либо были в её зените. Хотя мне неоднократно говорили, что я физический медиум, и хотя я бывал на многих сеансах, где двигались столы и мебель вообще вела себя причудливо, я никогда сознательно не выступал в роли физического медиума, хотя планшетка не раз работала для меня, а автоматическое письмо нередко было для меня совершенно будничным делом. Большую часть 1877–1878 годов я имел привилегию исследовать свидетельства феноменального спиритуализма по всей Англии. Мне были открыты самые закрытые собрания, и я бессчётное число раз имел возможность сидеть с самыми выдающимися медиумами в вполне удовлетворительных условиях проверки. Но хотя я видел достаточно, чтобы тысячу раз убедиться, что действует некая таинственная оккультная сила, и спиритуалистическая гипотеза всегда казалась мне разумнее любой другой, я не думаю, при моём своеобразном и от природы скептическом складе ума, что мог бы когда-либо полностью убедиться в истинности общения с духами, если бы не мои

собственные переживания, которые совершенно вынудили меня, как существо разумное, принять единственный здравый вывод.

Когда я впервые вышел на трибуну, я чувствовал себя во многом так же, как нередко чувствовал в более частной обстановке, добровольно повинуясь безмолвно выраженному велению талантливого психолога, который мог передавать мне и через меня любые сведения, какие хотел, когда я находился в восприимчивом состоянии. Но хотя он заявлял, что я вполне его «субъект», и я вполне был готов им быть, никакой профессиональный месмерист или практикующий врач, проводивший гипнотические опыты, не мог склонить меня принять или передать что-либо, просто потому что я не желал становиться пассивным или восприимчивым. Я хорошо помню, как сидел на возвышении в старом Даути-холле (масонском здании, которого больше нет) в воскресный вечер 4 марта 1877 года и смотрел на большое скопление людей, собравшихся послушать «котёнка-оратора», как меня называли из-за моей молодости, рассуждающего на тему, которую они выберут голосованием. Для открытия полурелигиозной службы был спет гимн, затем я встал и произнёс

молитву, слова которой складывались у меня во рту без предварительной мысли и без сознательного усилия моей воли. После второго гимна председательствующий — давно известный Джеймс Бернс, редактор «Медиума и Рассвета» — объявил в моём присутствии, что юный обитатель трибуны готов говорить под вдохновением на любую тему, какую аудитория сочтёт нужным выбрать. Я слушал это без малейшего внутреннего трепета. Я стал собранным, бесчувственным, самоуверенным, но полностью убеждённым, что разум, превосходящий мой обычный, непременно сделает меня вполне равным обстоятельствам. Тема была быстро выбрана поднятием рук, и я встал, чтобы читать лекцию. Я говорил без запинки целый час и сел на своё место невозбуждённым и неутомлённым. Был спет третий гимн, и тогда мистер Бернс попросил аудиторию назвать темы для импровизированного стихотворения. Было названо три или четыре темы, и едва председатель определил, какая из них получила больше всего поднятых рук, как я поднялся в третий и последний раз в тот вечер и услышал, как сам вывожу ряд строф так же легко и свободно, будто хорошо выучил их наизусть, хотя я уверен, что они нигде не были напечатаны и я слушал их впервые. Известие об этом памятном

собрании произвело много лет назад огромную сенсацию, но в наши дни события теснятся одно за другим, и выросло новое поколение с тех пор, как я был «юным вундеркиндом», «одним из чудес девятнадцатого века» и многим другим, как писали газеты, о чём я давно забыл.

Сразу после моего выступления в Лондоне меня стали звать во все концы Англии. Я ездил, как неопытное дитя, в места грубые и благопристойные, аристократические и неотёсанные, чистые и грязные, утончённые и пошлые, религиозные и безбожные; и повсюду мои незримые подсказчики были готовы помочь мне в любых затруднениях и благополучно провести меня через многие трудные и неприятные места, от которых я наверняка бы отшатнулся, если бы заранее увидел, что меня ждёт. За девятнадцать месяцев моих лекционных поездок по Англии, с марта 1877 года по октябрь 1878-го, я, несомненно, повидал мир во множестве его разнообразных обликов, и хотя многие эпизоды моей жизни в тот богатый событиями период были чрезвычайно приятны, ибо добрых и верных друзей я встречал почти повсюду, я мог бы без малейшего труда и преувеличения рассказать немало историй, которые скорее позабавили бы или поразили

слушателей, чем назидали их. Моё телосложение не считалось от природы крепким, и мне приходилось сносить многие тяготы, от которых в смятении бежали бы люди куда более сильные; но хотя я не могу сказать, что вполне наслаждался всеми суровыми сторонами своих странствий в любую погоду по самым разным местам, я не сдавался, а, напротив, неуклонно креп как физически, так и умственно, так что, когда в конце октября 1878 года я покинул Англию ради Америки, моё здоровье вполне выдержало напряжение необычайно бурного, хотя и не опасного, океанского перехода и суровость новоанглийской зимы, которой переменчивый климат Альбиона меня никогда не подвергал. Я хорошо помню свой отъезд из Ливерпуля к неведомому Бостону через широкую Атлантику; я отправлялся совершенно один, если не считать ясно ощутимого присутствия тех верных незримых помощников, которые никогда меня не покидали.

Одно из самых ясных видений в моей жизни посетило меня в ночь перед отъездом из Ливерпуля. Я заснул около трёх часов ночи, по-видимому, от усталости после сильного возбуждения, но моё ясновидение торжествующе заявило о себе таким

образом, что вскоре я смог проверить его вплоть до мельчайших подробностей. Я увидел себя стоящим на широком возвышении, покрытом толстым красным ковром, в большом зале с высокими окнами по обеим сторонам. Над входом в этот зал был орган на хорах, а над кафедрой, на которой я стоял, возвышался прекрасный бюст великого новоанглийского проповедника, знаменитого Теодора Паркера. В этом зале я увидел очень хорошую публику, от шестисот до восьмисот человек; а посреди собрания передо мной величественно маячила фигура доктора Дж. М. Пиббласа, с которым я встречался в Лондоне несколькими месяцами раньше. Видение неизгладимо запечатлелось на скрижали моей памяти; затем я погрузился в сон без сновидений, продолжавшийся до тех пор, пока меня не позвали к последнему на много лет вперёд завтраку в Англии. По прибытии в Америку я обнаружил, что не только мой приезд был возвещён на страницах газеты «*Знамя света*», старейшей спиритуалистической газеты в мире, но и друг, встретивший меня на причале (Роберт Купер из Истборна, Англия, тогда видный деятель в Америке), сообщил мне, что доктор Пиббласс только что завершил цикл лекций в Паркеровском мемориальном зале и объявил меня

своим преемником: комитет принял меня на эту большую и заметную должность по доброй рекомендации доктора, хотя мне было всего восемнадцать лет и я был совершенно неизвестен руководителям лекционного цикла Паркер-холла. Едва я сошёл на американский берег, как почувствовал себя совершенно как дома на земле, которая вовсе не казалась мне чужой: там я услышал тот же язык и, за небольшими несущественными исключениями, вскоре убедился, что Англия и Америка — по меньшей мере двоюродные братья, если не более близкая родня. В Бостоне моя работа быстро пошла в гору; затем меня позвали в Нью-Йорк, Филадельфию и другие могучие города, не исключая Чикаго, где я надолго занял трибуну миссис Коры Л. В. Ричмонд, пока она выполняла обязательства в Бостоне. Почти пять насыщенных лет пролетели, когда в 1883 году я снова оказался в Англии и вновь взялся за дело, которое никогда не оставлял, а лишь временно приостановил, когда меня повели пересечь океан и стать видным деятелем в Америке. В 1884 году я вернулся в Соединённые Штаты, а в 1885-м снова посетил Англию. За эти годы, помимо обширных поездок и постоянных лекций, я выполнил большой объём литературной работы. В 1886 году я впервые

побывал в Калифорнии и провёл пять восхитительных месяцев на солнечном тихоокеанском склоне; в этом очаровательном краю я ежедневно выступал перед аудиториями, нередко насчитывавшими многие сотни человек, и видел чудесные результаты практики душевного исцеления, сторонником и истолкователем которого я к тому времени стал и остаюсь по сей день — бескомпромиссным, но, надеюсь, не фанатичным.

По окончании лекции, которую я прочёл в лагере на берегу озера Меррит близ города Окленда в Калифорнии, одна дама, давно бывшая калекой, отдала костыли мужу, пошла домой и впоследствии больше не пользовалась искусственной опорой. Это «чудо» исцеления произошло без моего ведома, ибо я не знал, что в собрании есть хромая женщина. Я не присваиваю себе никакой доли в свершении этого чуда, кроме того, что скажу: перед завершением изложения философии исцеления меня побудили сказать: «Вы можете пользоваться своими ногами, если решитесь ими пользоваться, как бы долго они вам ни отказывали». Я не имел представления, что обращаюсь к кому-то в частности, и никто из слушателей не был изумлён больше меня, когда «чудо» свершилось. Моё

объяснение его двояко: я твёрдо верю, что на эту страдавшую женщину действовало влияние, лежавшее за пределами моего сознания, и я также убеждён, что собственным актом самовнушения она сильно облегчила своё выздоровление. Этот случай полностью удостоверен и ныне напечатан в приложении к моему давнему основному труду «Духовная наука о здоровье и исцелении» под заголовком «Свидетельство миссис Лили Ботвелл».

Во время того удивительного лета 1886 года, которое в некоторых отношениях было самым поразительным за всю мою карьеру, я получил настойчивые приглашения посетить Австралию: из этой далёкой страны одна за другой приходили ко мне телеграммы. Девятью годами ранее, в самом начале моей публичной работы, мои невидимые наставники заверили меня, что после поездки по Америке меня ждёт великое дело у антиподов, и здесь я упомяну, что в 1885 году я дерзко объявил в одной лондонской газете о своём намерении ехать в Калифорнию в силу сообщения об этом, написанного моей рукой, хотя тогда у меня не было никаких земных видов продвинуться на запад дальше Нью-Йорка и Бостона. Моё разочарование было необычайно острым, когда выросли

препятствия высотой с гору и не позволили мне покинуть Америку по окончании первого сезона в Калифорнии. Долг звал меня обратно в Бостон, и я неохотно повиновался, с тяжёлым сердцем и сомнением в душе, ибо начал подозревать, что мои невидимые руководители каким-то образом потерпели неудачу в своих планах относительно меня: они торжественно уверяли меня, что мне предстоит выполнить миссию в Австралазии, а теперь, когда путь, казалось, ясно открылся, дверь была безжалостно закрыта, и не по моей воле. На обратном пути через американский континент, когда я остановился прочесть лекцию в Сент-Луисе, ко мне с несомненной ясностью пришло послание: «Ты поедешь в Австралию и Новую Зеландию, но не сейчас! Планы зреют, но ещё не созрели; полностью доверяй своим вдохновителям: хотя и кажется, что есть задержка, в устроении дел не было никакой заминки». «Но когда же я поеду?» — нетерпеливо спросил я. «Сейчас мы не можем тебе этого сказать; ты счёл бы срок слишком долгим, если бы знал его заранее; но успокойся: ты поедешь и займёшь большое место, пока будешь там жить». С этим заверением мне пришлось смириться, ибо ничего больше о Южном полушарии я получить не мог, хотя относительно моей постоянной работы в

Северном мне давали множество указаний. Десять лет я не видел Англии, и лишь благодаря совместному содействию леди Кейтнесс, герцогини де Помар, в Париже и особой экскурсии Всемирного женского христианского союза трезвости из Нью-Йорка в июне 1895 года я вновь посетил Европу после десяти лет непрерывной жизни в Америке. Эти десять лет были очень занятыми и богатыми событиями; мои необычные переживания в течение их пёстрого хода заполнили бы не один объёмистый том. Я исколесил Америку от Канады до Мексиканского залива и повсюду встречал тёплый приём и восторженную публику, хотя пусть никто не воображает, будто заметная общественная жизнь — это постоянный отдых на ложе из роз: роз хватает, но шипы часто растут с ними рядом. До того как я снова ступил на английскую землю после отъезда в 1885 году, я написал ряд книг, редактировал несколько периодических изданий, опубликовал в журналах многие сотни статей, а кроме того, написал в газеты тысячи писем и занимался музыкой.

Что впервые побудило меня обратить взор назад, к Европе, зимой 1894 года, — это психический, или телепатический, случай, который стоит повторить,

хотя он уже был описан прежде. Я хорошо помню 8 декабря 1894 года. В тот день, между половиной третьего и тремя часами пополудни, я сидел за столом в Нью-Йорке и писал статью для периодического издания, которое требовало материал в кратчайший срок. Я строчил изо всех сил, писал «наперегонки со временем», как литературные поденщики называют этот процесс, когда меня внезапно остановило видение леди Кейтнесс, которую я не видел более девяти лет: она сидела за секретером в роскошно обставленном будуаре, самой заметной чертой которого была великолепная картина, занимавшая почти всю одну стену. Эта картина, которую я ясно видел в видении, изображала «Лестницу Иакова», и я помню, что меня особенно поразила необыкновенная красота лиц ангелов. Леди Кейтнесс была нарядно одета и писала мне; казалось, я вижу, как чернила стекают с её пера на бумагу, пока она сообщала мне о многих интересных событиях, связанных с возведением её герцогского дворца «Холируд», куда она недавно переехала из прекрасного старого дома в более старом квартале Парижа, где она радушно принимала меня и где я провёл несколько собраний в 1884–1885 годах. В письме, которое она тогда писала, содержалась просьба без промедления

прислать статью для журнала, который она тогда редактировала, а также выражалась горячая надежда, что я найду возможность принять её предложение прочесть курс лекций в «Холируде» в наступающем июне. Почти тридцать минут это видение оставалось со мной, а потом, прежде чем письмо, казалось, было закончено, внезапно исчезло, и я вернулся к прерванной статье. На Рождество я поехал в Бостон и там, 24 декабря, среди других писем из Нью-Йорка получил то самое письмо леди Кейтнесс, помеченное «Париж, 8 декабря», которое я видел в своём чрезвычайно ярком видении. Из письма я узнал, что оно было написано между половиной восьмого и восемью часами вечера по парижскому времени, которое опережает нью-йоркское на пять часов, и потому совпадение по времени было настолько точным, насколько это вообще возможно.

Меня неоднократно просили описать разницу между телепатическими и духовными посланиями, и я откровенно признаюсь, что редко мог ясно их различить. Это замечание подводит к соображению, которое, на мой взгляд, весьма важно. Возьмём, например, много обсуждавшуюся теорию Томсона Джея Хадсона о двух умах и двух памятях. Хадсон

утверждает, что субъективный ум — единственное вместилище телепатической способности, и в трёх своих известных книгах — «Закон психических феноменов», «Научное доказательство будущей жизни» и «Божественная родословная человека» — он усердно пытается доказать, что, хотя объективный ум с его памятью может погибнуть со смертью физического организма, субъективный ум с его памятью продолжает жить в жизни бессмертия. Если эта посылка верна, то вывод Хадсона, изложенный в его любопытной статье (февраль 1902 года) в «Эре», известном американском ежемесячнике, совершенно неоправдан; и с его стороны верх нелепости заявлять, что спиритуалисты «сражаются в последнем окопе», ибо недавние опыты на обширном поле психических открытий в избытке доказали достоверность именно такой телепатии, за которую разумно ручаются Хадсон и многие другие. Мой собственный опыт во множестве случаев полностью убедил меня, что в девяти из десяти обычных случаев, когда можно ясно продемонстрировать психическое общение между друзьями, почти невозможно точно отличить послание, полученное от корреспондента на земле, от послания того, кто перешёл на другую сторону

бытия. Да и что такое эта «другая сторона», как не сторона, которой телепатия свойственна изначально? И можем ли мы быть уверены, что, действуя телепатически, мы не ведём себя точно так же, как продолжали бы вести себя, будучи внезапно лишены своих материальных оболочек? Если физическое тело — лишь оболочка или носитель пребывающей сущности, которая и есть истинная личность, то все эти увлекательные свидетельства передачи мыслей, или мысленного телеграфа и телефона, накапливающиеся повсюду, суть не что иное, как убедительные доказательства реальности нашей духовной природы здесь и сейчас, которая окажется непрерывной в загробном и грядущем. Поскольку свидетельства психического присутствия и духовного руководства сопровождали мои шаги с младенчества, я не могу выделить какой-либо особый период, когда я получил наибольшее число отчётливых доказательств сверхземного руководства, но они всегда были наиболее отчётливыми и многочисленными тогда, когда потребность в них была наибольшей.

Теперь я выберу почти наугад несколько особенно примечательных случаев предостережения, руководства и просто

любопытного провидения, которые ярко стоят в моей памяти, когда мысли возвращаются к минувшим дням.

Однажды в Калифорнии, когда я ещё находился в Сан-Франциско, я договорился прочесть лекцию в одном театре Лос-Анджелеса, купил билет и забронировал место на пароходе, отходившем в четверг и прибывавшем в Сан-Педро, порт Лос-Анджелеса, к полудню следующей субботы. Стояла летняя погода, и каботажные пароходы почти неизменно приходили по расписанию. Будучи совершенно уверен, что окажусь в Лос-Анджелесе по меньшей мере за двадцать четыре часа до того, как мне нужно будет появиться в театре, я, купив билеты, не испытывал никакой тревоги насчёт исполнения своего обязательства, а потому очень удивился, когда, поднимаясь по Маркет-стрит, услышал рядом с собой отчётливый голос: «Смени билет; поезжай поездом: пароход не придёт до понедельника». Сначала я не обратил внимания на это странное предостережение и лишь недоумевал, откуда оно исходит; но когда его повторили дважды, я решил не рисковать, пренебрегая ценным советом, вернулся в контору, где оформил проезд, и сменил билеты с парохода на поезд, несмотря на

решительное заявление кассира, что пароходы всегда приходят вовремя и что я могу рассчитывать успеть к своему выступлению, если останусь при первоначальном намерении.

Купив железнодорожный билет в согласии с настойчивой просьбой невидимого наставника, я мысленно спросил: «Что вызовет задержку?» — и получил ответ, клэрогаудиентно, с большой отчётливостью: «Поломка винта; опасности нет, но судну придётся вернуться для ремонта; оно благополучно прибудет в понедельник». По прибытии в Лос-Анджелес в субботу утром друзья упрекали меня в том, что я лишил себя приятного морского путешествия в то время года, когда в тех краях пароходы были намного предпочтительнее поездов; но я настаивал, что, поскольку на следующий день мне предстояло прочесть две лекции, мне совершенно необходимо приехать раньше парохода, который, как я был уверен, опоздает. Прошли и суббота, и воскресенье, а парохода всё не было. Я выступил перед двумя большими аудиториями, прежде чем судно наконец пришло в понедельник утром, рассказав историю о сломанном винте и возвращении в порт отправления для ремонта.

Другой случай, совсем иного рода, но не менее феноменальный, хотя и менее практически полезный, касался знакомства, которое я завёл в Лондоне в 1897 году во время цикла частных полуночных сеансов, на которых мне довелось присутствовать и где условия были исключительно хорошими. Чтобы удобно было нескольким профессионалам, входившим в круг, мы собирались дважды в неделю в полночь и продолжали сеансы до двух-трёх часов ночи. Главным средоточием нашего внимания был огромный кристалл, помещённый в центре большого библиотечного стола. Кристалл был размером с обычный шар для золотых рыбок, и в этот сверкающий предмет мы все тихо, но пристально вглядывались, чтобы усилить сосредоточенность мысли и зрения. Когда мы становились восприимчивы к психическому видению, мы позволяли глазам закрыться, если они сами того хотели, и описывали всё, что предстаёт перед нами. Среди множества выразительных случаев, связанных с тем кругом, я помню, как точно описал сцены, разыгрывавшиеся тогда в брайтонском доме, где жили родители и другие родственники молодого армейского офицера, чей полк вскоре был отправлен в Индию. Несколько месяцев спустя, когда этот джентльмен находился в

Калькутте, а я в Нью-Йорке, я видел его так ясно, словно он был физически рядом со мной; а в день его рождения, когда друзья подарили ему красивую пару военных щёток для волос с ручками из слоновой кости, на которых его монограмма была богато выгравирована синим и золотым, я видел эти предметы так ясно, словно мы с ним действительно находились в одной комнате и рассматривали подарки ко дню рождения. Письмо, пришедшее от него несколько недель спустя, в точности описывало эти щётки и содержало слова: «Уверен, что в эту самую минуту вы получаете от меня телепатическую депешу».

Хотя мне есть что рассказать — хватило бы на многие тома, — и всё это иллюстрирует великий вопрос психического общения между друзьями, ещё живущими на земле, и теми, кто «перешёл за черту», а также множество описаний вполне убедительной телепатии между людьми, оба из которых были воплощёнными, я должен отложить рассказ о других поразительных случаях до будущих возможностей. Но теперь, когда я завершил почти тридцать лет служения обществу, я считаю своим священным долгом и высокой привилегией дать недвусмысленное свидетельство

о неизменно благотворном действии, которое оказал на меня со всех точек зрения тот медиумизм, какой развился во мне. И умственно, и физически я бесконечно многим обязан именно тем дарам и тому опыту, которые, по ошибочному мнению, ослабляют ум и тело. Я не отрицаю, что существуют опасности и недостатки, но во всём моём разнообразном и долгом опыте, на трибуне и вне её, на протяжении более четверти века, я неизменно находил, что указания, данные мне невидимыми помощниками, были здравыми, возвышающими и правдивыми до буквы во всех подробностях; а телепатические случаи, на которые я едва ли более чем намекнул, всегда были интересны, никогда не причиняли вреда и неизменно проливали яркий свет на многие мистические загадки. В течение почти двух лет, проведённых мной к югу от экватора, я продолжал свой путь неутомимо и неустанно в самом разном климате и в самой разной обстановке. Я глубоко благодарен друзьям, видимым и невидимым, за множество знаков их заботы и доброты, которые озаряли все мои странствия и сделали возможным исполнение обширной миссии, приведшей меня в Южное полушарие. С Аделаидой, Мельбурном, Сиднеем, Брисбеном, Ньюкаслом и многими меньшими

местами в великой Австралии я всегда буду чувствовать себя связанным как с центрами работы, которая, как я знаю, уже принесла добрые плоды многими путями. Окленд, Веллингтон и Крайстчерч в живописной Новой Зеландии навсегда останутся столь же священными в моей памяти. Во всех моих антиподных скитаниях я находил свои психические способности столь же ясными и столь же очевидными, как и в других странах, где Южный Крест — невидимое созвездие. Теперь я уверен, что мои дни странствий ещё не кончены, что мне ещё предстоит пересекать океаны и объезжать материки, прежде чем я смогу с честью уйти от активной службы, если такой уход вообще мне суждён. Опасности спиритуализма, по моему суждению, сильно преувеличены, тогда как его благословения нередко преуменьшаются; ибо хотя с 1890 года я состою членом Теософского общества, а моё знакомство и связь с движением Ментальной науки — дело общеизвестное, я желаю публично, решительно и бесповоротно засвидетельствовать неопровержимую истину общения с духами. К своеобразным теориям, которые отстаивают некоторые спиритуалисты, я не питаю сочувствия; и смею сказать, что есть духи-проказники, как и ненадёжные люди по эту сторону мистической

границы; но хотя я должен оставаться тем «вольным стрелком», каким был всегда, и работать там, куда меня призовут, а потому не могу выступать как исключительно спиритуалист, в широком смысле я столь же убеждённый сторонник спиритуализма, как любой из его самых пылких представителей. Я ничем не обязан кружкам развития и сравнительно немногим — спиритуалистической литературе или феноменальному медиумизму объективного типа; поэтому моя уверенность в основном утверждении спиритуализма никогда не может быть ослаблена какой бы то ни было полемикой вокруг сомнительных феноменов. Я видел и несомненно подлинное, и двусмысленное, и мошенническое, и, видев так много, готов бесповоротно засвидетельствовать следующее: спиритуализм основан на истине, и сколько бы ракушек ни пришлось счищать с тех учреждений, что посвящены его особой защите, двадцатому веку суждено увидеть духовное откровение, к которому все чудеса девятнадцатого, как ни были они грандиозны, лишь проложили дорогу.

ГЛАВА I

ВОПРОС О ТОЖДЕСТВЕ ДУХА

Спорный вопрос о тождестве духа всегда способен вызвать немало дискуссий, главным образом потому, что то, что одним типам ума кажется вполне убедительным, другим кажется неубедительным. Поэтому к этой огромной и жизненно важной теме необходимо подходить не только совершенно без предубеждения, но и вооружившись ясным пониманием действительной ценности различных теорий, которые ныне предлагаются для всеобщего принятия вместо того, что нередко называют спиритуалистической гипотезой.

Нас часто спрашивают, можем ли мы ясно объяснить, как отличаем телепатические сообщения от спиритических. Откровенно признаём, что нередко полностью разграничить их выше наших нынешних сил, но эта неспособность всегда проводить различие, вовсе не ослабляя свидетельства в пользу простого спиритуализма, лишь требует пересмотра всей проблемы нашей человеческой природы, прежде чем мы попытаемся сформулировать всеобъемлющую теорию,

объясняющую всю массу наших разнообразных психических переживаний. Очень многих вдумчивых читателей сильно впечатлили пять известных книг Томсона Джея Хадсона: «Закон психических явлений», «Научное доказательство будущей жизни», «Божественная родословная человека», «Закон ментальной медицины» и «Эволюция души», в которых весьма полно и убедительно изложена гипотеза, известная как теория двойственности человеческого ума. Профессор Хадсон, как и многие другие способные авторы, в известной мере трудится под бременем предвзятости против спиритуализма, которая нередко портит красоту и последовательность его в остальном превосходного литературного труда. Свидетельства телепатии, выдвигаемые этим автором, очень сильны, а в некоторых случаях безупречны, но мнимые свидетельства против спиритуализма рационально недопустимы, поскольку носят необычайно отрицательный и предположительный характер. Мы должны смело взглянуть на свою проблему, не пытаясь скрыть, что за последние несколько лет накопилось много свидетельств в пользу простой телепатии, которые некоторые чрезмерно восторженные спиритуалисты, возможно, склонны были

недооценивать, ошибочно полагая, что их признание повредило бы делу, самому близкому их сердцу. Лучшее понимание телепатии и более полное постижение того, что логически заложено в теории «двух умов» Хадсона, может успокоить многих сомневающихся. Нельзя забывать, что название второй книги Хадсона совершенно вводит в заблуждение и является сущей неточностью, если свидетельства телепатии доказывают общение между друзьями на земле, но не проливают света на состояние тех, кто «пересёк границу». Автор настойчиво утверждает, что из двух наших умов, которые он неизменно называет объективным и субъективным, первый погибает в момент физического распада, а второй живёт дальше и находит сферу для более полного и совершенного действия, чем когда-либо имел на земле. Эта теория объясняет телепатию как своего рода предвкушение способа общения между дружественными сущностями, который будет непрестанно господствовать в будущей жизни. Единственный изъян, который нам удалось обнаружить в цепи рассуждений Хадсона, — это невысокое мнение, какое он, по-видимому, питает о нравственной целостности субъективного ума, вместе с совершенно безосновательным утверждением, что

подавляющие свидетельства неограниченной телепатии вскоре вытеснят спиритуалистов даже из того «последнего окопа», где они ныне отчаянно сражаются (по Хадсону), чтобы спасти проигранное дело и уберечь безнадёжное предприятие.

Разумное отождествление телепатии с непосредственным общением с духами не только не вносит новой путаницы и не усложняет и без того сложное положение, но впервые даёт нам упорядоченное, гармоничное и легко постижимое истолкование многих сходных фактов и параллельных переживаний, которые давно смущали рядового исследователя психических явлений, хотя всегда находились исключительно просвещённые представители науки и философии ума и духа, прошедшие долгий путь по дороге, которая в конце концов должна привести к всеобщему пониманию человека как духовного существа.

Нас часто просили ясно определить, в чём состоит различие между сообщением, полученным от друга, ещё живущего на земле, и подобным сообщением от того, кто «перешёл за черту». Спиритуалистическая литература во многом обременена двумя без конца повторяемыми

выражениями: «возвращение духов» и «духи, возвращающиеся на землю». Эти выражения в значительной мере вводят в заблуждение, ибо, хотя бывают случаи, когда такой язык может точно и достаточно описывать природу некоторых проявлений, они отнюдь не служат верным описанием действительных переживаний подавляющего большинства провидцев и провидиц древних или новых времён. «Введение в духовное состояние» — выражение, исполненное глубокого смысла, и, употребляй его чаще, оно помогло бы прояснить многие вопросы ясновидения, яснослышания, ясночувствования и психометрии. Профессора Дентон и Бьюкенен в своих учёных рассуждениях о психометрии, иллюстрированных многочисленными рассказами о личном опыте, настаивали, что истинный психометр воспринимает ауру предмета и порой отчётливо видит в мир духов и сознательно входит в связь с его обитателями. Такое обострённое восприятие можно по справедливости считать в известной степени предвосхищением способа общения, которым мы будем пользоваться друг с другом, простившись со своими одеяниями из плоти.

Мы вправе утверждать, что если нас призывают установить тождество разумных существ, с которыми мы общаемся, то мы должны применять к этому делу те же законы свидетельств, что и к вопросам опознания личности, когда речь идёт лишь о земных делах. Опознать ближнего в любом мире не всегда легко, и нередко это оказывается крайне трудным, когда полагаешься лишь на внешние проверки. «Руки — руки Исава, а голос — голос Иакова» — яркий пример из Писания, показывающий, как трудно было древнему патриарху решить, который из двух его сыновей на самом деле перед ним. Слепота Исаака вполне может служить образом состояния, в каком оказывается большинство людей, когда их удаётся обмануть. Свидетельства представляются двух родов, и сразу вместе. Одни обращены к чувству, другие — к разуму.

Мы очень часто судим о людях по внешности, которая потом оказывается совершенно обманчивой, и если в какой-либо мере допустить, что бывают обманывающие духи, которые порой посещают нас, то мы, очевидно, оказываемся по отношению к ним точно в том же положении, что и по отношению к людям, ещё живущим на земле,

которые поступают с нами нечестно, потому что мы открыты для обмана. Трудности, связанные с тождеством духа, не обязательно больше тех, что окружают опознание людей, ещё облачённых в смертные одежды.

Никакие чисто внешние проверки не всегда состоятельны. Более того, полагаться исключительно на них — значит поощрять мошенничество и играть на руку фальсификаторам, которые обычно мастерски подделывают внешнюю оболочку тех, кого стремятся изобразить. Свидетельства, рекомендации и рекомендательные письма не служат безошибочными признаками, ибо всё это может оказаться поддельным или украденным. Единственный верный способ опознать кого-либо наверняка — развивать психическую восприимчивость, а она, как правило, сильнее развита у людей высокочувствительных, чем у всех прочих. Впрочем, обман менее вероятен на духовной стороне бытия, чем на материальной, потому что побуждение обманывать там куда слабее. Надежда на мирскую выгоду толкает большинство обманщиков на земле заниматься их гнусным ремеслом, и можно смело предположить, что по меньшей мере девяносто процентов всякого

обмана исчезло бы с земли, если бы он не мог принести ни денежной, ни иной корыстной выгоды. Выдавать себя за другого было бы бесцельным безрассудством, которому предались бы очень немногие, не видь они в таком обмане средства к обогащению или возвышению.

С известным основанием можно предположить, что когда общающиеся разумы, обнаруживающие лишь очень скудный ум, называют себя знаменитыми и прославленными личностями, они, возможно, жаждут фимиама лести; но когда никаких громких имён не называется и никаких притязаний не заявляется, трудно понять, какую причину можно было бы справедливо указать для простого глупого маскарада или умышленного искажения истины любого рода. Мы знаем по опыту, что самовнушение со стороны предполагаемого получателя духовного сообщения может объяснить некоторые случаи искажения, особенно когда такой самообман в основном служит самовозвеличиванию или удовлетворению личного тщеславия. Большая помеха чистому общению с духами — предубеждения и тщеславие многих чувствительных людей, однако эта самая глупость с их стороны порой помогает раскрыть сторону

истины, которой часто пренебрегают, а именно: что со стороны невидимого сообщающего может быть полная искренность и откровенность, тогда как человек, которому адресовано сообщение, может быть единственным источником обманчивого элемента.

Одна дама в одном из южных штатов Америки заявляла, что находится в непосредственном общении с Джорджем Вашингтоном, первым президентом Соединённых Штатов; но друзья, как правило, смеялись над её утверждением, потому что при автоматическом письме через руку дамы и при трансовой речи через её уста «Джордж Вашингтон» выражался крайне неграмотно и на негритянском наречии. В один памятный раз, когда «Джордж Вашингтон» говорил через медиумизм этой дамы, его отчётливо увидела превосходная ясновидящая, приглашённая на сеанс, и по окончании речи эта провидица описала то, что она наблюдала во время её произнесения: присутствие явного африканца эфиопского оттенка кожи и черт лица, который, по-видимому, был сильно привязан к даме, через чей медиумизм ему удалось передать пространное послание. Когда её попросили описать всё, что она видела, провидица рассказала

подробности о почтенном старом слуге по имени «Джордж Вашингтон», который был верным слугой семьи до Прокламации об освобождении, изданной в 1865 году, и в том же году упорно отказывался принять свободу, поскольку нежно любил старое имение и был преданно привязан к своему господину и госпоже, родителям той дамы, через которую он теперь мог общаться и которую он часто нянчил в самом раннем её девичестве, прежде чем перешёл в жизнь духа, когда ей было не больше восьми лет. Этот простой случай объяснил всю загадку и дал вполне разумное объяснение явлению, относящемуся к разряду отнюдь не редких в Америке, которые приводили к обвинениям в обмане там, где его не было, к теориям о злых духах-самозванцах и ко многим другим причудам неуравновешенного суждения, не говоря уже о мнимо остроумном замечании людей, более «бойких», чем мудрых, что умирать, должно быть, ужасно, если в посмертном состоянии мы так быстро и печально деградируем. Подобный случай выдержит самое тщательное рассмотрение, и его, несомненно, гораздо проще объяснить с точки зрения прямого общения с духами, чем натягивать гипотезу самовнушения или телепатии до предела, выдумывая неправдоподобное толкование вместо

правдоподобного. Если бы упомянутая дама внушила это себе сама, она, конечно, говорила бы вполне грамотно, так как была сравнительно хорошо образованной женщиной, и, не будучи негритянкой, не облекала бы воображаемое послание Джорджа Вашингтона, каким она его себе представляла, в негритянское наречие. Допуская телепатию, умственную телеграфию или телефонию или что-либо иное, в какой-то мере психическое, нельзя придумать ничего вероятнее того, что добрый старый негр, много лет бывший верным слугой семьи, жившей в этом самом имении, станет искать путь общения с ней через члена семьи, к которому он был очень привязан незадолго до перехода в мир духа.

Несомненно верно, что многие духи покидают землю и всё, что с ней связано, очень вскоре после смерти физического тела, тогда как другие остаются тесно связанными с местами своего земного существования — не потому, что они «прикованы к земле» в том смысле, что это несчастные создания, которые из-за чувственных пороков не могут подняться над мирским уровнем, а потому, что их привязанности всё ещё льнут к людям и местам, с которыми у них были приятные связи вплоть до

последнего мгновения земного существования. Эндрю Джексон Дэвис, а также Сведенборг и многие другие одарённые провидцы много говорили о многочисленных сферах в этой солнечной системе, окружающих разные планеты, которые часто нумеровались от одной до семи, а затем вновь делились и подразделялись на круги внутри кругов, подобно колёсам внутри колёс в видениях Иезекииля; и те, кого это учение сильно привлекло, а имя им легион, ссылались на откровения этих пророков, чтобы опровергнуть утверждение, высказанное с несколько иной точки зрения, что множество духов не могут возвратиться на землю, так как они ещё не покинули ближайшую атмосферу этой планеты и даже те самые места, где большую часть своих земных дней провели за трудом или развлечениями, к которым питали живой интерес.

Предаваясь личным воспоминаниям, я часто рассказываю случай, который представляется мне ясным свидетельством тождества духа. Когда я был в Австралии в 1900–1901 годах, я часто пользовался услугами одного бойкого, предприимчивого молодого человека, превосходно печатавшего на машинке; ему я диктовал части нескольких книг и

множество журнальных статей. Перед тем как навсегда проститься с этим молодым джентльменом на земле, накануне его отъезда в Новую Гвинею, где он должен был занять ответственный и влиятельный пост, он сказал мне, что надеется, когда я вернусь в Англию, поехать со мной морем: ему очень хотелось, хотя он и был австралийцем по рождению, побывать на Родине-матери, которую австралазийцы неизменно называют «домом», хотя она и находится за двенадцать тысяч миль. Я ответил, что, хотя не могу определённо предвидеть собственных планов на ближайшее будущее и потому ничего не могу обещать, я вполне готов исполнить его желание, если представится случай осуществить этот замысел. Вскоре после прибытия в Новую Гвинею, в полном здравии и, по-видимому, крепкого сложения, он подхватил местную лихорадку и через три дня покинул смертное тело. Не могу сказать, что он очень часто занимал мои мысли или что его утрата казалась мне невосполнимой; и всё же между нами была связь симпатии, которая, очевидно, позволила ему являть мне своё присутствие не раз, на трёх различных этапах моего плавания из Сиднея через Новую Зеландию и далее через Америку в Англию. Впервые он попытался

дать о себе знать между Сиднеем и Окландом, но, поскольку за четыре коротких дня этого плавания я редко бывал один, не помню какого-либо вполне определённого свидетельства его тождества, хотя я ясно сознавал его присутствие. Второй его визит, о котором я знаю, пришёлся на путь в Калифорнию, когда на «Сономе» у меня была большая каюта в полном моём распоряжении, и, будучи мало знаком с попутчиками, я имел множество возможностей для спокойной тишины и непрерываемых размышлений. Я хорошо помню, как отчётливо чувствовал рядом присутствие моего молодого друга — такого, каким я знал его в Австралии, — и ощущение этого присутствия было настолько реальным и осязаемым, что казалось, будто со мной в каюте находится ещё один человек. Я был совершенно бодр, спокоен и вполне способен разобрать всё, что он мне говорил, и всё же уверен, что ничего не слышал внешними ушами, кроме движения судна, рассекающего воду. Я не только чувствовал, или ощущал, его присутствие, но он сообщил мне сведения о своём положении в Новой Гвинее и об обстоятельствах своей жизни там, которые, как я позднее узнал из переписки с общим знакомым, оказались верными до мельчайших подробностей. В третий раз, когда я так же сильно

ощутил его присутствие, я приближался к Плимуту, возвращаясь из Нью-Йорка в феврале 1902 года; тогда он рассказал мне о своём нынешнем состоянии и занятии и сообщил несколько вещей о моём собственном ближайшем будущем, которые с тех пор полностью подтвердились. Столь определённые, прямые и правдивые сообщения, конечно, не исходят от лживых духов, и не исходят они от моего собственного подсознательного «я», чья репутация правдивости и здравомыслия мне, естественно, небезразлична; и когда я говорю доброе слово в защиту собственного субъективного ума, которому предстоит жить после того, как мой объективный ум погибнет, я так же отстаиваю соответствующие подсознательные «я», или субъективные умы, всех моих ближних. Несравненно разумнее придерживаться рассудительного спиритуалистического толкования только что рассказанных фактов, чем изобретать и любой ценой отстаивать противоречивую и крайне запутанную теорию тайн телепатии, которая скорее затуманивает, чем просвещает здравомыслящих исследователей. Пытаясь определённо ответить на вполне естественный вопрос, есть ли заметная разница во внешнем виде психического, или астрального, тела человека, ещё живущего на земле,

и того, кто расстался с земными одеждами, осмелюсь предположить, что это ясно определимо лишь тогда, когда к телепатии добавляется фактор ясновидения. Обычно облик того, кто оставил плоть, для психического зрения более эфирен, чем облик того, кто ещё с ней связан, но когда осознаётся лишь ощущение присутствия, а разум общается внутренне, часто невозможно решить, получено ли данное сообщение от друга, ещё живущего на земле, или от того, кого чаще называют «духом».

Ненужные трудности на пути разумного установления тождества духа создают многие люди, которые, очевидно, принимают тождество, относящееся к непреходящей индивидуальности, за самые внешние проявления вечно изменчивой внешней личности. Часто задают такие вопросы: «Если вы видите моего отца, можете ли вы описать его внешность? Носит ли он бороду? Как он одет?» — и многое другое почти столь же смехотворного свойства. Немного трезвого размышления должно убедить даже самого неопытного новичка, что такие вопросы, как бы на них ни ответили, не могут определить тождества. Все мы знаем, что мода меняется, а привычки сменяются с удивительной быстротой, и человеку совсем не трудно за

несколько мгновений сбрить густую бороду или за несколько недель отрастить её, полностью изменив тем самым одну из сторон своей внешности. Чёрные волосы легко седеют, полные люди худеют, а стройные полнеют — и весьма часто, тогда как перемен, вызванных годами и сменой чувств, нередко достаточно, чтобы старые фотографии, когда-то говорящие портреты, перестали быть узнаваемыми, разве что для самых проницательных знатоков физиогномики. Тем не менее постоянно утверждают, что ясновидящие видят наших друзей-духов такими, какими они были, когда мы видели их в последний раз, или какими они являлись, когда мы были с ними теснее всего связаны. И такое свидетельство, основанное, как это нередко бывает, на подлинном факте, нуждается в истолковании в свете иного знания, чем то, которое можно получить посредством простого и зачастую загадочного ясновидения. Астральные образы часто наблюдаются в воздухе старых домов, где долгое время жили определённые люди и к которым они сильно привязались, и эти психические фотографии нередко принимают за действительное присутствие ушедших духов те, кто полагается на зрение как на доказательство, отдельное от чувства или явного

проявления разума. Факт из моего собственного опыта может послужить иллюстрацией двух особенностей этой части вопроса о тождестве духа.

Несколько лет назад я гостил в старом загородном доме, который со времени своей постройки оставался жилищем одной и той же семьи. Комната, отведённая мне под спальню, как я позже узнал, много лет служила особым рабочим и читальным покоем незамужней тётушки, ставшей для всей семьи почти второй матерью. В этой комнате она проводила большую часть времени в последние годы своей земной жизни, и одним из любимых её занятий было вязание чулок у камина. Четыре ночи подряд, пока я занимал эту комнату, я видел эту тихую пожилую даму с вязаньем в руках, сидящую перед огнём в камине, который в то время года был заполнен летним убранством. Сначала я подумал, что действительно нахожусь в общении с этой доброй, безмятежной старушкой и что у неё, возможно, есть послание, которое она хочет передать через меня кому-нибудь из домашних; но как бы напряжённо я ни сосредоточивал мысли и внимание на видении, я не мог заметить в нём никакого оживления и не получал даже слабейшего намёка на разумность. Люди, у которых я жил,

нисколько не были враждебны спиритуализму, и когда я в точности рассказал им, что видел четыре ночи подряд именно в этой спальне, все согласились, что это точное описание их тётки, вплоть до гладких прядей каштановых волос надо лбом и чепца с сиреневыми атласными лентами, завязанными под подбородком; но они, как и я, недоумевали, почему, если я так ясно вижу их тётку, я ни разу не видел, чтобы она двигалась, и не мог получить никакого впечатления о её разуме. На пятую ночь моего пребывания в этой комнате я пережил совершенно иное ощущение в связи с тем же явлением, которое я снова увидел неподвижным и безответным, как и прежде; но на этот раз над астральной картиной парила сияющая юная фигура, имевшая некоторое семейное сходство с неизменным подобием, но проникнутая огнём и энергией деятельной жизни и действующего разума. Одновременно с этим новым переживанием в некое вместилище моего сознания ясно потекли сведения, давшие мне понять, что оригинал портрета желает, чтобы её племянницы и племянники нашли в её старом письменном столе некоторые бумаги, написанные ею давным-давно, которые, по её желанию, следовало пересмотреть, отредактировать и издать. Следуя подробным

указаниям, данным мне этим руководящим разумом, я сопровождал нескольких членов семьи в кладовую, где долгое время хранились многие списанные предметы мебели; и там среди них стояла старинная конторка, в которой мы нашли законченную повесть, излагавшую романтическую и весьма назидательную историю удивительных эпизодов из жизни, которую мир, несомненно, счёл бы уединённой и небогатой событиями. После этого поразительного подтверждения правдивости моего видения мы образовали тесный семейный кружок для дальнейшего исследования, и в нём посредством автоматического письма, дополненного ясновидением, мы проверили многие необычайные утверждения этой живой родственницы семьи, которая уверяла нас, что более не сидит у огня за вязанием, но весьма деятельно занята духовными делами, которые, однако, нисколько не отдаляют её от прежних близких, а, напротив, удерживают её в тесной живой связи со всеми ними, хотя и более тонким и эфирным образом, чем до того, как она оставила материальную оболочку.

Другой интересный случай из моего опыта относится к осени 1899 года, незадолго до моего первого посещения Австралии. Я давно знал миссис Эмму Хардинг Бриттен, но моя первая встреча с ней состоялась в 1877 году на лекции в Манчестере, когда она была женщиной средних лет, одетой почти так же, как продолжала одеваться, пока окончательно не оставила публичную трибуну. После её перехода в жизнь духов эта ревностная труженица время от времени отчётливо давала мне знать о себе, как на трибуне, так и вне её, и в ноябре 1899 года я ясно увидел, в связи с чрезвычайно сильным ощущением её близкого присутствия, облик сияющей девушки со светлыми золотистыми локонами, несколько напоминавшей самые ранние портреты миссис Ричмонд, когда она была Корой Хэтч, но внешне нисколько не наводившей меня на мысль о миссис Бриттен. Я никогда не смог бы понять это видение, если бы примерно месяц спустя не посетил миссис Уилкинсон (сестру миссис Бриттен) и, будучи её гостем в Манчестере, мне не показали бы картину, написанную много лет назад, на которой Эмма Хардинг была изображена в юном костюме «Королевы фей». На этой картине будущая миссис Бриттен была с льняными локонами и во всём в точности такой, какой показалась мне в моём

видении. Если бы я сам внушил себе образ миссис Бриттен, я наверняка вызвал бы из глубин памяти её облик таким, каким я знал её; и когда я опросил её духовно посредством медиумизма автоматического письма, уже после того как увидел портрет у миссис Уилкинсон, было передано следующее сообщение: «Я знала, что вы собираетесь к моей сестре; поэтому я хотела дать вам необычайное доказательство моего тождества, и, как я вижу, мне это удалось; и есть ещё одна причина, по которой я показалась вам таким образом: я хотела запечатлеть в вас знание, что теперь я могу показываться своим друзьям в различных формах, и мой нынешний облик гораздо ближе напоминает мою юность на земле, чем мой поздний возраст».

«Как мы узнаём друг друга здесь?» — вопрос не менее серьёзный, чем «Узнаем ли мы друг друга там?» Помню, несколько лет назад в Нью-Йорке общий друг попросил меня встретить одного джентльмена, возвращавшегося в Америку после десяти лет жизни в Германии; по портрету мне описали его как стройного мужчину с чёрными как смоль волосами. Таким он, несомненно, и был, когда отплывал в Германию, но за десятилетие, проведённое в Европе, он заметно располнел, а

волосы его совершенно побелели. Тем не менее я узнал его по наитию, хотя никогда прежде не встречался с ним, и, к его величайшему удивлению, окликнул его по имени, едва он сошёл с парохода. Если бы я рабски подчинялся своим физическим чувствам, вместо того чтобы довериться какой-то более верной и тонкой способности распознавания, я наверняка не признал бы его, настолько он отличался внешне от описания, которое мне дали. Нельзя ожидать, что, столь быстро меняясь внешне на земле, мы останемся неизменными по внешнему облику в мире духов. Однако о сравнительно устойчивом облике в жизни по ту сторону можно сказать вот что. Там мы не так сильно подвержены влиянию внешнего климата, и внешний облик меняется лишь постольку, поскольку отражает перемены в нашем внутреннем состоянии. Таков единодушный и неколебимый вердикт духовных свидетелей повсюду, где они давали знать о своём присутствии.

И наконец, о взвешивании свидетельств на весах разума. Мы вправе утверждать вопреки любому противодействию, что каждое отдельное сообщение следует судить по его собственным достоинствам и ни принимать, ни отвергать его в зависимости от

достоинств или недостатков какого-либо другого представленного послания. Если не расстаться с разумом, мы не можем поверить, что становимся жертвами глупого или злонамеренного обмана в тех случаях, когда даваемые учения имеют высочайшее нравственное значение, а предлагаемые сведения подтверждаются во всех подробностях, насколько мы вообще в состоянии их проверить. Грубые и запутанные теории, ныне ходящие в обороте с целью дискредитировать свидетельства общения с духами, гораздо труднее и куда менее вероятны, чем простой и удовлетворительный вывод, давно сделанный всеми разумными и беспристрастными исследователями: во многих случаях мы действительно получаем убедительное доказательство тождества общающихся духов. В заключение взглянем на мгновение на умственные особенности нескольких типичных исследователей психических явлений, которые в последние годы полностью убедились, что во многих случаях, хотя и не во всех, было получено неоспоримое доказательство тождества духа. Профессор Ходжсон и мистер Майерс в конце концов полностью убедились через медиумизм миссис Пайпер и других чувствительных; так же убедились мисс

Лилиан Уайтинг и преподобный Майнот Дж. Сэвидж, как и многие другие представительные и осторожные исследователи. Этим известным людям нечего было выиграть и, возможно, было что потерять от откровенной защиты спиритуализма; а что касается доктора Сэвиджа, хорошо известно, что склад его мысли был решительно агностическим и что многие годы своего популярного служения в Бостоне он был в основном защитником и выразителем философии Герберта Спенсера. Трудно понять, почему люди предпочитают дьявола собственным друзьям, перешедшим за таинственные врата, и уж конечно, нормальному рассудку не может быть легче верить в воображаемых злых демонов, о которых мы практически ничего не знаем, кроме голословных слухов, чем в присутствие и деятельность тех самых людей, которых мы знали на земле как реальных личностей и которые вновь появляются со своими хорошо известными свойствами. Телепатию и все прочие доказуемые стороны психических явлений должен беспрепятственно признать каждый исследователь психической науки, и теперь неотложным долгом и священной привилегией всех, кто обладает знанием в этой области, стало по мере возможности разъяснить истинное учение о

близком сходстве и тесной связи телепатии со спиритуализмом. Простая телепатия проливает много ясного света на наши нынешние духовные способности, а общение с духами выходит за пределы земного телепатического опыта, перенося телепатию через незримую границу в те родственные области духовной деятельности, где силы и функции наших «подсамостей», или «субъективных умов», раскрываются полнее и осуществляются свободнее и шире, чем это, по-видимому, когда-либо возможно во время земного воплощения. Будем открыты всем видам свидетельств и строить теории, объясняющие факты, но никогда не станем пытаться втискивать факты в колеи заранее придуманной теории.

ГЛАВА II

ВЗГЛЯД С ВЫСОТЫ ПТИЧЬЕГО ПОЛЁТА НА ДРЕВНЮЮ И СОВРЕМЕННУЮ ДУХОВНУЮ ФИЛОСОФИЮ

Тому, кто изучает древние летописи и старательно сопоставляет взгляды философов глубокой древности со взглядами нашего времени, с

поразительной убедительностью открывается истинность знаменитого изречения: «Нет ничего нового под солнцем». Сколько бы ни говорили о новизне и ни хвалились оригинальностью, которые встречаются исследователю на каждом шагу, стоит нам беспристрастно сравнить новейшие теории с древнейшими, как мы скоро обнаруживаем, что новое очень старо, а старое очень ново.

Это открытие не должно обескураживать; напротив, оно должно сильно ободрять наши усилия найти общую основу философии, глубоко укоренённую в самом существе человечества и потому способную сохраняться во все века и периодически вновь выходить на поверхность человеческой мысли, о чём волна за волной духовного подъёма свидетельствуют действие циклического закона в истории человеческого прогресса.

Духовная философия есть, по сути, спиритуализм в его правильном отличии от материализма и агностицизма, двух его единственных серьёзных соперников. Духовные философы основывают все свои выводы на определённых основополагающих посылках, первая из которых есть кардинальный постулат ДУХА. Какой бы термин ни употреблялся

ныне для обозначения АБСОЛЮТНОЙ РЕАЛЬНОСТИ — БЕСКОНЕЧНЫЙ РАЗУМ или любой иной, — основной посылкой всегда должно быть признание БЕСКОНЕЧНОЙ ВЕЧНОЙ ЖИЗНИ, высшего сознания, лежащего за пределами всякого постижения, но непременно улавливаемого человеческой интуицией и в известной мере открывающегося человеческому разумению.

Бесполезно рассуждать о БЕЗУСЛОВНОМ АБСОЛЮТЕ, ибо мы живём в областях относительности и можем иметь дело лишь с конечными понятиями и ограниченным опытом; и всё же мы вынуждены утверждать беспредельное, называем ли мы Бесконечное или оставляем его безымянным.

Герберт Спенсер, которого всегда причисляют к самым видным агностикам, без колебаний говорил, что философы всегда делились на школы материалистов и спиритуалистов: одни истолковывали явления вселенной в понятиях духа, другие — в понятиях материи.

Автор этих страниц не ставит себе целью предпринимать кропотливые усилия по опровержению материалистических утверждений

одно за другим, а стремится скорее по возможности последовательно изложить некоторые основания для веры в духовную природу вселенной, которые делают недействительным всякое отрицание человеческого бессмертия. И даже если утверждать, что никакая философия не объясняет всех фактов и не разрешает всех проблем, то, допуская справедливость такого утверждения, мы отнюдь не обязаны принимать философию, которая объясняет *меньше* вместо того чтобы держаться философии, удовлетворительно объясняющей гораздо *большее* число фактов, с которыми приходится бороться всем нам, если мы стремимся решить проблему существования с помощью какой-либо рабочей гипотезы.

Мы находим себя в объективном мире, но также и в субъективной области. Многое мы познаём через пять внешних чувств, которые, однако, никоим образом не можем ограничить; поэтому такие термины, как ясновидение, ясночувствование, психометрия и другие слова, придуманные для выражения нашего осознания расширенных восприятий и опыта, столь же законная часть словаря, как и куда более обычные слова — зрение, слух, осязание и другие термины, всеобщим

образом употребляемые для обозначения опыта, который несомненно сознаёт любой средний человек в нормальном состоянии.

Нет ничего очевиднее того, что круг наших наблюдений практически беспределен, ибо никто не может решить, насколько шире или уже круг наблюдений другого человека, чем его собственный. Мы достаточно легко говорим о пяти чувствах, упоминаем зрение, слух, вкус, осязание и обоняние, и если кто-то из нас не страдает ненормальным недостатком обычных способностей, мы все довольно хорошо понимаем, что означают столь привычные нам термины. Но когда спрашивают, сколько мы видим, слышим, ощущаем на вкус, на ощупь или по запаху, обнаруживается удивительная разница между, казалось бы, нормальными людьми, настолько, что достичь чего-либо вроде *среднего* объёма знаний, получаемых через пять общепризнанных путей, кажется почти невозможным.

Стоит лишь оценить это признание, действительно самоочевидное, по его достойной цене, и мы перестанем придираться и возражать, когда нам рассказывают о провидцах и провидицах, которые видят или иным образом сознают гораздо

более тонкие явления, чем те, что предстают обычному взору среднего мужчины, женщины или ребёнка.

Для среднего человека наших дней, живущего в так называемой цивилизации и занятого обычными мирскими делами, духовная область представляется неведомой, если не непознаваемой. И нельзя по справедливости утверждать, что рядовые религиозные наставники намного более открыты сознательному знакомству с миром духа, чем основная масса мирян, которых духовенство стремится наставлять в духовных тайнах.

Очень значительная часть религиозных руководителей строит всё своё хвалёное знание о духовной Вселенной и духовном откровении на сомнительных исторических свидетельствах, многие из которых ныне серьёзно подорваны в научных кругах. Хотя современная библейская критика зачастую неразумно иконоборческа, мы не можем закрывать глаза на то, что отрицать, будто события в высшей степени таинственного свойства когда-либо происходили в прошлом, представляется вполне разумным, если подобного никогда не повторяется в настоящем. И нельзя отрицать, что значительная часть христианской Церкви

решительно выступала против всяких притязаний на откровение наших дней, в то же время настаивая на буквальной точности каждого библейского свидетельства о духовных проявлениях, происходивших 1800 или значительно больше лет назад.

Крайне трудно проверить факты, многим из которых, как говорят, 2000, 3000 и даже больше лет, особенно когда нам говорят, что ничего подобного сегодня произойти не может. Но стоит лишь отказаться от такой безумной позиции и заменить её разумным учением о непрерывной преемственности духовного откровения, как главные возражения исчезают и величайшие трудности рассеиваются. Нужно исследовать и изучать бок о бок не одну Библию, а многие Библии, прежде чем мы сможем с основанием утверждать, что знакомы, хотя бы в самых общих чертах, с совокупностью свидетельств, которые долгие века доставили в подтверждение первоначального утверждения всех спиритуалистов: мы, люди, — не просто смертные существа, а бессмертные сущности, на время облачённые в смертную одежду.

Наше первое исследование должно касаться природы самого человечества, а затем перейти к различиям, которые отличают людей и расы друг от друга. Каждый человек, насколько мы можем судить, наделён привязанностью, желанием жить и многими другими явно всеобщими свойствами, которыми, впрочем, обладает не одно только человечество, так как всё животное царство свидетельствует, что разделяет эти чувства.

Эволюционисты материалистической школы во главе с профессором Эрнстом Геккелем из Германии придают большое значение тому, что многие животные (особенно собаки) проявляют качества, которые мы привыкли называть нравственными, и если мы заявляем о бессмертной жизни для людей, то должны быть готовы допустить некое будущее существование и для высших животных, как и для себя.

С таким положением, мягко изложенным, мы готовы не спорить, и будь это учение итогом всего преподанного Геккелем, мы не возражали бы против выводов, сделанных в «Мировых загадках». Но его автор решительно отрицает существование подлинной человеческой сущности или стойкой души, переживающей физический распад, будь то в

человеке или в животном. Мы решительно спорим не с какими-либо утвердительными заявлениями о животных, а с отрицательными утверждениями о человечестве.

Если некоторые животные сознают стремление к продолжению жизни и способны разделять её и наслаждаться ею, то они непременно получат свою долю в состоянии за гробом; но признать продолжение существования для некоторых животных отнюдь не значит отрицать человеческое бессмертие или даже подвергать его сомнению.

Чисто философский взгляд на бессмертие — безначальную и бесконечную индивидуальную жизнь, как её провозглашал Сократ по Платону, — пытаются рассматривать сравнительно немногие современные спиритуалисты, хотя есть и такие, кто вместе со всемирно известной Корой Л. В. Ричмонд утверждает, что вдохновляющие разумы с большим опытом и глубокой мудростью подтверждают: душа есть «вечная конечная сущность». Как бы то ни было, никто из нас не может отрицать, что учение как о предсуществовании, так и о будущей жизни преподавалось выдающимися провидцами и мудрецами почти в каждую эпоху и в каждом краю. Это подтверждают доктор Дж. М. Пибблс и другие

испытанные спиритуалисты, принадлежащие к школе, которая выступает против учения о повторных воплощениях души и без колебаний решительно нападает на взгляды многих видных теософов.

Во всех вопросах умозрительной философии, касающихся как прошлого, так и будущего человека, как будто есть столько же разногласий в мире духов, сколько и на земле, если мы можем доверять свидетельствам, которые донесли до нас века, об учениях, полученных с той стороны смертного покрова, что висит между землёй и сферами бытия, способными проявлять индивидуальную жизнь через иные, не физические, оболочки. Но в одном все духовные свидетельства, по-видимому, согласны, а именно: жизнь по ту сторону таинственного покрова подчиняется тому же великому всеобщему закону, который управляет течением индивидуального существования на внешней земле.

Человеческая природа не меняется со смертью, ибо смерть лишь снимает внешний покров (самую внешнюю оболочку личности), оставляя сущность и её психическое вместилище совершенно нетронутыми. Выражение Шекспира «Когда мы

сбросим бренный этот прах» никогда не удавалось улучшить. По мере того как катятся века и накапливаются свидетельства о духовном существовании, мы всё так же можем обращаться к «Гамлету» и размышлять о поразительной проницательности, явленной в этой бессмертной трагедии.

Описание отца Гамлета в доспехах — одно из тех несомненных свидетельств всемирной веры в подлинную объективность психической области, которые проступают всякий раз, когда делается попытка ярко изобразить состояние за порогом смерти; и хотя для некоторых умов эта господствующая и вечно живучая вера сопряжена с серьёзными трудностями, при внимательном разборе она оказывается совершенно разумной и полностью согласной со всем, чего мы вправе ожидать.

Во времена Шекспира вера в чистилище, несомненно, глубоко укоренилась в сознании британской нации, хотя протестантские реформаторы и яростно обличали её, а Тридцать девять статей Англиканской церкви прямо отвергают то, что она называет «римской» формой этого учения.

Но оставляя в стороне богословские споры, мысль о страдании ради духовного очищения за гробом в основе своей присуща всем религиозным и философским системам, хотя нередко наступали времена, когда против разумного учения поднималось реакционное движение из-за его искажений и злоупотреблений, таких как «продажа индульгенций», вызывавшая когда-то великий соблазн во многих частях Европы. Но сколько бы мы ни протестовали против наслоений, которые справедливо можно назвать наростами, мы не вправе бросать тень на сущность учения, которое в корне своём в высшей степени разумно и нравственно.

Отец Гамлета был добрым королём, верным правителем, любимым и почитаемым подданными, и на первый взгляд кажется не вполне справедливым, что он страдает в незримом мире, ведь тяжкое зло совершили лишь мать Гамлета и его дядя. Однако достаточно совсем небольшой психической проницательности, чтобы увидеть: Шекспир с силой учил важнейшей истине — никакой духовный покой или блаженство невозможны, пока жажда мести отравляет сердце.

Отец Гамлета, как говорит трагедия, стремился заставить сына отомстить его жене и брату, но хотя эти люди и оказались повинны в чудовищных преступлениях, не могло быть мира духу, который бродил по земле с такой целью, как совершить горькое, пусть и не несправедливое, возмездие.

Воздаяние отмеряется всем бесконечной справедливостью, и здравое учение уверяет нас, что мы вознаграждаемся своими добродетелями и страдаем от своих пороков. Но пусть мельницы судьбы сами совершают своё совершеннейшее помолом: не нам вмешиваться, и мы не можем пытаться вмешиваться, не разрушив собственного счастья, в осуществление неизменного плана, по которому всякое слово, поступок и даже тайная мысль становятся собственным вознаграждением или мстителем.

Доспехи, которые на психическом плане носит дух, всё ещё воинственный по воле, с блистательной точностью описывают основное положение универсальной духовной философии — истину, засвидетельствованную каждым провидцем и мудрецом, определённо высказывавшимся о великом предмете связи внутренних причин с внешними следствиями.

Когда старый английский поэт Спенсер в своей «Королеве фей» говорит нам:

«Душа есть форма и создаёт тело,
Ибо тело принимает форму от души»,

этот бард былых времён, обладая острым духовным прозрением, какое поэты нередко являют, оказался гораздо более сведущим в области глубокой философии, чем его знаменитый тёзка девятнадцатого века, философ Спенсер, который видел огромное препятствие во всемирной вере в то, что он называл «бессмертием одежды».

Пластичная субстанция психического плана, которая есть материя менее грубого рода, чем материя внешней земли, гораздо легче подчиняется каждому душевному движению, чем более грубая. Поэтому провидцы всех веков сообщали нам, что состояние сознательного существования, которое переживает физическое воплощение и непосредственно следует за нынешним, ни в одной важной черте не отличается слишком резко от земного плана.

Согласие утверждений провидцев и мудрецов можно выразить одной фразой, которую много лет назад произнёс доктор Лайман Эббот: «Мы не

умираем, чтобы жить снова, мы просто продолжаем жить». И спустя долгое время после того, как эта фраза стала привычной как выражение, созвучное тому, что одно время называли «новой прогрессивной ортодоксией», появился монументальный труд профессора Фредерика У. Г. Майерса под названием «Человеческая личность и её переживание телесной смерти». В двух объёмистых томах, насчитывающих 1360 страниц, этот способный, добросовестный, неутомимый труженик на поприще «психических исследований» оставил миру как ценнейшее наследие тщательно веденную запись опытов, охватывающих от двадцати до тридцати лет, в течение которых профессор Майерс был соисследователем сэра Уильяма Крукса, сэра Оливера Лоджа и многих других выдающихся людей блестящих научных достижений, которые никогда не колебались отдать лучшие силы изучению тайн того, что одарённый журналист и писатель Уильям Стед называет «Пограничьем».

И именно вдоль пограничной линии между двумя планами сознательной деятельности, часто называемыми двумя мирами, усердно ведутся самые современные исследования в психической

области. За границей мало кто ищет, дерзает или даже знает, как отважиться пойти. Типичный спиритуалист, который ценит явления и наслаждается «испытаниями», как бы добросовестен и честен он или она ни был, ищет и находит лишь кайму границы той неизмеримой духовной Вселенной, что простирается в бесконечность.

Поэтому с подобающей скромностью исследователи-учёные заявляют о своём агностицизме в отношении того, что лежит очень далеко за пределами ближайших условий, непосредственно связанных с обычной жизнью на земле. Прекрасны и благословенны утешения и поистине ценны уроки, которые могут преподать опыты Пограничья, но есть искатели приключений, смелые исследователи, неустрашимые души, которых не смущают ни трудности, ни опасности, которые во все века (и их племя не вымерло и поныне) пересекали таинственную черту, переступали оккультный порог и пускались в плавание по неизмеримому океану трансцендентно духовного существования.

Таковы *Просветлённые*, великие духи, которым мы, несомненно, обязаны высочайшими наставлениями, содержащимися во многих

священных книгах мира, чей сокровенный смысл остаётся неразгаданным для несметных толп, что изучают букву, но не стремятся расколоть скорлупу духовных орехов, ибо не мечтают о вкусной и питательной сердцевине внутри. Прослеживая историю общения с духами сквозь века, мы будем время от времени мельком видеть ослепительно прекрасную запредельную область, хотя очень часто наш взор будет обращён лишь к границе и к тому, что лежит сразу за нашим нынешним физическим существованием.

ГЛАВА III

РАЗЛИЧНЫЕ ГРАНИ ДУХОВНОЙ ФИЛОСОФИИ — СПРАВЕДЛИВЫЕ ПРИТЯЗАНИЯ ЭГОИЗМА И АЛЬТРУИЗМА

Совсем недавно в печати появилось утверждение, что помимо «железного» правила поведения, велящего воздавать злом за зло, «серебряного» правила, советующего возвращать добро за добро, и «золотого» правила, призывающего платить добром за зло, существует ещё одно правило, которым должны руководствоваться все, кто принимает

современную духовную философию, — «алмазное» правило, побуждающее нас делать «всё для других». Как ни прекрасно и ни возвышенно чувство, облечённое в столь бескомпромиссно альтруистические слова, остаётся место для спора о том, действительно ли такое предписание практично и вполне желательно. Прелесть альтруизма состоит в его открыто провозглашаемом бескорыстии, и нам часто говорят, что для святости нужно быть лишённым себя. Но вполне ли здраво этот совет? Выдержит ли он испытание строгим исследованием, или в нём есть изъян, делающий его не вполне удовлетворительным? Эгоизм, несомненно, гораздо древнее альтруизма; это поистине самая примитивная из всех философий, укоренённая в твердыне самосохранения, которое является первичным инстинктом всякого живого существа. «Я должен защищать себя», — говорит каждая форма одушевлённого бытия, и человеческие существа не составляют исключения из этого всеобщего правила. Эготизм — извращённая и невыносимо тщеславная форма эгоизма, и к философиям он не относится, поэтому нам нет нужды обсуждать его сейчас, но простой эгоизм, или индивидуализм, необходимо принимать в расчёт как постоянный фактор,

направляющий человеческое поведение. Альтруизм понять чрезвычайно трудно, тогда как взаимность, то есть чистое человеколюбие, понятна без труда. Даже Толстой, самый близкий к альтруизму из всех великих людей, ныне находящихся на виду у публики, должен уделять некоторое внимание собственным нуждам, иначе и он не смог бы поддерживать существование на земном плане. Но вопрос, очевидно, поднятый сторонниками «алмазного» правила, таков: не можем ли мы по-прежнему заботиться о себе, но лишь потому, что знаем: поступая так, мы помогаем другим? Ответ легко дать: можем; но если это признано, не стоит ли нам поближе присмотреться к своим побуждениям и поберечься от преувеличенных утверждений, которые могут незаметно завести нас в трясину лицемерия? Вполне можно допустить, что найдётся несколько исключительных людей, которые делают всё ради блага других, но, формулируя практическую философию, нам нужно приспосабливать её к рядовым честным стремящимся людям, а не делать приемлемой лишь для очень малого меньшинства исключительно одухотворённых личностей. Один весьма уважаемый английский епископ, недавний глава епархии Питерборо, сказал, что Нагорная проповедь

никогда не предназначалась для обычного человечества, а лишь для особых учеников, которые, говоря богословским языком, были призваны превзойти путь заповедей и идти по более узкой стезе советов совершенства. Нельзя отрицать, что у этого взгляда есть некоторое основание, если вспомнить особые обстоятельства, при которых, как говорят, было провозглашено это собрание учений; а изучение более ранней и современной ей литературы никоим образом не опровергает мысли о том, что исключительные учителя порой давали исключительные наставления исключительным ученикам. Учение о крайнем непротивлении, выраженное в таких известных изречениях, как «кто захочет отнять у тебя рубашку, отдай ему и верхнюю одежду» и «кто принудит тебя идти с ним одно поприще, иди с ним два», допускает не одно толкование. Поэтому, если мы признаём их авторитет, нам подобает стремиться постичь как можно более широкое применение таких советов.

Положение римского мира и еврейского народа восемнадцать или девятнадцать веков назад нас сейчас непосредственно не занимает. Однако мы не вправе вовсе пренебрегать историческими чертами, если хотим ясно уяснить подлинно практический

смысл учений, которые, как говорят, составляют изначальную основу христианской этики. Иудея была римской провинцией, и орлы Цезаря развевались в Иерусалиме как знак римского владычества на заре христианской эры. Тогда, как и во многие более поздние и более ранние времена, некоторые евреи были чрезвычайно готовы взяться за оружие и сражаться, чтобы избавить Сион от рабства у Рима. Более духовно настроенные наставники общины всегда не расположены к войне, и мудрейшие из них благодаря глубокому духовному прозрению способны ясно предвидеть как буквальную бесполезность, так и варварство яростной вещественной борьбы. Поэтому они прилагают все усилия, чтобы провозгласить политику непротивления грубой силе, но никогда не колеблются отстаивать умственное и нравственное сопротивление беззаконию. Переоценка вещественного заставляет многих мужчин и женщин высоко ставить отказ от рубашек и плащей и всякого рода имущества и пожитков, которые в глазах провидцев и мудрецов имеют очень малую цену. Ваш ближний может быть в нужде и нуждаться в какой-нибудь одежде, которой у вас в избытке. Пусть возьмёт её, если она ему нужна, говорит духовный учитель, но никогда не

отказывайтесь от своей чести. Ваша чрезвычайная щедрость может снискать вам расположение многих, кто иначе стал бы вашими гонителями; ваша готовность сделать своим мнимым врагам ещё более невинные уступки, чем они требуют, может завоевать их доброе мнение и предотвратить жестокие расправы. Поскольку есть много жертв, которые вы можете принести, не роняя своих нравственных устоев, приносите их в духе истинного человеколюбия, и так вы, возможно, обратите врагов в друзей, угнетателей в защитников. Такой совет и здрав, и благоразумен и делает величайшую честь тому, кто первым возвестил его миру. Единственный возможный спор об этом великолепном и вполне практическом учении сводится к сравнительно маловажному вопросу: был ли герой христианских Евангелий первым провозвестником столь возвышенного свода предписаний. Многие евреи, высоко ценящие чувство, приписываемое Иисусу, заявляют, что еврейская литература, намного более древняя, чем начало христианской эры, подчёркивает то же жизненно важное правило поведения. Изучающие индийскую философию также выступают с подобным утверждением относительно буддийского учения, которое предшествовало

появлению рукописей Евангелий на несколько веков. Одни лишь исторические исследования способны разрешать споры такого рода, но всякому беспристрастному исследователю ясно, что подобное обсуждение не поднимает никакого по-настоящему важного вопроса о нравственной ценности предлагаемого на рассмотрение учения. Судя по недавнему шагу широко разрекламированного «межцерковного» движения, исключившего унитариев из своего содружества, можно видеть, что в интересах строго ортодоксального христианского богословия может считаться жизненно важным полностью отделить учения, приписываемые Иисусу, от всех прочих советов, данных человечеству, ибо так можно, по видимости, подкрепить учение об исключительной божественности, приписываемой великому Учителю христианского мира; но помимо особых интересов полемического богословия ничего не выигрывается, а возможно, многое теряется, когда настаивают, что высочайшее нравственное руководство можно найти лишь в одном собрании ценных писаний. Для сторонника универсальной религии источник радости — обнаружить, что наивысший нравственный стандарт отстаивали во многих землях, во многие века многие

просветлённые наставники; и уж конечно, в дни, когда ужасные последствия религиозного фанатизма столь страшно очевидны, что американские граждане и британские подданные независимо от вероисповедания, проникшись духом человечности, пытались побудить президента Соединённых Штатов и представителей британской власти настоять перед русским правительством на необходимости немедленно положить конец насилиям над ни в чём не повинными евреями, вызванным расовым предубеждением и религиозным фанатизмом наихудшего вообразимого рода, — всем человеколюбцам будет большим благом, если учёные смогут дать христианскому миру понять, что благородные и славные правила поведения, подчёркиваемые в евангельских повествованиях, содержатся не только в Новом Завете, но являются общим наследием просвещённого человечества, переданным через просветлённых и вдохновляющих провидцев и мудрецов всякой расы и всякого века. В наши дни очень много говорят об отношении между религией и деловой жизнью, и хорошо, что с кафедр звучат протесты против коммерческой нечестности и что проповедники повсюду внушают своим слушателям величайшую

важность духовной жизни, которой можно жить каждый час каждого дня, каждый день каждого года. «Грязные деньги» и «бешеные финансы» — выражения, которыми многие любят заклинать, и несомненно, при страстном обсуждении этих в высшей степени сенсационных тем нередко говорится много чрезмерного, но великий повод для благодарности в этом поколении состоит в том, что повсюду заметно ощутимое возрождение нравственности. Поклонение маммоне выходит из моды. Могучий по-прежнему доллар больше не считается всемогущим, и чувство ответственности перед нравственным порядком, несомненно, занимает место бессовестной погони лишь за вещественной выгодой. Ничто так не отрадно и не обнадёживающе, ничто так не радует сердце истинных человеколюбцев, как замечать, насколько всё более чуткой, бесспорно, становится общественная совесть. Церкви делают в этом направлении много доброго, но нравственное чувство совершенно независимо от всякой церковной принадлежности и проявляет свою власть во многих движениях, не основанных ни на каком догматическом богословии. Работы Феликса Адлера из Нью-Йорка и всех, кто связан с ним ради простой Этической культуры, никак не зависящей от

какого-либо особого богословия, вполне достаточно, чтобы убедить всех, кто пользуется способностью рассуждать, что сегодня и в церкви, и вне церкви, и в колледже, и вне колледжа мужчины, женщины, юноши и девушки начинают остро чувствовать, что одно лишь обладание огромным богатством нигде не служит пропуском к уважению здравомыслящих людей. Мы знаем, что можно возразить, и часто возражают, что Джона Д. Рокфеллера, Эндрю Карнеги и других мультимиллионеров почти боготворят, где бы они ни появились, пусть даже на занятиях по Библии; но не следует упускать из виду, что главная причина восхищения этими, бесспорно, замечательными людьми — распространённое убеждение, что они были трудолюбивее и проявили больше умственных способностей, чем большинство их современников. Нет необходимости доказывать, обоснованно или необоснованно такое убеждение в этих конкретных случаях; факт остаётся фактом: та часть публики, которая почти обожает сегодняшнего очень богатого человека, утверждает, что видит в предмете своего поклонения не столько деньги, сколько предприимчивую волю и умственные способности.

Теперь переходим к более высокому мерилу. Мы слишком поклонялись intellect — уму; мы видим, что один лишь ум может быть жесток, несправедлив, тираничен, и от холодной интеллектуальности мы обращаем свою привязанность к чисто духовному типу нравственности. Под духовностью никогда не следует понимать сентиментальное благочестие, которое прямая противоположность героического благочестия, но ту подлинную святость, которая есть здоровье, соразмерность, праведность в истинном смысле слова. «*Делай всё для других*» звучит хорошо и содержит зерно великой истины, но это неудачно выбранная фраза, поскольку в своём очевидном виде она неприменима к действительной природе человечества. Американская Декларация независимости, подписанная в 1776 году, послужила тогда нужной цели и по-прежнему содержит много непреходяще ценного, но если бы мы составляли декларацию сейчас, то могли бы построить её вокруг более великого слова — *взаимозависимость* — которое истинно воплощает идею праведного братства как между народами, так и между отдельными людьми.

Себялюбие и бескорыстие, или самоотречение, — слова, которые противопоставляют друг другу так, будто одно совершенно неправильно, а другое совершенно правильно. Совершенно эгоистичный человек (если он существует) — чудовище, а не нормальное человеческое существо, тогда как совершенно бескорыстный, или самоотверженный, человек производит впечатление неосуществимого. Совершенствование себя, разумеется, не себялюбие, но оно отчасти, хотя и не целиком, вытекает из заботы о себе, и кажется почти невозможным провести те очень тонкие границы, которые пришлось бы проводить в экономическом учении, если бы курс социальной науки и политической экономии преподавал профессор социологии с позиции безусловного альтруизма. Позиция взаимности здрава, безопасна, основательна, разумна и обладает большим достоинством — её легко понять. Если какой-нибудь последовательный альтруист считает срединный путь взаимности «компромиссом», то ему не пристало теоретически отстаивать его, но даже он рано или поздно обнаружит, что, поскольку нельзя ожидать никакой радикальной или существенной перемены в человеческой природе, его усилия принесут куда менее щедрые плоды, чем усилия его столь же

добросовестного, но менее сентиментального соседа, который без стыда признаёт, что принимает человеческую природу такой, какова она есть, и поступает соответственно. Сам по себе личный интерес не есть тот ужасающий порок, каким считают его альтруисты, и нам не обязательно оплакивать врождённую порочность, прежде чем начинать наставлять молодёжь во взаимных обязательствах, ибо гораздо больше недобрых и несправедливых поступков совершается по неразумию, чем со злым умыслом; и потому, что мы это знаем, нас не угнетает и не гнетёт чувство чрезмерной греховности мира так, как многих наших «альтруистических» соседей. Мы не видим в простой любви к себе греха, а лишь естественный инстинкт — не высочайший и не возвышеннейший инстинкт человечества, а только самый ранний и самый зачаточный, но всё же добрый и осязаемый, и, как уверял нас Сведенборг, он продолжает присутствовать даже у небесных ангелов, которые, согласно философии и богословию Сведенборга, суть вполне возрождённые человеческие существа. Как члены друг друга, будем стремиться жить даже на высоте заповедей блаженства. «Блаженны чистые сердцем» и «Блаженны миротворцы» — два прекраснейших, вернейших и вдохновеннейших

изречения во всей литературе. По красоте и простоте выражения они определённо непревзойдённы, и их по справедливости можно причислить к драгоценнейшим камням в шкатулке этической философии. Остаётся лишь рассмотреть, что разумно имеется в виду, когда эти великие слова выдвигают как «советы совершенства». Когда один видный епископ Английской церкви сказал, что дела нельзя вести в строгом согласии с Нагорной проповедью, он лишь прибегнул к иезуитской казуистике, и это признает всякий иезуитский наставник, ибо иезуиты никогда не колебались заявлять, что существуют менее святые мерила нравственности, которые можно безопасно терпеть в мирском государстве, хотя гораздо более высокое правило должно господствовать среди всех, кто посвящает себя «религиозной» жизни в техническом смысле. То же различие проводится в Индии среди брахманов, и это свободно признаёт Анни Безант в статьях, появившихся в «Теософском обозрении» летом 1905 года, когда ужасная война, тогда бушевавшая между Россией и Японией, вызвала самые решительные протесты против войны во всех направлениях. Кэтрин Тингли из «Ломаленда» в Южной Калифорнии выступала против всякого оправдания войны, и в своём весьма

интересном и поучительном журнале «Новый путь века» она обратила внимание на самоочевидный, но часто не замечаемый факт: война — не просто выход для нечистот в теле планеты, как небезосновательно утверждают многие теософы и другие, но средство порождения новой болезни, и с этой точки зрения нам, безусловно, следует на неё смотреть. Детей воспитывают для драки, их учат грубому искусству физической самозащиты, называть которое «мужественным» нелепо, ибо ему следует всякое животное, и нет ничего специфически человеческого в том, что делает и всякое четвероногое. Генри Джордж в своём мастерском труде «Наука политической экономии» обратил необходимое внимание на сильно забытую сторону этой обширной темы, ибо он недвусмысленно учит, что мы знаем себя подлинно людьми, лишь обнаруживая и проявляя сверхживотные черты. Мы все знаем, что военные корабли и пушки давно освящаются прелатами, что орудия войны приносят на церковные службы и что солдаты берут оружие «на караул» в самый торжественный момент военной мессы даже в соборе Св. Патрика в Нью-Йорке. Но среди нас есть люди, которые осмеливаются надеяться, что новая мысль может привести к новым действиям и что эти

старые обычаи, подкреплённые веками устоявшегося прецедента, могут в нынешнем веке отмереть. Верно, что Бригада мальчиков, руководимая священнослужителями Английской церкви, может преподать входящим в неё мальчикам полезные уроки послушания и самообладания, и им, возможно, гораздо лучше с точки зрения общего нравственного воспитания, чем солдатам в казармах, но это скверный отзыв о нынешнем христианстве с его хвалёным следованием «Князю мира»: оно не способно показать невоцерковлённым и нехристианизированным толпам никакого идеала выше военного. Постоянно слышны жалобы на мнимый упадок религии, основанные на предполагаемом крайнем корыстолюбии нашего века, но вопреки всем мрачным взглядам, которые некоторые факты, по-видимому, во многом подтверждают, светлая сторона нынешнего положения ясно видна всем, кто должным образом принимает в расчёт искренний протест против беззакония и призыв к справедливости и человечности, который никогда не звучал громче и сильнее, чем сегодня. Знамения времени ныне неколебимо указывают на наступление века более ясного света и более полной справедливости, чем

мир знал в любой исторический период, и, чтобы возвестить радостную новую эпоху, вновь слышится древний трубный глас: возлюби ближнего твоего, как самого себя. Выше этой заповеди нет, ибо в ней мы усматриваем истинное место встречи науки с религией, подлинно синтетическую философию, равно удовлетворяющую совесть и разум человеческого рода и соединяющую самосовершенствование с любящим служением благу всех. Таково, утверждаем мы, единодушное учение просветлённых наставников, восточных и западных, древних и новых.

ГЛАВА IV

ДУХОВНАЯ ВЕРА ДРЕВНЕГО ЕГИПТА

БЛАГОДАРЯ предприимчивому духу нашего пытливого века, нам больше не нужно оставаться в серьёзном сомнении относительно того, какова была вера тех загадочных древних людей, которые уже были старым народом задолго до того, как Иосиф из Пятикнижия был возведён на высокую должность при одном из фараонов, туземных владык Мицраима. Хотя величайший интерес давно

сосредоточен на одном-единственном памятнике, Великой пирамиде в Гизе, чьи великолепные и точные математические пропорции по-прежнему остаются живым чудом для первых среди современных египтологов, отнюдь не бесполезно уйти далеко от этого уникального сооружения, которое стоит непревзойдённым, если не снаружи, то внутри, среди открытых миру памятников, и взглянуть на многочисленные постройки, густо усеивающие дельту Нила, — все они свидетельствуют о вере и жизни могучего и необычного народа, который сильно повлиял на Грецию, а через Грецию — на весь цивилизованный мир, после того как его собственное господство среди народов было совершенно уничтожено.

«Книга мёртвых», содержащая огромное количество увлекательных сведений для изучающих древние верования и обычаи, теперь без особого труда может быть получена отчасти в английском переводе, и именно из этого необыкновенного тома мы можем почерпнуть о Древнем Египте достаточно, чтобы вполне основательно познакомиться с египетской теорией души и её переселений, существовавшей задолго до эпохи исхода израильтян.

Примечательное молчание Ветхого Завета о состоянии отошедшей души объясняется не столько материалистическим характером раннееврейской мысли, сколько близким знакомством с египетской эсхатологией, которое, несомненно, было распространено среди людей, выведенных Моисеем из Египта для основания нового народа в Палестине.

Хотя этому древнему учению присуще немалое суеверие, отчасти прекрасное, отчасти отталкивающее, оно по большей части имеет благородное нравственное направление, ибо вся философия будущей жизни, разработанная в Древнем Египте, ставит характер далеко выше веры; и влияние этой ранней веры на еврейский ум легко прослеживается даже самым случайным читателем Пятикнижия. Жизнь в Древнем Египте, точно так же как позднее в Палестине, была непрерывной чередой религиозных обязанностей. Вселенная считалась живой, а все силы природы рассматривались как духовные действующие начала. Поэтому среди египтян не было атеизма или безверия и очень мало скептицизма, рационализма или агностицизма, и очень мало их и среди их потомков сегодня. Средний христианин

из Европы или Америки имеет совершенно ложное представление о поклонении Солнцу, а также о поклонении полу — двух древнейших формах поклонения, следы которых вообще обнаружены; и хотя христианские народы хвалятся исключительной культурой и обладанием совершенным божественным откровением, до самого недавнего времени они были погружены в суеверия материалистического рода, каких языческие народы никогда не держались.

Уильям Раунсевилл Олджер в своём давно известном труде «Судьба души; критическая история учения о будущей жизни» сообщает нам, что древних египтян, в том, что касается их взглядов на будущее существование, можно понять лишь тогда, когда мы постигнем побуждения, заставлявшие их придавать столь огромное значение бальзамированию мёртвых. Вопреки многим распространённым мнениям, благоприятствующим безосновательному допущению, будто в раннем Египте господствовала вера в буквальное физическое воскрешение трупа, и по аналогии, и по свидетельствам мы приходим к выводу, что египетская теория воскресения гораздо ближе к некоторым современным идеям,

приписываемым теософам, чем к старой ортодоксальной христианской концепции буквального физического оживления. Геродот утверждает, что древние египтяне верили, что после распада плоти душа проходит круг переселений и в конце концов вновь принимает физическое человеческое тело, но не то же самое, которое она оставила. Это древний взгляд на перевоплощение — учение, которое в том или ином из своих разнообразных видов постоянно проступает в современной литературе и овладевает народной мыслью.

Бальзамируемое тело всегда подвергалось серьёзным повреждениям; мозг извлекали, а череп набивали ватой. Таким образом, важнейшая часть анатомии оставалась несохранённой. Один этот факт уже достаточно доказывает, что воскресение той же самой физической структуры не было первоначальным египетским упованием. Подлинную цель бальзамирования в общих чертах можно справедливо изложить так:

Хотя обычай бальзамирования явно не был связан с идеей будущего физического оживления, он предназначался для того, чтобы постоянно сохранять перед глазами образы усопших, подобно

тому как мы пользуемся портретами и статуями, нисколько не ожидая, что наши ушедшие друзья воплотятся в них; хотя в Индии довольно широко верят, что священные изображения в известном смысле действительно обладают магическими свойствами и что они служат более или менее прямыми звеньями общения между нами и теми, кого эти изображения представляют. В этом заключено мягкое объяснение многого из того, что обычно называют идолопоклонством, — взгляд, освобождающий значительную часть идолопоклоннической практики от поистине предосудительных связей. Этот взгляд, ныне довольно широко принятый среди изучающих восточные верования и обычаи, даёт немалый ключ к египетским обычаям бальзамирования, которые отнюдь не ограничивались человеческими телами, но распространялись на всех почитаемых животных, что ясно подтверждается наличием мумифицированных кошек в Британском музее в Лондоне.

Современные исследования египетских древностей с постоянно возрастающей ясностью раскрывают дух религии той необыкновенной древней страны, чьи сохранившиеся памятники

дают подавляющие свидетельства в пользу учения о бессмертии, выраженного в символическом языке образного искусства. Кошки, собаки, жуки и другие «священные» существа, вероятно, не почитались в такой степени, как предполагали сравнительно недавние христианские критики, но их, несомненно, использовали как напоминания об определённых качествах и часто рассматривали как звенья, связывающие с некоторыми из младших божеств. Футляры мумий во множестве случаев обильно украшены сценами, призванными изображать переживания душ в Аиде (всеобъемлющий термин, охватывающий многие различные состояния посмертного существования — от самых мрачных до почти блаженных). Бога Тота часто описывают ведущим душу в Амент, преисподнюю, где души, осквернённые тяжкими грехами, сильно страдают, но которая не таит ужасов для тех, кто вёл чистую жизнь. Душу только что умершего часто изображают коленопреклонённой и молящей перед сорока двумя заседателями Осириса. Окончательный суд происходит в Зале Двух Истин, одна из которых оправдывает, а другая осуждает. Другое его название — Зал Двойного Правосудия, который отмеряет награды и наказания. Три божества, Гор,

Анубис и Тот, взвешивают каждую душу на неизменных весах. На одну чашу кладут изображение женского божества, на другую — сосуд в форме сердца, символизирующий сердце умершего со всеми поступками земной жизни. Тот отмечает результаты на дощечке, и душа вместе с ней подходит к подножию трона Осириса, который выносит приговор, исполняемый его помощниками. Осуждённая душа, чьи злые деяния перевешивают добрые, либо немедленно отсылается обратно, чтобы родиться отвратительным животным или пресмыкающимся, либо изгоняется в атмосферу на милость бурь, пока все грехи не будут искуплены; после чего начинается другая земная человеческая жизнь.

Как бы ни было неприемлемо это учение для некоторых современных философов, оно неизмеримо превосходит любой взгляд на бесконечные бесполезные муки, подобный тому, что провозглашали многие невежественные христианские богословы: ведь простейшего рассуждения достаточно, чтобы убедиться, что наказание, в конечном счёте возвышающее того, кто ему подвергается, может быть благим в своей

основе, тогда как нескончаемое страдание — представление, для которого нет ни разумного объяснения, ни оправдания.

Древнеегипетские теории космогонии заслуживают особого внимания, прежде всего потому, что проливают побочный свет на известные повествования книги Бытие. Деления вселенной, принятые в Египте былых времён, включали землю, рассматриваемую как место испытания, где все ведут испытательное существование, и атмосферу, в которой наказываются все грехи и где могут быть искуплены все проступки. Духовная область описывается как безмятежное голубое небо, где блаженные обитают в мире и непоколебимом счастье.

Во многих посланиях святого Павла можно найти немало намёков на египетские верования, а его упоминание «князя power воздушной» ясно указывает на продолжение в раннехристианской мысли первобытного египетского верования в Пу, владыку области бурь и надзирателя над душами, несущими покаяние. Солнце в египетской теологии всегда понималось как центральная сфера жизни и обитель могущественнейших из божеств, а все планеты рассматривались как духовные сферы, на

время облечённые в физические одеяния, подобно тому как человеческие души в определённые периоды своей истории облекаются в формы внешней материи.

Число 12 занимает очень большое место в египетской символике: верхняя область духовного существования разделена на двенадцать частей, у входа в каждую из которых поставлено божество-страж. Каждому из этих богов только что прибывшая душа должна предъявить удовлетворительные удостоверения, иначе она не сможет пройти через врата. Двенадцать частей высшей области соответствуют двенадцати дневным часам, а двенадцать частей низшей области — двенадцати часам ночи; священные часы идут с шести утра до шести вечера, нечестивые — с шести вечера до шести утра.

Живописная и весьма впечатляющая символика, связанная с древним культом Солнца, который на протяжении многих поколений имел свой центр в Египте, внушала общественному сознанию мысль, что это поистине духовная Вселенная; и хотя эзотерические теории и обычаи, бытовавшие среди простого народа, подсказывали скорее геоцентрическую, нежели гелиоцентрическую

астрономию, всякий исследователь надписей на древних папирусах и ещё более древних памятниках не может не различить гораздо более мудрый и неизмеримо более возвышенный взгляд на всеобщий порядок, чем можно было бы вывести из простого изучения тех поверхностных способов мышления и поведения, которые характеризовали веру и обычаи непосвящённых множеств. Астрономия и астрология (их никогда не разделяли) составляли жизненно важную часть египетской теологии, ибо звёзды понимались буквально как духовные сферы, облачённые в материальные одежды, — представление, возвышающее древнюю науку астрологию до достоинства, какого она никогда не сможет обрести в наши дни, пока её основные положения не будут полностью освобождены от фанатичных и фаталистических наслоений. Хотя некоторые авторы говорят нам, что великие планеты в древности считались божествами, мы не можем принять это утверждение без некоторой оговорки. Лучшее определение, гораздо менее подверженное серьёзным спорам, состоит в том, что различные планеты считались обителями божеств, управлявших жизнью миров, вверенных их непосредственному попечению.

Уильям Р. Элджер справедливо говорит: «В этих учениях и символах было много поэтической красоты и нравственной силы. Необходимость добродетели, грозные испытания могилы, неотвратимость воздаяния, мистические круговороты переселения, славное бессмертие, пути планет, богов и душ сквозь творение — всё это было внушительно возвещено и драматически показано. Торжественное сопряжение судьбы человека с астрономической вселенной, это величественное слияние глубочайших нравственных учений с самой возвышенной из физических наук ясно выдаёт ум и руку того древнего мира». «Что такая система верований была слишком сложна и искусно разработана, чтобы возникнуть как народное явление, очевидно, но что народ действительно ей следовал, сомневаться не приходится. Части её публично разыгрывались в праздничные дни множеством людей, числом более 100 000. Части её смутно вырисовывались в тайных глубинах храмов, окружённые самыми поразительными приспособлениями, какие могли измыслить несравненная учёность, мастерство, богатство и власть. Её авторитет повелевал верностью, её прелесть пленяла воображение народа. Её сила воздвигла пирамиды и заключила целые поколения

бальзамированного населения Египта в богато украшенные усыпальницы из вечной скалы. Содержание её тайного знания и веры в форме внешнего показа долго придавало ей жизненность и стойкость. В водовороте перемен и упадка она в конце концов погрузилась, и лишь теперь, спустя тридцать веков погребения её тайн, исследовательский гений новых времён вывел на свет её сокрытые иероглифы и научил нас, какие учения первоначально содержались в храмовой науке тех жреческих школ, что некогда усеивали равнины Дельты и теснились по берегам древнейшего Нила, где ныне, обезображенные и гигантские, торжественные

> ‹Древние сфинксы вздымают свои кроткие лики
> над рекой-морем и над морем песков›».

ГЛАВА V

ВЛИЯНИЕ ЕГИПЕТСКОЙ МЫСЛИ НА ИУДЕЙСКИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О БЕССМЕРТИИ

Хотя в некоторых кругах не раз смело утверждалось, что вплоть до возвращения евреев из вавилонского изгнания они как народ не имели никакой чётко определённой веры в будущую жизнь, подобное заявление представляется невероятным в свете общей истории Израиля и того чрезвычайно значительного египетского влияния, которое вошло в состав ранних иудейских учений. Иудаизм с самого своего зарождения был нравственной системой веры и практики, придающей гораздо больше значения праведной жизни, чем любому количеству простого вероучения или доктрины, и вполне естественно, что столь исключительно этическая вера, как вера Израиля, многим должна казаться недооценивающей то чрезмерное ударение на будущем существовании, которым отмечена весьма значительная часть принятого христианского учения. Существует, по-видимому, веское историческое основание для освящённого веками предания о том, что множество евреев

некогда жило под властью Египта, а затем вышло из Египта и постепенно утвердилось как народ в Палестине. Но, как недвусмысленно сообщает нам книга Исход, народ, совершивший свой исход во время низвержения фараоновой династии, был «смешанным множеством», отнюдь не исключительно еврейского происхождения и не только израильской веры.

Ветхий Завет, по-видимому, не слишком озабочен какими-либо определёнными теориями будущей жизни, хотя изобилует повествованиями, которые, если принимать их хоть сколько-нибудь буквально, недвусмысленно учат общению с духами. Не следует забывать, что закон Моисея был задуман как практическое руководство к жизни на земле, независимо от того, какие именно взгляды на загробное существование могли быть в ходу, и одной из самых очевидных причин многого умолчания о будущей жизни могло быть чрезмерное внимание, которое уделяли верованиям о ней египтяне, чей спиритуализм, несомненно, сильно выродился и в значительной мере смешался с весьма предосудительными практиками. Но хотя часто настаивают, что Ветхий Завет в целом смертельно враждебен всем

попыткам общения с духовным миром, такой вывод совершенно неоправдан; он вырос из крайне ошибочной привычки смешивать простое общение с духами с теми мерзостными некромантическими обрядами, которые везде, где бы ими ни занимались, до крайности унизительны и отвратительны и с которыми всё, что по праву относится к спиритуализму, никогда не имело ни малейшего сродства. Пророки Израиля никогда не верили лишь в возможность вступать в незаконное общение с невидимыми сферами; и когда они самым язвительным образом обличали беззаконные обычаи, они, несомненно, осуждали их потому, что те были извращением и осквернением способностей и сил, которые следовало бы употреблять праведно, а не растлевать. Незадолго до Исхода магия в Египте настолько пала с первоначальной высоты, что жрецы и чудотворцы при храмах не только нередко прибегали к обману, но и часто пытались наложить нечестивые и пагубные чары на всякого, кто сталкивался с их замыслами и интересами; и поскольку никогда нельзя успешно отрицать, что оккультные силы — опасное оружие в руках бессовестных людей, пророки Израиля, несомненно, руководствовались благороднейшими побуждениями, заботясь об

общем благе, когда яростно протестовали против колдунов, ведьм, чародеев, некромантов и всех прочих, кто стремился запугать боязливых, а порой и заниматься Чёрным искусством, которое в современной Франции известно как сатанизм.

Состязание в силе, которое, согласно книге Исход, произошло на берегах Нила между Моисеем и Аароном с одной стороны и фараоновыми предсказателями с другой, явно призвано обратить внимание на глубоко сомнительный характер всех ошеломляющих явлений, за которыми не следует и которые не сопровождает какой-либо благой результат. Библия говорит нам, что обе стороны добились равного успеха, если говорить о самих явлениях, и лишь когда нужно было совершить доброе дело исцеления страждущих, Моисей и Аарон восторжествовали, а их противники потерпели полное поражение. Сколь бы ценными ни были все психические явления с сугубо научной точки зрения, как проливающие свет на действие некой скрытой силы в природе и скрытой способности в человеке, со всех этических точек зрения мы должны придавать значение лишь тому,

что хотя бы в каком-то направлении способно действительно принести благо человеку или животному.

Спиритуалисты наших дней, как и многие, не причисляющие себя к этой категории, быстро приходят к осознанию ответственности за тот род явлений, который они поощряют, и ясно начинают понимать, что многие факты могут быть удивительными, но нежелательными. У Египта было чудесное и славное прошлое, о котором упоминается в книге Бытия, описывающей счастливое положение, когда люди разных национальностей и занятий жили и трудились бок о бок, сотрудничая, а не соперничая. Нам говорят, что в те цветущие древние дни Фараон, египетский монарх, и Иосиф, еврейский советник, действовали вместе в благотворном согласии. Особенно знаменательно то значение, которое в то давнее время придавалось снам и их толкованию, ибо оно проливает потоки света на примечательные психические переживания, которым тогда и там почти повсеместно верили. Предсказывать грядущие события посредством ночных видений было для древних провидцев делом нередким, и хотя сами фараоны, по-видимому, не могли ясно

определить значение собственных видений, они без колебаний прибегали к толкователям, более ясновидящим или ясночувствующим, чем они сами. Евреи — народ психический, и Библия в значительной мере повествует о событиях из жизни благородных пророков, которые близко совпадают со многим из того, что ныне вызывает научный интерес по всему миру.

Утверждать, будто какая-либо полезная и возвышающая сторона спиритуализма осуждается в Пятикнижии, — значит говорить нелепость, хотя в нём действительно есть законы и предписания, которые в безмерно резких выражениях обличают беззаконные практики. Законодательство в древнем иудейском государстве, возможно, было чрезмерным, но вся его направленность состояла скорее в том, чтобы увеличивать, а не ограничивать свободу. Колдовство предназначалось для того, чтобы мстить, вообще творить зло, проклинать соседей или вредить их имуществу, и по этой причине было запрещено. Но колдовство не имеет никакой связи с каким-либо невинным или нормальным проявлением психического дара или духовной одарённости. Поскольку общее направление египетской веры в будущую жизнь

явно служило интересам нравственности, она не осуждалась в законе Моисея, а ввиду её широкого принятия в народе никакому законодателю не требовалось специально наставлять массы на её счёт. Мы вправе заключить, что в ранние дни иудейской общинной жизни в Палестине господствовавшие взгляды на жизнь за гробом не слишком радикально отличались от тех, что изложены и разработаны в том увлекательном своде египетского учения, «Книге мёртвых», приличный английский перевод которой, по крайней мере в главных чертах, издан как в Нью-Йорке, так и в Лондоне. В этом удивительном списке древних обрядов и философии мы находим многое, что вполне согласуется со знаменитым иудейским изречением: «Народ Божий — все праведные», и нам известно, что современные английские учёные высокого авторитета, в частности Томас Гексли и Мэтью Арнолд, делали большой упор на иудейское понятие о том, что одна лишь праведная жизнь, а не раса и не вероучение, служит пропуском к блаженству с Вечным.

Египетская философия была по существу монотеистической, с многобожным сопровождением. Многочисленные подчинённые

божества Египта не обязательно противоречат различным чинам сефирот, признаваемым в иудейской Каббале, и в самом деле, в Девяносто пятом псалме и во многих других местах еврейской священной литературы мы находим Вечного, о Котором говорится как о великом Царе над всеми богами, имеющем верховную власть над всеми меньшими божествами.

Многое из того, что должно казаться противоречивым беглому читателю Библии, легко объясняется, стоит нам признать её явно спиритуалистический элемент. Нам говорят, что Верховное Существо всегда невидимо, но ангелов Божьих люди видят и беседуют с ними. Три ангела являются Аврааму в облике юношей, двое из них идут дальше, в другое место, а один остаётся с патриархом. Возможны лишь два объяснения такого повествования: либо эти ангелы были духовными существами, материализовавшимися настолько, чтобы Авраам и другие могли их видеть, либо они были людьми вдохновенными, достаточно открытыми духовному влиянию, чтобы по праву называться особыми посланниками Бога, потому что они постигли духовный порядок в гораздо большей мере, чем обычные люди. В

патриархальные времена, казалось, не было ничего необычного в том, что мир духов, так сказать, вторгался в обыденные сцены повседневной жизни, однако число людей, достаточно чувствительных, чтобы замечать эти психические вторжения, по-видимому, было невелико. Сегодня совершается та же ошибка, что часто совершалась встарь, а именно: не различают законное применение и недозволенное злоупотребление психическими силами. Ведьма означала отравительницу, и в особенности ту, что стремилась достичь злых целей, призывая на помощь чары и заклинания и намеренно сообщаясь с такими тайными влияниями, которые можно употребить во зло. Но женщина из Аэндора, к которой обратился Саул и которая объявила, что видит умершего Самуила, описана в тексте всего лишь как безобидная ясновидица. Комментаторы, враждебные спиритуализму, много говорили о грехе Саула, обратившегося к этой женщине, тогда как само повествование ясно показывает, что ошибки несчастного царя ещё до его прихода к ней уже привели его в такое состояние, что, насколько это касалось его земного пути, его участь была уже решена, и потому он напрасно пытался «потревожить» Самуила.

Самуил был советником Саула на земле много лет, но своенравный монарх раз за разом отвергал предостережения пророка; затем, когда последствия его повторных ошибок сделали его трон столь непрочным, что тот уже фактически выскользнул у него из-под ног, Саул в отчаянии попытался добиться свидания с Самуилом, надеясь, что ему укажут путь, как избежать надвигающейся катастрофы. Самуил не мог помочь Саулу сохранить земной престол, ибо тогда было уже слишком поздно исправлять содеянное зло. Таково повествование в общих чертах.

Эта много раз искажённая история служит иллюстрацией великой истины и подкрепляет остро необходимый нравственный урок: быть мудрыми вовремя; но она никак не оправдывает тех обличительных тирад, которым предаются фанатики, отнимающие у неё очевидную этическую поучительность и злоупотребляющие ею как оружием, которое они направляют против всякой попытки общения с друзьями, ушедшими за пределы смертного зрения.

Верно, что в Ветхом Завете индивидуальное человеческое бессмертие преподаётся не очень ясно, но оно подразумевается во многих местах, и

на протяжении долгих веков не переводились иудейские раввины зрелой учёности, которые находили в подлинных еврейских текстах, дающих нам обычно лишь очень плохие переводы, то, что они считают убедительным свидетельством: считалось, что преходит и уничтожается лишь плотская скиния, даже если небом посланный потоп приходил и сметал «всякую плоть, в которой дух жизни».

Так называемая пессимистическая книга, известная как Екклесиаст, хотя и отрицает, по-видимому, бессмертие души, по крайней мере по мнению многих её критиков, на деле лишь противопоставляет неизбежные исходы разных образов жизни, а в одном знаменитом месте, где она будто бы приравнивает человека к скоту, она в действительности ставит вопрос: кто знает достаточно, чтобы отличить человека от животного, и кто объяснит, почему дух одного возносится вверх, а другого сходит вниз, когда каждый живёт нормальной жизнью?

Здесь мы снова встречаем возвращение первоначального египетского учения. Сластолюбец и эгоист, даже если они накопили много внешних знаний, которыми чрезвычайно гордятся, в конце

концов обнаруживают, что потакание себе и интеллектуальное самомнение приносят лишь горький плод утомительной неудовлетворённости. Те же, кто избрал жизнь праведности, находят мир и удовлетворение.

Греческая философия присутствует в Екклесиасте, но многое в греческой мысли шло непрерывно от Египта. «Из Египта вызвал Я Сына Моего» — фраза, допускающая богатство толкований, ибо хотя Египет буквально пришёл в упадок и его слава разделилась между Грецией и Израилем, Персия и Рим также были обязаны «Мицраиму» многим в своей философии. Эта таинственная древняя страна, столь выразительно упомянутая у Исайи (особенно в главе XIX), живёт и сегодня не только как памятник ушедшей славе, но и как плодоносное поле, с которого учёные ныне усердно собирают сведения, проливающие огромный свет на историю древнего мира и обнаруживающие корни многих современных философских и богословских воззрений, свободно принимаемых в христианском мире.

Знаменитая школа Филона Александрийского воплощала очень многое от древнеегипетского духа в его лучшем проявлении. Филон стремился

соединить еврейскую философию с греческой, сочетая суровую праведность, изложенную в бескомпромиссном нравственном кодексе, с чарующей красотой, которой эллинская мысль наделяла всё, с чем соприкасалась.

Иудаизм наших дней со множеством его школ и партий, от крайней ортодоксии до радикальной реформы, по-прежнему сохраняет многие следы тех «украшений» и прочих ценностей, которые, по преданию, израильтяне вынесли из Египта.

«Они обобрали египтян» — это не просто упоминание о перемещении земных благ из одной страны в другую. Эта фраза имеет более глубокий смысл: переход египетской философии вместе с многими обрядовыми принадлежностями из страны Нила на берега Иордана.

Савл из Тарса, известный христианскому миру как апостол Павел, во множестве мест своих посланий ссылался на веру Египта, а когда он писал коринфянам (Коринф был греческим портом, ведшим оживлённую торговлю с египетским побережьем), он обращается к египетским писаниям гораздо чаще, чем к Закону евреев. Если мы внимательно сравним 1 Кор. 14 со многим из

того, что содержится в «Книге мёртвых», то найдём поразительное сходство между взглядами, выраженными в обоих местах, о нашем внутреннем и внешнем телах, а также о природе воскресения. Ни намёка на то, что то же самое физическое одеяние будет надето снова; напротив, оставленное тело и тело, которое должно проявиться, сравниваются как голое зерно, или семя, и плод, который оно в конце концов приносит.

Некий род воскресения из мёртвых всегда преподавался в Израиле, но иудейские мудрецы, подобные знаменитому Моисею Маймониду, который в двенадцатом веке нашей эры составил известные тринадцать статей иудейской веры, всегда довольствовались простым утверждением, что воскресение будет тогда и так, как угодно Богу, полностью оставляя подробности в стороне.

Поскольку Единство Бога и праведная жизнь — единственные две основы иудейской религии, мы хорошо понимаем, как естественно, что в иудействе могут существовать разные партии и разные взгляды по многим вопросам, и всё же Израиль остаётся единым целым.

ГЛАВА VI

ИУДЕЙСКАЯ КАББАЛА — ЕЁ УЧЕНИЕ О БЕССМЕРТИИ

Столь таинственное сочинение, как Каббала, нельзя рассматривать так, как рассматривают обычную литературу, ибо первоначальное притязание Каббалы состоит в том, что она во всех смыслах есть откровение, ниспосланное земле с небес.

Одно предание о её происхождении гласит, что сонм ангелов образует в Раю теософскую школу и что они избрали семьдесят старейшин в Израиле своими устами на земле; утверждалось, что лишь через этих старейшин можно было получить верное знание об эзотерическом смысле Торы. Но, оставляя в стороне легенды о её происхождении, Каббала, несомненно, есть удивительное творение, вполне заслуживающее серьёзного внимания. Написанная только для мудрых, она редко удостаивалась обширного перевода на английский язык, хотя ценная книга под названием «Раскрытая Каббала» была выпущена С. И. Макгрегором Мазерсом и издана Джорджем Редвеем в Лондоне в 1887 году. Этот увлекательный том был посвящён двум

замечательным авторам, доктору Анне Кингсфорд и Эдварду Мейтленду, глубоким исследователям древних мистерий и создателям поистине необыкновенной литературы, наиболее известной частью которой является «Совершенный путь, или Обретение Христа». Каббалу по справедливости можно назвать руководством эзотерического иудаизма, и хотя среди евреев современного направления к ней относятся в основном с недоверием, она, несомненно, служит источником, из которого произошли многие распространённые иудейские идеи и обряды. Каббала издавна оказывала сильнейшее очарование на всех любителей глубокого и таинственного, и хотя с первого взгляда её притязания кажутся слишком грандиозными, а вводные положения почти сбивающими с толку, она сполна вознаграждает серьёзное, прилежное изучение, проводимое в духе беспристрастного исследования. Двадцать две буквы еврейского алфавита нужно истолковать до некоторой степени мистически, прежде чем можно будет прочесть их значение при каббалистическом употреблении.

Следующая таблица может помочь всем, кто желает ознакомиться с основными чертами предмета.

Название. Алеф

Латинский эквивалент. A

Значение. Бык

Числовое значение. 1

Название. Бет

Латинский эквивалент. B

Значение. Дом

Числовое значение. 2

Название. Гимель

Латинский эквивалент. G

Значение. Верблюд

Числовое значение. 3

Название. Далет

Латинский эквивалент. D

Значение. Дверь

Числовое значение. 4

Название. Не

Латинский эквивалент. H

Значение. Окно

Числовое значение. 5

Название. Вав

Латинский эквивалент. V

Значение. Колышек или гвоздь

Числовое значение. 6

Название. Заин

Латинский эквивалент. Z

Значение. Оружие или меч

Числовое значение. 7

Название. Хет

Латинский эквивалент. CH

Значение. Ограда или забор

Числовое значение. 8

Название. Тет

Латинский эквивалент. T

Значение. Змей

Числовое значение. 9

Название. Йод

Латинский эквивалент. I

Значение. Рука

Числовое значение. 10

Название. Каф

Латинский эквивалент. K

Значение. Ладонь

Числовое значение. 20

Название. Ламед

Латинский эквивалент. L

Значение. Стрекало

Числовое значение. 30

Название. Мем

Латинский эквивалент. M

Значение. Вода

Числовое значение. 40

Название. Нун

Латинский эквивалент. N

Значение. Рыба

Числовое значение. 50

Название. Самех

Латинский эквивалент. S

Значение. Опора, подпорка

Числовое значение. 60

Название. Аин

Латинский эквивалент. O

Значение. Глаз

Числовое значение. 70

Название. Пе

Латинский эквивалент. P

Значение. Рот

Числовое значение. 80

Название. Цадди

Латинский эквивалент. TZ

Значение. Рыболовный крючок

Числовое значение. 90

Название. Коф

Латинский эквивалент. Q

Значение. Затылок

Числовое значение. 100

Название. Реш

Латинский эквивалент. R

Значение. Голова

Числовое значение. 200

Название. Шин

Латинский эквивалент. SH

Значение. Зуб

Числовое значение. 300

Название. Тав

Латинский эквивалент. TH

Значение. Знак креста

Числовое значение. 400

Тысячи обозначаются буквой увеличенного размера: так, большая алеф означает не один, а 1000. Для чисел свыше 400 и менее 1000 прибегают к конечным формам букв.

Конечная каф означает 500. Конечная мем — 600. Конечная нун — 700. Конечная пе — 800. Конечная цадди — 900. Изучающие Каббалу утверждают, что самые мистические и образные части Ветхого Завета, в особенности книги Даниила и Иезекииля, а также новозаветный Апокалипсис, становятся вполне понятными, когда в руках у нас каббалистический ключ; без него же сложные символы для большинства читателей лишены смысла или наводят на дикие и мрачные фантазии, которым часто предаются доморощенные толкователи, особенно любящие предсказывать ужасные катастрофы всемирного масштаба. Среди европейских мистиков недавнего времени, для которых Каббала была чрезвычайно священной, можно назвать Корнелия Генриха Агриппу, знаменитого философа и врача (1486–1535), Иоганна Баптиста ван Гельмонта, замечательного химика (1577–1644), Роберта Фладда (1574–1637) и доктора Генри Мора (1614–1687). Эти в высшей степени учёные и глубоко мыслящие люди превозносили

Каббалу в самых сильных и восторженных выражениях, с радостью принимая её притязание на божественное происхождение. История Каббалы необычайно романтична и подвергает доверчивость современных учёных почти невыносимому испытанию. После падения человека из первобытной невинности в состояние частичного отчуждения от Бога, хотя прежнего тесного общения земли с небом, какое было в первобытную пору пребывания человека на этой планете, уже не существовало, ангелы теософской школы в Раю, хранители небесных истин, явленных в Каббале, милостиво устроили так, чтобы передавать их через избранных людей на земле ради конечного блага всего человечества. Эти ангелы назначили или избрали некоторых людей «протопластами», начиная с Адама и через Ноя до Авраама, который, как говорят, переселился в Египет и позволил одной части таинственного учения стать почти общедоступной. Моисей, как ясно сказано в Библии, был научен всей мудрости египтян, но хотя на родине он усвоил многое, предание гласит, что лишь за сорок лет скитаний по пустыне и благодаря наставлению, особо преподанному ему ангелом, он стал достоин того высокого места среди провидцев и мудрецов,

которое занимает уже столько веков в представлении огромного числа как иудеев, так и язычников.

Размышляя о беседах Моисея с Ангелом, мы вскоре оказываемся на хорошо знакомой спиритуалистической почве, и кажется невозможным придавать буквальный смысл значительной части библейского повествования, не признавая простую теорию, что ангел — это духовный посланник, способный и уполномоченный давать наставления избранным ученикам.

Говорят, что эзотерическое учение, которое Моисей передал священным семидесяти старейшинам, содержится в четырёх из пяти книг Пятикнижия, но во Второзаконии его нет. Далее предание сообщает, что Давид и Соломон продолжали непрерывную линию каббалистической традиции, но Каббала не была записана обычным письмом до времён Шимона бен Йохая, жившего в период разрушения второго храма в Иерусалиме. Раввин Элеазар, его сын, с помощью раввина Абы, своего секретаря, и некоторых учеников свёл воедино трактаты Шимона бен Йохая и составил из них знаменитый

Зоар — название, означающее «сияние». Каббалу обычно делят на четыре раздела: практический, буквальный, неписаный и догматический. Практическая часть имеет дело с талисманами и общими подробностями церемониальной магии. Её держат в строгой тайне и не считают назидательной для толпы. Остальные разделы, известные как эзотерический смысл Закона, считаются весьма полезными для назидания раввинов, и через раввинов может быть просвещена община Израиля, а через Израиль в конце концов все языческие народы могут стать причастными к универсальной мудрости.

Основные учения Каббалы призваны разрешить каждую проблему мироздания, начиная с природы и свойств Верховного Существа. Космогония, сотворение и судьба ангелов и людей, природа души, описания демонов и элементалов, смысл откровенного закона, трансцендентный символизм чисел, тайны еврейских букв и «равновесие противоположностей» — вот некоторые из главных тем Каббалы.

«Книга сокрытой тайны» рассматривает «равновесие баланса». Равновесие, как говорят, есть «та гармония, которая возникает из соотношения

противоположностей». Это центральная точка, «точка внутри круга» древнего символизма, живой синтез уравновешенных сил. Элифас Леви, выдающийся каббалист девятнадцатого века, говорит в своей «Истории магии», что каббалисты питают ужас ко всему, что отдаёт идолопоклонством; тем не менее они приписывают Богу человеческий облик, но лишь иероглифически.

Каббалистическое определение Божества — «разумный, живой, любящий Бесконечный». Бог во всём, но отличен от всего, имманентен, но не присущ проявленной вселенной. Каббалистическая идея троицы как проявления Божества — это Кетер (Корона), Хохма (Король), Бина (Королева). О вселенной говорят как о «рождённой от союза венценосных Короля и Королевы». Прежде чем была создана полная форма Небесного Человека (десять сфирот), были созданы первичные миры, но они не могли долго существовать, потому что равновесие баланса не было совершенным. Их называют «царями древнего времени» и «царями Эдома, царствовавшими прежде монархов Израиля». Эдом означает мир неуравновешенной силы; Израиль означает уравновешенные сфирот.

Архетипический мир (Олам Ацилут) породил три других мира по нисходящей, то есть убывающей по яркости шкале. Второй мир называется Олам ха-Бриа, или мир творения, непосредственная эманация первого, область чистого духа. Третий мир называется Олам ха-Ецира, мир формирования и обитель ангелов, облечённых в светоносную субстанцию и являющихся в человеческом облике, когда они общаются с людьми. Четвёртый мир обозначается как Олам ха-Асия, или мир действия. Здесь обитают Демоны, или «Скорлупы», самые грубые и несовершенные из всех существ. Есть десять разновидностей Демонов, соответствующих десятке сфирот, но в обратном соотношении. У Демонов есть князь по имени Самаэль, прототип Сатаны. Каббалисты придают огромное значение тому, что истинное имя Божества не может быть произнесено толпой: тайна его произношения — величайшая из тайн, известная лишь немногим славным посвящённым.

Знаменитое изречение гласит: «Тот, кто правильно произносит Божественное Имя, заставляет трепетать небо и землю, ибо это имя, которое проносится по всей Вселенной». Этим объясняется, почему ни один благочестивый

правоверный еврей не пытается произнести имя, образованное священными согласными йод, хет, вав, хет, а делает лёгкую паузу или подставляет Адонаи, как принято при чтении свитков в синагогах. У неизречённого Имени двенадцать перестановок, и все они имеют один и тот же смысл — «быть». Это единственное имя, которое выдерживает столько перестановок без изменения значения.

Эти двенадцать перестановок называются «знамёнами могучего Имени» и соотносятся с двенадцатью знаками Зодиака, которые также являются двенадцатью главными частями, на которые делится человеческое тело.

Сфирот Каббалы называют и лицами, и атрибутами Бога; одни из них мужские, другие женские, ибо ни один каббалист никогда не нарушает центральной истины о равенстве мужского и женского начал в Божестве.

Ясное учение первой главы Бытия (см. стихи 26, 27, 28) никогда не оставляется ради ложного толкования второй главы, которое долгое время затемняло истинную идею соединения мужского и женского в вечном Божестве, как она изложена во

всех эзотерических трактатах. Мы никак не можем постичь троицу из трёх исключительно мужских лиц в основе творения, где жизнь выражается совместно в мужском и женском, но в известной мере можем понять идею Божественного Отца и Матери, порождающих потомство. В Каббале «Ветхий днями» выражен как Отец и Мать и так порождает Дитя. В Египте представление об Осирисе и Исиде, порождающих Гора, и о Горе, предстающем для созерцания в двойном облике сына и дочери, полностью согласуется со всем учением Каббалы, которая в главных чертах едва отличима от герметической философии, некогда имевшей свой дом в Египте. Десять сфирот делятся на три части, называемые Столпами. Правый столп — Милосердие; левый столп — Правосудие, или Суд; средний столп — Кротость. В своём полном единстве десять сфирот означают Первообразного Человека, Адама Кадмона, Протогона. В форме человеческого тела обнаруживается Тетраграмматон. Священные буквы йод, хет, вав, хет распределяются так: голова — йод; руки и плечи — первая хет; туловище — вав; нижние конечности — вторая хет. Что касается трёх великих разделов внутренней жизни человечества — Нешама, Руах, Нефеш, — первый есть область духовная, второй —

рассудочная, третий — чувственная. Все души, как утверждается, предсуществуют в архетипическом мире и в своём первоначальном состоянии androgynous, то есть двуполы, но, воплощаясь на земле, разделяются на мужские и женские и обитают в разных телах. Учение о соответствующих половинах ясно преподано в Каббале, но нигде не содержится намёка на то, что одно выражение души — мужское или женское — в каком-либо смысле выше или ниже другого.

Элифас Леви в своих рассуждениях о Каббале сделал следующие выводы о природе души. Душа есть сокрытый светом свет; этот свет тройственен. Нешама — чистый дух; Руах — разумная душа; Нефеш — пластичное вместилище. Нефеш бессмертна лишь через разрушение и обновление форм. Руах движется вперёд через эволюцию идей. Нешама не знает забвения и не подвержена распаду. Книга Екклесиаста, прочитанная в свете Каббалы, уже не кажется печальной или пессимистичной, ибо все вопросы, которые она ставит, и все утверждения, которые она делает, становятся понятными и приемлемыми, когда мы сознаём различные планы сознания и состояния существования, о которых так проницательно

говорит вдумчивый проповедник. Души, достигнув совершенства на земле, переходят на другие планеты и в конце концов достигают солнца; затем они возносятся в высшую вселенную и начинают новый путь от планеты к планете и от солнца к солнцу. На солнцах они помнят весь свой опыт, а на планетах, по-видимому, забывают. Солнечные жизни — дни вечной жизни, а планетарные жизни — ночи, в которые душа грезит. Ангелы — светоносные эманации, олицетворённые божественным влиянием и отражением. . . . Ангелы желают стать людьми, ибо совершенный человек выше всех ангелов. Планетарные жизни состоят из десяти снов, каждый из которых длится сто лет. Каждая солнечная жизнь длится тысячу лет, потому и сказано, что пред очами Бога тысяча лет как один день. Каждую «неделю», то есть каждые четырнадцать тысяч лет, душа «омывается и покоится в юбилейном сне». Пробудившись от него, она помнит только благое, ибо лишь благое достойно памяти. Спиноза был глубоким исследователем Каббалы и в своей «Этике» подытожил её учение с большой проницательностью и умением. Среди определений Спинозы особенно светоносны следующие: «Под Существом, которое есть Причина

и Правитель всех вещей, я разумею Айн-Соф (Высшую Мудрость), бесконечную, не имеющую атрибутов». «Под сфирот я разумею потенции, исходящие от Абсолюта, — все сущности, ограниченные количеством». «Айн-Соф и имманентен, и трансцендентен». «Сфирот суть эманации, а не творения». «Так как Айн-Соф совершенен, то и исходящие от него сфирот должны быть совершенны». Великая тайна Макропросопа и Микропросопа, величайшего и малейшего ликов, подробно рассматривается в Книге сокрытой тайны, которую немногие современные учёные пытаются объяснить, хотя для всех, кто склонен искать глубокие истины под поверхностью или за завесой архаического символизма, она — сокровищница мудрости, богатая несравненно. В книгах Великого и Малого Священного Собрания прилежные христиане найдут корни учения о Троице и в самом деле практически всех мистических учений, которые эзотерическая христианская церковь догматически сформулировала, настаивая на их принятии толпой, для которой они в действительности остаются необъяснёнными и кажущимися необъяснимыми тайнами. Великий грех догматических богословов состоит в упорстве, с каким они навязывали массам догматы как

необходимые для спасения, тогда как Каббала лишь излагает положения и никого не осуждает за то, что он их не постиг. «Три Главы» часто упоминаются в Каббале, и нетрудно догадаться, из какого источника афанасьевские отцы почерпнули свои точные определения о троице лиц, хотя Бог есть абсолютное единство.

Как сильно отличается каббалистический взгляд от извращённого учения, которое множество христиан бездумно приняли на основании мнимого авторитета, ясно видно из того, что в Каббале нет угроз осуждения для тех, кто не постигает истину, скрытую в величественной тайне; там лишь говорится, что по мере продвижения души в просвещении она начинает постигать истину, «сокрытую от создания мира».

Если бы Афанасиев символ веры пересмотрели просвещённые каббалисты, его так называемые «осуждающие» положения сильно изменились бы: вместо того чтобы подразумевать, что души «погибнут вовеки», если не примут таинственного учения, Каббала утверждает, что по мере того как человек всё более просветляется или возрождается, он постепенно приходит к пониманию мистических истин, а знание их свидетельствует о продвинутой

ступени на пути просветления или возрождения. В Каббале не преподаётся никакой погибели, а, напротив, лишь непрерывное восхождение души от сферы к сфере, отбрасывающей заблуждение и сохраняющей одну лишь истину. Язык Каббалы может быть загадочным, но жестоким и неразумным он решительно не является.

Поскольку Сведенборг в своих обширных трактатах возродил представление о подобии Человеческой Формы как форме всех небес, а его богословские сочинения, в особенности, усердно распространяются его почитателями и в наши дни, язык Каббалы постепенно становится для широкой публики сколько-нибудь привычным. В этом томе у нас нет места для дальнейшего её обсуждения, но мы рекомендуем прочесть эту удивительную и увлекательную литературу всем студентам, у которых есть досуг и желание заглянуть под поверхность знакомого Писания, чтобы угадать более глубокие истины, которые так долго были скрыты под видом сомнительной, как может показаться, древней истории.

ГЛАВА VII

ПЕРСИДСКИЕ ТЕОРИИ О ДУШЕ И ЕЁ ПРЕДНАЗНАЧЕНИИ

Хотя сегодня, желая узнать о парсизме, возникновение которого приписывают Зороастру, нужно ехать скорее в Индию, чем в Персию, и искать сведений в Бомбее, где знаменитая колония парсов непрерывно существует более 1200 лет, но если мы хотим исследовать корни всё ещё цветущего древа парсизма, религии, оспаривающей пальму первенства по древности даже у самых старших своих современниц, нам следует обратиться к периоду куда более отдалённому, чем время основания этой древней и почтенной колонии. История Зороастра, предполагаемого основателя веры парсов, окутана значительной тайной, и до недавнего времени учёные с большим трудом пытались согласовать кажущиеся противоречивыми даты; те оказались столь несходными, что в конечном счёте их нельзя примирить, если исходить из убеждения, будто за всё время был лишь один великий учитель, носивший имя Зороастра: его эпоху относили то ко временам иудейского Авраама, то ко времени

греческого Пифагора. Теперь начинают понимать, что на протяжении веков существовал длинный ряд высокопросвещённых духовных учителей и что Зороастр — это скорее почётный титул, нежели имя собственное.

Та весьма поучительная писательница и лектор по теософии, Анни Безант, в одной из своих многочисленных книг, «Четыре великие

религии», попыталась объяснить, как одного за другим, по мере того как проходили века, на сцене великого театра мира появлялись высокопросвещённые учителя и давали наставления, особо приспособленные ко времени и месту их служения, а затем оставляли добрые семена, которые они посеяли и поливали, прорастать и приносить плоды, что всегда происходит в конце цикла; тогда возникает потребность в новом великом просветителе, который приходит в свой черёд, как приходили и уходили его предшественники.

Согласно этой теории, подтверждаемой почти всеобщим свидетельством исследователей Мистерий по всему свету, мы устраняем бóльшую часть запутанной трудности, связанной с

Зороастром, и обнаруживаем, что парсизм, как и многие другие древние системы религии и философии, основан не на одном-единственном учителе, а на череде духовных просветителей, которых, согласно всеобщей теософии, небесные хранители судьбы этой планеты посылают, чтобы передать особой части обитателей земли те стороны и части небесной мудрости, которые те готовы воспринять, усвоить и распространять. Хотя парсизм, каким его излагают самые известные современные его представители, не является идеальной системой, и некоторые его учения, изложенные назначенным делегатом из Бомбея на Всемирном парламенте религий, состоявшемся в Чикаго в 1893 году, кажутся уступающими высшим наставлениям пророческого иудаизма и христианского универсализма, мы должны признать, что священные книги парсов, называемые Зенд-Авестой, изобилуют превосходными поучениями, а также представляют взгляд на добро и зло, гораздо более разумный, чем тот, что в средние века покрывал мрачную Европу и всё ещё сохраняется как губительный элемент в ортодоксальных течениях христианства.

Мы много слышим и читаем о дуализме, когда речь заходит о религии парсов, или иранской, но дуалистические теории всех зороастрийцев сводятся к исходному и конечному монизму, потому что борющиеся силы добра и зла, даже когда они олицетворены в своих первоисточниках, Ормузде и Аримане, лишь конечны и преходящи. В учении парсов нет столь абсурдной веры в вечное зло, ибо оно учит, что Ормузд и Ариман — братья, поспорившие между собой и теперь занятые делами диаметрально противоположного свойства, но, как оба произошли из одного источника, так и вернутся они к состоянию гармонии, которое первоначально было их блаженным уделом и из которого они пали не навечно, а лишь на ограниченный срок.

Персидский Ариман и еврейский Сатана (Обвинитель) настолько практически тождественны, что мы вполне можем обнаружить следы парсизма в книге Иова, одной из самых поучительных и утешительных книг, составляющих еврейскую Библию. Эта книга Иова в значительной мере пришлась по сердцу Томасу Пейну, который доброжелательно упоминает её в том столь поносимом трактате, «Век разума», где много

нападок на многое из содержащегося в Библии, но никогда не ставится под сомнение единство Бога и не отрицается благая надежда на бессмертие человека.

Если Мильтон, когда писал «Потерянный рай», и не был знаком с Зенд-Авестой, то по крайней мере он обнаруживает знакомство с многим из её попутных учений, хотя английский поэт в своём богословии так и не поднялся достаточно высоко, чтобы достичь духовных высот, которые являются вершинами и венцом зороастрийской веры. Христианский апостол Павел, знаток как классической, так и еврейской словесности, в своих благороднейших речах обнаруживает немалое знакомство с основами как иранской, так и египетской религии: ведь, уступив «силам тьмы» всё, на что стал бы претендовать любой хорошо наставленный парс, он обращается к тем славным и великолепным заявлениям веры в совершенное торжество бесконечного добра, которые просто сокрушительны для всех, кто верит в возможность конечной победы, хотя бы в единственном случае, любого духа, противопоставляющего себя правлению совершенной праведности, обитающей в центре вселенной.

Даже совершенный оптимизм Роберта Браунинга, выраженный в «Абте Фоглере», отнюдь не слишком грандиозен, чтобы последовательный парс не мог его поддержать, ибо тот, кто предпримет серьёзное и глубокое изучение Зенд-Авесты, вполне может встать из своих исследований с ликующим возгласом на устах: «Не будет потеряно ни одно добро, а на зло приходится столько же добра сверх того». Браунинг может говорить о немногих «музыкантах», в уши которых особо шепчутся божественные тайны, но кто эти возвышенно privileged и необыкновенно просвещённые, как не те, кто усвоил великий урок преображения и в самом деле разрешил диссонансы в гармонии, тем самым доказав, что зло есть лишь неуместное добро, что зло — только состояние или условие, но никогда не основополагающая реальность и не неотъемлемая часть всеобщей жизни.

Немалому числу современных метафизиков помогло бы большей ясности изложения изучение учения парсов, которое, будучи очищено от выродившихся наслоений, оказывается амбициозной и отнюдь не безуспешной попыткой объяснить происхождение, природу и

предназначение относительного разлада во вселенной, которая абсолютно добра в самом своём ядре и существе.

Чтобы дать некоторое представление о древности славы Зороастра, достаточно напомнить, что Плиний, соглашаясь с Аристотелем, утверждает, будто Зороастр жил за 6000 лет до Платона. Гиббон, Вольней и многие другие выдающиеся историки в значительной мере согласны с этим взглядом, который, как мы уже намекали, легко принять на основании, предложенном Анни Безант и другими теософскими толкователями; ведь если учесть, что несколько прославленных учителей носили одно и то же высокое имя среди последователей провозглашённых ими учений, нас не должно поражать, если мы обнаружим утверждения о том, что Зороастр жил даже 100 000 лет назад, возможно, на могучем острове-континенте Атлантида, который, вероятно, находился в зените своей славы, пока земли, ныне называемые древними, покоились под океанскими волнами, подобно тому как теперь дремлет Атлантида. Многие историки относят Зороастра к периоду совсем недавнему, примерно к 700 г. до н. э., когда, без сомнения, к иранцам пришло некое великое просвещение и

среди них возродилась древняя мудрость под руководством особого мастера-наставника. Как бы ни была древня его родословная и сколь бы сравнительно современным он ни был, несомненно одно: парсизм процветал в Вавилонской империи, и иудаизм в значительной мере был пропитан им во время Вавилонского плена.

Части книги Исаии, несомненно, были написаны после возвращения иудеев из Вавилона в Палестину, и автор, которого часто называют «вторым Исаией» (см. Исаия, гл. 45), горячо протестовал против проникновения вавилонских доктрин в иудейское вероучение, по крайней мере в той мере, в какой эти положения не согласовались с простой верой древнего Израиля, не допускавшей никакого соперника Богу на престоле вселенной. Хотя многое в древней истории зороастризма может быть окутано неопределённостью, учёные не встретили непреодолимых трудностей в своих попытках проследить историю парсийской веры в христианскую эпоху.

Макс Мюллер, чьи монументальные труды по сравнительному религиоведению и филологии позволяют причислить его к величайшим учёным девятнадцатого века, пролил немало света на этот

интересный предмет в своих обстоятельных комментариях к различным священным писаниям Востока, и к его обширным и увлекательным трудам мы советуем обратиться всем нашим читателям, у кого есть и желание, и досуг продолжить свои занятия гораздо дальше, чем это возможно для тех, чьи дела таковы, что они находят время лишь для изучения кратчайших сводок. Для нашей ближайшей цели достаточно сослаться на несколько важных фактов, проливающих свет на тот особый предмет, который мы сейчас рассматриваем. В четвёртом веке до н. э. Александр Македонский завоевал Персидскую империю, и с его правлением старая вера и обряд пришли в упадок или стали неясными. В последующие века этот упадок становился всё заметнее, и лишь примерно через 700 лет произошло великое возрождение парсизма; это случилось во времена Ардешира, который низверг парфянское владычество в Персии и основал династию Сасанидов. Приведём слова Уильяма Элджера: «Одним из первых его деяний было, несомненно по побуждению уцелевших магов и древнего благочестия народа, вновь ввести древнюю религию. Вспыхнуло свежее рвение верности, и весь престиж и сила долго подавлявшегося культа были восстановлены».

Теперь стали искать зороастрийские Писания, будь то в рукописях или в памяти жрецов. По-видимому, были найдены лишь остатки. Собрание, каким оно было, оказалось на авестийском наречии, которое отчасти устарело и стало непонятным. Поэтому власти велели перевести его на язык того времени, пехлеви. Этот перевод, большая часть которого дошла до нас записанной в оригинале предложение за предложением, образует собственно язык зенд, который читающая публика часто путает с авестийским. Перевод авестийских книг, вероятно, сделанный при таких обстоятельствах уже около 350 г. н. э., называется «Хузва-реш». Вероятно, именно из этого источника, а не из более древнего обычно черпаются расхожие теории о первоначальной парсийской вере, поэтому было бы неразумно, рассматривая такие переводы, говорить догматически о высочайших и чистейших понятиях далёкого оригинала.

Приведём ещё раз слова Уильяма Элджера: «Источником, из которого черпается самое полное и ясное знание о зороастрийской вере в том виде, в каком её ныне исповедуют парсы, являются Десатир и Бундахишн. Первое сочинение — единственный след вымершего наречия, называемого

махабадским, сопровождаемый персидским переводом и комментарием. Невозможно установить, в каком веке был написан махабадский текст, но перевод на персидский был, скорее всего, сделан в седьмом веке нашей эры». Рассуждая о неправдоподобии обоснованности тех предположений, которые стремятся возвести учения современного парсизма к иудейским, христианским или даже более поздним мусульманским истокам, доктор Элджер переходит к изложению положений магийского богословия, и из этого изложения («Критическая история учения о будущей жизни», с. 133 и далее) мы составили следующий крайне сжатый рассказ. В глубоком фоне магийского богословия вырисовывается вера в бесконечное первое Начало — Зерван Акарана, что означает Абсолютную Длительность, или Неделимое Единое. Но началом живого богословия, дающего собственно этику зороастризма, является идея противоборствующих сил — Ормузда и Ахримана, — которые составляют первую эманацию Абсолюта. Говорят, что между собой они делят неустанную борьбу вселенной. Ормузд есть начало света; Ахриман — начало тьмы. От Ормузда исходят всякая добродетель и всякая красота; от Ахримана — всякое злодейство и безобразие. Есть некоторый

спор о том, всегда ли эти враждебные силы были в разладе; в разные времена, несомненно, преобладали разные взгляды: более пессимистические теории, без сомнения, принадлежат веку духовного упадка и умственного помрачения, тогда как более оптимистической позиции неизменно держались наиболее просвещённые умом и наиболее продвинутые духовно среди многочисленных выразителей зороастризма, возникавших из века в век и все утверждавших, что толкуют первоначальную веру, как бы далеко, порой, ни отходили от неё их комментарии.

Доктор Элджер придерживается взгляда, разделяемого проницательными исследователями вообще и наиболее мощно и прекрасно подчёркнутого Мари Кейтнес, герцогиней де Помар, в её великолепном трактате «Тайна веков, заключённая в тайной доктрине всех религий». В этом ценном томе нас уведомляют, на основании глубокого духовного прозрения в сочетании с основательным научным исследованием, что неискажённый парсизм учит, будто Ормузд и Ахриман поистине родные братья, первоначально согласные, но в течение долгой эпохи, называемой

Гахамбар, они пребывают в состоянии деятельной вражды; когда же цикл завершится, они полностью примирятся, и тогда Пралайя, или Золотой век, наступит как результат их возвращения к гармонии.

Доктор Элджер не упускает случая проследить тесную связь, которая несомненно существует между Ахриманом и Сатаной из книги Иова, — великолепной эпической поэмы, призванной изложить славное древнее учение о том, что никакого духа зла в действительности не существует: Сатана (или Обвиняющий ангел) есть лишь вестник Небес и получает поручение от Всевышнего, иначе он не мог бы ничего совершить среди обитателей земли. Иов олицетворяет типичную человеческую душу, индивидуализированную в каждом человеке, и, как ясно показывает поэтическое повествование, цель его автора состояла в том, чтобы убедить всех читателей: с человечеством не случается ничего, кроме того, что ведёт в конечном счёте к благу, и когда мы видим то, что кажется нам беспримесным бедствием, мы в своей временной слепоте неверно истолковываем некие непонятные явления, которые ещё будут нам объяснены как часть нашего воспитания, как средство дисциплины, результатом

которой станет славное и чудесное просвещение, недостижимое иначе как через это по видимости злое, а в действительности благое действие.

Делегат от парсов на Всемирном парламенте религий без колебаний сказал многим слушавшим его речь и читавшим её опубликованный отчёт, что парсы и сегодня верят, будто каждое вредоносное существо и каждое ядовитое растение — дело Ахримана, а всё приятное и целительное — дело Ормузда. Это простое объяснение явлений, и оно, возможно, не является неверным, но даже если Ормузд и Ахриман создали каждый множество посланцев и отправили их населять этот материальный шар, главный вопрос об окончательном обращении всего ко благу остаётся совершенно нетронутым. Всё, что нам нужно рассмотреть, даже если мы принимаем эту popular-версию учения парсов, — это способ, посредством которого достигается цель и в конце концов осуществляется замысел.

Учение парсов о том, что каждую воплощённую на земле душу сопровождают невидимые спутники — светлый и тёмный (*фервер* и *дев*), и что каждая звезда населена духами света и тьмы, полностью согласуется с почти всеобщим мнением

человечества, хотя такое учение легко поддаётся столь значительному разумному видоизменению, что со временем может быть принято, как это уже преподаётся во многих школах теософии, лишь в том смысле, что свет положителен и символизирует мудрость, а тьма отрицательна и символизирует невежество. Талантливая брошюра Джеральда Масси «Дьявол тьмы» носит название, проливающее много света на первичный вопрос, который до сих пор мучительно смущает большинство исследователей природы вселенной: откуда зло? Мы не можем поколебаться в своей верности благословенному понятию, что абсолютное *благо есть всё во всём*, и даже в персидском дуализме мы не находим ничего, что поколебало бы нашу уверенность в истинности этого могучего утверждения, равно как не обнаруживаем никаких исторических свидетельств того, что какой-либо воистину просветлённый учитель учил обратному. Лишь развращённое жречество, объединившееся с такой же развращённой светской властью, измыслило ложный, отвратительный, неразумный догмат о бесконечном, а потому бесполезном аде, вместе с безумным и ужасным представлением о Боге как о гневном тиране, обрёкшем значительную часть собственного творения на вечные муки.

Кошмарное богословие, стремящееся поработить и устрашить мир такими чудовищными вымыслами, может вести своё начало из тёмной страны теней, где обитают непросвещённые, пока не поднимутся из мрачных сумерек, в которые их могли ввергнуть невежество и злая воля; но ни разу сияющий посланец из какой бы то ни было сферы света не внушил человечеству ничего, что набрасывало бы тень на характер Всемогущего или повергало бы чуткие натуры в отчаяние, возбуждая при этом худшие страсти жестоких и безжалостных. Мы не извиняемся за то, что осуждаем учение о бесконечном или вечном зле, олицетворённом или нет, как оскорбление разума и вопиющее противоречие всему, что готова принять просвещённая нравственность. Что во вселенной есть неразрешённые проблемы и великие тайны, не станет оспаривать ни один здравомыслящий мыслитель, но извлекать из них выгоду ради насаждения учения о вечном зле — преступление против человечества и оскорбление нашего здравого смысла.

Точные взгляды зороастрийцев на будущую жизнь довольно трудно описать на ограниченном пространстве, но можно с уверенностью заключить,

что у них есть представление о чистилище, а также некоторое представление об аде, хотя и не обязательно такое, которое противоречило бы конечному спасению каждого духа во вселенной. Парсизм, как и практически всякая другая религия, учит о великом разнообразии состояний или условий в мире за гранью смерти, и, как учил Данте в «Божественной комедии», если требуется четыре или пять столетий, а то и дольше, чтобы очистить душу от налёта скупости, зависти или иного пятна, столь долго она должна подвергаться некоей очистительной дисциплине, называемой «чистилищным огнём». Корень учения о чистилище обнаруживается во всех религиозных системах, и если отделить его от всякой веры в проклятие, с которым мысль об очищении никогда не бывает по-настоящему связана, его вполне можно принять как средство, поясняющее последствия заблуждения и очистительные цели наказания.

Бросив уже взгляд на египетскую эсхатологию, мы находим персидские взгляды на жизнь за гранью смерти чрезвычайно сходными, и не следует забывать, что после свержения фараоновской, то есть коренной египетской, династии Египет оказался под властью Персии,

вследствие чего религиозные верования и символы обоих народов сильно смешались. Бык, всегда глубоко почитавшийся в Древнем Египте, мощно вырисовывается на персидском горизонте: источник всей проявленной жизни представлен под образом этого могучего животного. Среди персидских обычаев, проливающих свет на народную веру в будущую жизнь, есть древний «Праздник мёртвых», который парсы справляют и поныне в последние пять дней каждого года; в это время, как считается, грешникам в мире духов, несущим искупительные наказания, соразмерные их проступкам, дозволяется навестить своих родных и друзей, ещё живущих на земле, после чего эта отсрочка заканчивается, и те, кто недостаточно очистился, чтобы перейти в Рай, должны вернуться в «Дусах». Ежегодно, как учат, «Ормузд опустошает ад», и на этом великом солнечном празднике (который соблюдают все оккультные общества мира, могущие похвалиться сколько-нибудь почтенной древностью) множество душ наконец освобождается от теней Аида и препровождается в более светлые области на пути к конечному блаженству Небес.

Для всякого исследователя сравнительного религиоведения, не подверженного предрассудкам, поразительное сходство одного вероучения с другим должно служить убедительным доказательством того, что господствующие христианские доктрины все происходят из более ранних источников, и что это так, ясно свидетельствуют сами евангельские повествования. В Апостольском символе веры (обычно считающемся древнейшим, а также простейшим и кратчайшим из всех символов христианского мира) много оспариваемое место (которое некоторые протестанты не одобряют и опускают): «Сошёл в ад» — недвусмысленно показывает полное сочувствие, существовавшее между первоначальным христианством, весьма эклектичным, и другими, более древними и широко распространёнными верованиями.

Мы вновь настаиваем: в своей первоначальной чистоте и простоте все религиозные системы учили об очищении ушедших душ, действительно через страдание, когда в этом есть нужда, но никогда не учили о конечном уничтожении или, что гораздо хуже, о бесконечных муках. Древние парсы утверждали, что нынешний порядок мира

установлен на срок в 12 000 лет, разделённый на четыре равные части. В первые три тысячи лет торжествующе царствует Ормузд, во вторые три тысячи лет царствует Ахриман. Третьи три тысячи лет заняты борьбой между ними, а четвёртые три тысячи лет станут временем победы Ахримана, когда земля будет ареной всевозможных ужасных трагедий. Однако этот мрачный период будет торжествующе преодолён, ибо Ормузд восстанет в величественной мощи и положит полный конец всем бедствиям и всем злодеяниям. Ормузд пошлёт на землю спасителя, Госиоша, чтобы избавить человечество и предать главного врага суду. Затем наступит воскресение, когда все ушедшие появятся вновь, и друзья радостно узнают друг друга. Среди учёных по-прежнему царит большое расхождение мнений относительно точной природы воскресения, но все согласны в том, что парсизм учит об индивидуальном бессмертии.

Всякое учение, преподаваемое в христианском мире о непослушании и падении человека, можно найти в параллель в парсизме. Хотя представляется довольно ясным, что дуализм неразрывно вплетён в зороастрийскую веру, Роулинсон доказывает — и подкрепляет свой довод убедительными

свидетельствами, — что дуалистическое учение было ересью, возникшей среди первобытных ариев, предков последующих иранцев и индийцев. Почти повсеместно утверждают, что Иудейские Писания пронизаны персидскими доктринами, но единственная книга Ветхого Завета, которая ясно подчёркивает учение о воскресении, — это книга Даниила, полная халдейских и персидских намёков. Этот апокалиптический трактат (на который сильно похожа книга Нового Завета, называемая Откровением, или Апокалипсисом) обычно относят к периоду не ранее 200 г. до н. э. Духовное понятие о воскресении, преобладавшее среди мыслящих и образованных зороастрийцев во времена знаменитого Плутарха, ясно показано в приводимой им цитате из Феопомпа, который передаёт мнение магов, что, когда Ахриман будет покорён и люди вернутся к жизни, «они не будут нуждаться в пище и не будут отбрасывать тени». Таково, несомненно, исходное учение магов, и оно хорошо согласуется с идеей чисто духовного тела, не зависящего от материальных элементов в поддержании своего существования и не подверженного ограничениям времени и пространства.

Всякий читатель, без сомнения, знаком с Башнями молчания, местами погребения парсов, и многие путешественники их видели. Мёртвое тело не дозволяется бросать в воду или в огонь или зарывать в землю, чтобы оно не осквернило стихию; поэтому его помещают на большой высоте над землёй и отдают во власть хищных птиц, у которых, как верят парсы, есть необходимая миссия и которые по праву наделены вкусом к падали. Эти до щепетильности чистоплотные люди, делающие чистоту существенной частью своей религии, не оказывают мёртвому телу никакого бесчестья. Тела кладут в сухих, чистых, открытых местах на вершине, где дуют свежие ветры, а стервятники, пожирающие плоть и оставляющие кости совершенно безвредными, почитаются священными.

Хотя парсизму приписывается многое, что не вполне привлекательно, строгое чувство справедливости, наряду с провозглашением того, что в конце концов восторжествует одна лишь праведность, проходит сквозь все учения, ведущие свой источник от Зороастра и Зенд-Авесты. Во время суда будет произведено полное разделение между добродетельными и порочными, но хотя последние

будут осуждены на карательные страдания, их мучительные вопли поднимутся к небесам и найдут жалость в душе Ормузда, который в конце концов освободит всех от их страданий. Ужасные слова в христианском евангелии, приписываемые Иисусу: «Идите от Меня, проклятые, в огонь вечный (эонический), уготованный диаволу и ангелам его», хотя и никак не отрадное чтение, допускают, причём без малейшей натяжки, разумный и даже благожелательный смысл, ибо мы вправе предложить богословам обсудить вопрос: для какой цели приготовлен этот огонь? Кто осмелится отрицать, что справедливое Божество мудро приготовило его именно для того, чтобы очищать и просвещать тех, кто нечист и темен в своём духовном состоянии? Огонь входит как в высшей степени выразительный символ во все религии, и поскольку огонь на земле достигает трёх полезных и благих целей — он освещает, согревает и очищает, — у нас нет ни малейшего права или основания полагать, что Зороастр, Иисус или любой просвещённый духовный учитель или Мессия в любое время в истории мира намеревался учить какому-либо иному учению, кроме конечного просвещения и очищения каждого отдельного духа во Вселенной.

Парсизм по существу созвучен универсализму, и хотя современные универсалисты, вероятно, отказались бы одобрить многое из того, что они могли бы найти в древних парсийских документах, они публично провозгласили в двух великих фразах, включённых в Исповедание веры американской универсалистской деноминации, своё полное согласие с сутью зороастризма, ибо они исповедуют веру в *неизбежность воздаяния,* и в *конечную гармонию всех душ с Богом.* Здесь мы пришли к полному синтезу приемлемой духовной философии, и как бы широко ни расходились некоторые из нас во мнениях о средствах, посредством которых может быть достигнута всеобщая гармония, все мы можем одобрить благородное чувство, выраженное Осией Баллу, отцом американского универсализма, в до сих пор популярном гимне:

«В вечности Божьей
Настанет день, когда
Весь род Адама будет
С Иисусом в небесах».”

И столь же прекрасны слова Эпеса Сарджента, стойкого спиритуалиста, которые также встречаются во многих хорошо составленных сборниках гимнов:

«Душа согрешающая непременно умрёт, —
Умрёт для греха, что жизнь её сковал».

Вновь процитируем доктора Элджера, чтобы подвести итог нашему слишком беглому взгляду на парсийскую веру. В следующих фразах мы видим великолепную картину будущего, ожидающего нашу планету и её многочисленных обитателей: «Огненный поток, разлившийся по всей земле, очистит каждое место и каждую вещь. Даже мерзостное царство тьмы и мучений будет смирено и станет частью всеобъемлющего Рая. Сам Ахриман, возвращённый к добродетели, вновь исполненный первоначального света, отрёкшийся от памяти о своих завистливых путях и с той поры свернувший чёрное знамя своего мятежа, станет служебным духом Всевышнего и вместе с Ормуздом будет воспевать хвалу Безграничному Времени. Вся тьма, ложь и страдания бесследно исчезнут, и вся Вселенная наполнится сиянием благих духов, наделённых службой вечного блаженства. Что до судьбы человека —

«Таковы притчи, что Зартушт возвестил
Вере Ирана в древней Зенд-Авесте».

К этой возвышенной картине мы приглашаем серьёзное, молитвенное внимание каждого заблудшего путника на земном пути, который сомневается, что «Добро будет конечной целью зла». Всеобщее спасение — единственное мыслимое спасение в здравой вселенной, и славная миссия современного, как и древнего, спиритуализма состоит в том, чтобы провозгласить эту благословенную истину не только как постулат философии или разумную религиозную веру, но как доказанную достоверность, основанную на прогрессивной жизни в бессмертных сферах мира духов.

ГЛАВА VIII

ГРЕЧЕСКИЕ И РИМСКИЕ ВЗГЛЯДЫ НА БУДУЩУЮ ЖИЗНЬ

ЕЩЁ раз признавая свой долг перед великолепным трудом доктора Элджера, из которого мы уже обильно цитировали, мы вновь предлагаем читателям прекрасный описательный отрывок из «Критической истории учения о будущей жизни» (стр. 175–176), поскольку он как нельзя лучше

подходит для нашей цели в этот момент нашего последовательного повествования. «Бестелесная душа, какой её представляли греки, а вслед за ними римляне, материальна, но столь тонкого строения, что её нельзя ощутить руками. Она выдыхается с последним дыханием или выходит через раны воина. Её владелец проходит сквозь её невредимый образ, как сквозь воздух. Она относится к телу так, как сновидение к бодрствованию. Сохраняя облик, черты и движения, какие человек имел при жизни, она сразу узнаётся при появлении. Она покидает тело с великой неохотой, оставляя это тёплое и сильное облачение ради холодного и бессильного существования. Она скользит без шума и очень быстро, как тень. Она не может войти в нижнее царство и обрести покой, пока её покинутое тело не будет предано земле со священными обрядами; а до тех пор, нагая и печальная, она беспокойно носится у врат, издавая скорбные стоны».

Как бы неудовлетворительна ни была такая картина, если применять её ко всему человечеству, в ней, несомненно, есть доля истины, если ограничить её применение теми, кто на земле не уделял должного внимания сверхчувственным требованиям жизни.

Греки и римляне как народы в течение значительной части своей внешне процветающей истории были преданы чувственным идеалам гораздо более, чем духовным; поэтому высокоодарённые провидцы и провидицы среди них, а их было много, вскоре стали замечать, что состояние души непосредственно после телесного распада в большинстве случаев не очень отрадно, хотя безнадёжное страдание не входило ни в греческое, ни в римское верование. Значение погребальных обрядов намеренно преувеличивалось честолюбивым жречеством и различными сословиями торговцев и ремесленников, которые и по сей день почти по всей земле получают большую выгоду, и не только денежную, но и в смысле поддержания достоинства своих должностей, от суеверного почтения, почти повсеместно питаемого к похоронным службам и их пышным принадлежностям. Без сомнения, у похоронных и поминальных обрядов есть даже некоторое духовное основание, и мы далеки от того, чтобы полностью их осуждать; в то же время ясно, что всякие ненужные траты на пышности для ушедших — это растрата средств и усилий, и она к тому же поощряет некромантические верования и

обряды вместо того, чтобы помочь нам перерасти рабскую зависимость от внешних форм, которые призваны помогать нам в трудные времена.

Такие великие умы, как Сократ, Платон и несколько других превосходных философов, почти ничего не принимали из народного верования, и одной из главных причин, приведших к смертному приговору высокочтимому Сократу со стороны афинских судей, была бесстрашная прямота, с которой он обличал рабскую приверженность внешнему, преобладавшую в его дни, как она преобладает и в наши, в почти невероятной степени.

Греческие мистерии были (и остаются) несравненно возвышенными, но их великолепная символика часто скрывалась от взоров толпы под жалким суеверием. Прекрасные драмы, в которых разыгрывалась история нисхождения духа в материю, его постепенного восхождения через материю к более высокой, самосознательной бессмертной жизни, чем та, которой он наслаждался прежде, и его окончательного приобщения к блаженству и славе небесной жизни, многие считали лишь религиозными зрелищами, подобными знаменитому Страстному действу в

Баварии, которое всякий раз, когда его ставили, собирало огромные толпы в известную деревню Обераммергау.

Народ в целом во все века и времена видел скорлупу, но даже не воображал ядра внутри, и когда истинные философы (любители мудрости) решались проникнуть к сердцевине символики и раскрыть тайну, их встречали проклятиями и обрекали на казнь фанатичной толпой, подстрекаемой развращённым жречеством. Однако немногие верные ученики всегда собирались вокруг них, и они сохранили, пусть и несовершенно, для будущих поколений великие спасительные истины, которые величайшие мыслители мира, рискуя всем земным, непреклонно провозглашали. Некоторые ранние греческие авторы описывали вселенную крайне фантастическим языком и дали миру описания незримых сфер духа, которые ныне обычно считаются лишь вымышленными домыслами. Хотя основная часть их, несомненно, воображаема, в них много такого, что заслуживает внимания, ибо это странное сочетание плодов подлинного ясновидения и работы недисциплинированного воображения. Хотя многие безрадостные картины, изображённые

ранними греческими рапсодами как принадлежащие миру ушедших душ, были бы поистине печальны для созерцания, если бы их представляли как постоянные состояния, мы не должны забывать, что учение о перевоплощении было распространено в Древней Греции среди тех, кто видел мало света впереди для кого бы то ни было в «стране теней»; так что, не ожидая многого в радости или солнечном свете в незримых областях, они предвкушали радостное возвращение на землю, если прежде прожитая жизнь заслуживала столь счастливого следствия, как иное земное существование, лучшее прежнего.

Современная теософия учит многим доктринам, столь же близким по родству к ранним греческим, как и к индуистским понятиям, даже когда руководители Теософского общества открыто черпают свои учения из индуистских источников и щедро украшают речь санскритскими словами и выражениями. Это нетрудно объяснить, если однажды уяснить идею универсальной доктрины и символики, пронизывающей все древние и современные верования и обряды. Мы не должны забывать, что, имея дело со взглядами на будущую жизнь, которых держались древние греки, мы чаще

встречаем поэтические рапсодии, чем что-либо, претендующее на безыскусное изложение фактов, и точно так же обстоит дело с христианскими преданиями. Мы обращаемся к Вергилию и Гомеру, чтобы изучить классические взгляды, и к Данте и Мильтону, чтобы понять идеи христиан более позднего времени. В обоих случаях мы должны делать поправку на «поэтическую вольность» и не понимать слишком буквально многое из того, что первоначально могло быть задумано как аллегория. Аллегорическое учение, строго говоря, не вымышленно: оно иллюстративно, образно, драматично по форме и призвано создавать яркие картины, посредством которых любящая зрелища толпа может быть подведена к принятию определённых нравственных истин, которым она не так охотно внимала бы без театральных сопровождений.

Что греки рассчитывали узнать своих друзей в сферах духов, очевидно из слов Софокла, передающего последние слова Антигоны: «Уходя, я твёрдо лелею надежду, что меня ласково встретят отец, мать и брат». Платон, как и другие величайшие греческие философы, поддерживает сократическое учение, благородное, разумное и

истинное: тому, кто прожил праведную жизнь на земле, нечего бояться смерти или чего-либо за её пределами. Это древнее философское учение нашло путь в современную религиозную поэзию, как свидетельствует прекрасный и весьма оптимистичный гимн, имеющийся в унитарианских и других разумных, хотя и духовно настроенных сборниках гимнов:

«Страх кончается со смертью, за нею
я не вижу ничего, кроме Бога».

Как бы ни было чрезмерно такое чувство, если пытаться применять его повсеместно, — а строго справедливая духовная философия может настаивать на его ограничении, — оно неизмеримо выше ужасных бессмысленных воплей фанатиков и ханжей, которые «проповедуют в ад» всех, кто не принял их вероучения или кто мог сойти с пути, объявленного ими в их наглости и высокомерии единственной дорогой на небо.

Аид, или подземный мир греков, не был ни состоянием, ни местом изгнания за грех или вследствие нарушения какого-либо закона в плане мироздания; это было лишь состояние, в которое должны были перейти все после завершения срока

физического существования на поверхности земли, если их души были слишком слабы, чтобы взойти на Олимп и жить среди божеств. Но мы не должны забывать о важной роли неискоренимой идеи воздаяния за всякую праведность и за всякое беззаконие, заложенной в самой сущности человеческой природы и расцветшей в Греции в противопоставлении Элизиума и Тартара: первый был блаженной обителью праведных, второй — местом наказания для нечестивых.

Распределение поэтической справедливости, как оно изложено в пьесах, порой граничит с нелепостью и напоминает бурлеск, точно так же как мы едва можем удержаться от смеха, вспоминая некоторые фантастические средневековые способы преподавания нравственных уроков и побуждения неграмотных оставить пороки и встать на путь добродетели. Как уступки неразвитому умственному состоянию «черни» такие представления простительны, но чтобы открыть более высокие идеи учёных, тонко чувствовавших греков, чья высочайшая образованность по сей день общепризнана, нужно искать далеко за их пределами. Едва ли можно сомневаться, что боги и богини Греции и Рима были прославленными

героями и героинями, которых, говоря христианским выражением, «причислили к лику святых», а затем возвели в ранг божеств, хотя во всякой мифологии есть и несомненно астрономический элемент.

Игнатиус Доннелли в своей интересной книге «Атлантида» утверждает, что греческие божества восходят к правителям Посейдониса, последнего обломка некогда огромного острова-континента, над которым многие тысячелетия катятся воды Атлантики. Как бы то ни было, мифология ясно показывает нам народную веру в общение с отдельными существами, когда-то жившими на земле и всё ещё сохранявшими отличительные черты своих индивидуальностей; но поскольку астрономические элементы обнаруживаются в любой богословской и теософской системе, мы находим названия разных планет, данные божествам, и приписанные им свойства, не слишком отличающиеся от тех, которые современные астрологи приписывают Юпитеру, Сатурну, Венере, Марсу и Меркурию, составляя и толкуя гороскопы. Обратившись к Овидию, мы видим, что он подытоживает сливки греческой и римской мысли о загробной жизни в следующих

поучительных словах, которые ясно показывают, что признавались различные планы бытия и что судьба низшего никогда не смешивалась с уделом высшего.

> "Terra tegit carnem; tumulum circumvolat umbra;
> Oreus habet manes; spiritus astra petit."

Вольный перевод которых может звучать так:

> Земля скрывает плоть; тень кружит у гробницы;
> Образ принят подземным миром; дух стремится
> к звёздам.

Эврипид утверждает, что каждый элемент в человеке стремится к родственному себе; отсюда и изречение: «тело — земле, дух — эфиру». Поистине возвышенны многие классические рассказы о возведении облагороженных душ в Элизиуме в ранг богов. Поскольку человеческие души всё ещё сохраняют отличительную индивидуальность, их изображали владычествующими над судьбами земли, и эту разумную веру, несомненно, разделяли все поистине просвещённые философы, провидцы и мудрецы древности. Плотин говорил нам: «Тот, кто обладает мудростью и истинной добродетелью в душе, лишь немногим отличается от высших существ, уступая им единственно в том, что он

находится в теле». Такой человек, умирая, может поэтому сказать вместе с Эмпедоклом: «Прощайте! Бессмертный бог отныне я». Веспасиан в предсмертные минуты сказал: «Скоро я буду богом». Эти и многие другие подобные высказывания, легко извлекаемые из богатств сокровищницы классики, должны неоспоримо доказывать, что чистые, честные и доблестные люди земли не сомневались в том, что будут приняты среди божеств, когда завершат свой земной путь и перейдут к неизбежной награде.

Среди преданных друзей, между которыми узы дружбы были исключительно крепки, хотя один явно превосходил другого умом и нравственностью, выражалось опасение, как бы обожествление героического из них не отлучило его навсегда от общества менее развитого товарища, которого нельзя было перенести на «Острова блаженных». Во многих таких случаях о герое говорят, что он добровольно отказался от своего блаженства, чтобы остаться соединённым со спутником, к которому был глубоко привязан. В эзотерических братствах, где Элевсинские мистерии понимаются полностью, эта добровольная жертва ради другого высоко восхваляется, и утверждается, что тот, кто приносит

такую добровольную жертву, не только не лишается собственного заслуженного возвышения, но получает возможность так служить из Элизиума своему другу, ради которого хотел пожертвовать своим возвышением, что друг вскоре искупается из страны теней и получает право присоединиться к нему в блаженстве Рая.

Хотя варварское представление, будто элизийские награды раздаются богами произвольно, их любимцам, не чуждо классической литературе, это грубое и явно несправедливое мнение следует считать лишь искажением классической веры; ему всегда не сочувствовали, а нередко и яростно обличали его нравственные учителя, единодушно настаивавшие, что всякое счастье и слава в будущей жизни проистекают исключительно от добродетельной жизни. Сенека в самых язвительных выражениях высмеял то, что считал развращающей доктриной, и спародировал предполагаемое обожествление в будущей жизни тех, кто не был достоин такого отличия, дойдя даже до того, что саркастически описал приём Клавдия среди небесных «тыкв». Пиндар, славный фиванский лирик, смотрит на состояние усопших в целом бодро, хотя никогда не упускает провести

резкую и справедливую границу между праведными и лицемерными после их ухода из смертных тел. В различных диалогах Платона рассматриваются многие разные учения, но мы вправе думать, что именно учения его знаменитого наставника Сократа он действительно принимал и передал миру.

Нельзя оспаривать, что Платон выразил твёрдую религиозную и философскую веру в бессмертие души; его мысли действительно постоянно были обращены к этой возвышенной теме, и подобные чистые размышления оказали большое влияние на его мудрую и полезную жизнь. Вера Платона покоилась не только и не главным образом на традиционных учениях, но на метафизических рассуждениях, которыми он наслаждался со всей обстоятельностью. Искренность его доводов очевидна, ибо он всегда стремится сделать практические выводы, которые возвышают поведение и побуждают его учеников жить разумнее и серьёзнее, чем если бы они были лишены мудрых наставлений своего советчика. Философия Платона порой темна, но всегда нравственна, а его учение о повторном воплощении вполне соответствует уровню многих современных

теософских выступлений. Душа всегда по существу чиста, и лишь её одеяние может быть запятнано или загрязнено. О физическом теле порой говорят как о темнице, а обо всём материальном мире как о месте унижения, и это прямо противоположно материалистической теории, весьма распространённой в дни Платона, согласно которой этот внешний мир есть место радости и блаженства, а состояние после смерти — безрадостная, неосвещённая пустыня, где угасающие тени усопших постепенно теряют всякое сознание и в конце концов исчезают.

Огромное разнообразие взглядов древних греков и римлян было не многочисленнее и не противоречивее тех, что выдвигаются в наше время, ибо этот просвещённый двадцатый век со всей своей хвалёной культурой и утончённостью не перерос ни материализма с одной стороны, ни церковного фанатизма с другой, хотя оба, несомненно, быстро идут на убыль. Современные духовные откровения не вполне рассеивают путаницу, более того, порой они как будто лишь усиливают её, хотя для действительно вдумчивого исследователя множества разнообразных

сообщений, якобы исходящих от «ушедших духов», противоречие в утверждениях лишь кажущееся, поверхностное.

Мы не вправе предполагать, что все, переходящие с земли в жизнь духа, одинаково просвещены или что все переживают одинаковый опыт, и не можем считать, что сообщения из сфер духов всегда точно передаются или правильно истолковываются. Теперь, как и в древние дни, должна существовать огромная разница в состоянии душ, «пересёкших границу», подобно тому как здесь, на земле, существует почти неисчислимая разница между одним состоянием человечества и другим. Снова и снова мы вынуждены повторять справедливую и торжественную истину: сбросив физическое тело, человек не меняет своего характера, и никакая вера в заместительное искупление не может дать в будущем таких результатов, каких она, несомненно, не даёт на земле.

Сурово, но любяще веление Божества, равно проявляющееся во всех мирах. Что посеет человек, то он и пожнёт. Не так важно, согласны мы или нет относительно средств, которыми закон справедливости исполняется повсеместно, но

признать этот закон и безусловно доверять его всеобщему исполнению — значит вооружиться нравственной философией, способной выдержать любое нападение, какое только может быть на неё предпринято.

Насколько Платон в «Федоне» дал нам вполне удовлетворяющую философию жизни, мы предоставляем решать самим читателям, дополнив эти наши размышления частью одного из прекраснейших диалогов, переданных потомкам знаменитым греческим мудрецом.

Сократ готовится выпить цикуту и, ввиду почти немедленно предстоящей перемены состояния, перехода с земли в жизнь духа, беседует так со своими друзьями, которые до конца остались верны учителю вопреки всякой клевете и всякому порыву гонений.

«Ответь же мне, — сказал он, — что это такое, что, находясь в теле, делает тело живым?»

«Душа», — ответил тот.

«Разве это не всегда так?»

«Как же может быть иначе?» — сказал он.

«Значит, душа всегда приносит жизнь всему, чем владеет?»

«Конечно», — ответил он.

«А есть ли что-нибудь, противоположное жизни, или нет?»

«Есть», — ответил он.

«Что?» — «Смерть».

«Значит, душа никогда не примет противоположного тому, что она несёт с собой, как уже было признано?»

«Совершенно верно», — ответил Кебет.

«Что же? Как мы называем то, что не принимает идеи чётного?»

«Нечётным», — ответил он.

«А то, что не принимает ни справедливого, ни музыкального?»

«Немузыкальным, — сказал он, — и несправедливым».

«Пусть так. А как мы называем то, что не принимает смерти?»

«Бессмертным», — ответил он.

«Так принимает ли душа смерть?»

«Нет».

«Значит, душа бессмертна?»

«Бессмертна».

«Пусть так, — сказал он. — Скажем ли мы, что это теперь доказано? Или как ты думаешь?»

«Вполне доказано, Сократ».

«Что же, Кебет, — сказал он, — если бы нечётному необходимо было быть неуничтожимым, разве число три могло бы быть чем-либо иным, кроме неуничтожимого?»

«Как же иначе?»

«Если бы, следовательно, и то, что лишено тепла, непременно было неуничтожимым, то, когда кто-нибудь приблизит к снегу тепло, разве снег не отступил бы, целым и нерастаявшим? Ибо он не погиб бы и не остался бы, приняв тепло».

«Ты говоришь верно», — ответил он.

«Подобным образом, думаю, если бы то, что не восприимчиво к холоду, было неуничтожимым, то, когда к огню приблизится что-нибудь холодное, оно не угасло бы и не погибло, но удалилось бы совершенно невредимым».

«Необходимо», — сказал он.

«Не должны ли мы, значит, — продолжал он, — необходимо говорить так и о бессмертном? Если бессмертное неуничтожимо, то душа не может погибнуть, когда к ней приближается смерть. Ибо, как уже сказано, она не примет смерти и никогда не будет мёртвой, подобно тому как три, как мы сказали, никогда не будет чётным, и нечётное тоже; и огонь не будет холодным, как и теплота, что в огне. Но кто-нибудь скажет: что мешает тому, чтобы, хотя нечётное никогда не становится чётным с приближением чётного, как мы согласились, но когда нечётное уничтожено, на его место пришло чётное? С тем, кто сделал бы такое возражение, мы не могли бы спорить, что оно не уничтожается, ибо нечётное не неуничтожимо; если бы нам это было уступлено, мы легко могли бы доказывать, что при приближении чётного нечётное и тройка

удаляются; и таким же образом мы могли бы доказывать относительно огня, тепла и прочего, не так ли?»

«Конечно».

«Итак, относительно бессмертного, если мы признали, что оно неуничтожимо, душа, помимо того что бессмертна, должна быть и неуничтожимой; если же нет, понадобятся другие доводы».

«Но в них нет нужды, — сказал он, — по крайней мере в этом отношении; ибо едва ли что-либо могло бы не поддаваться тлению, если бы ему подвержено то, что бессмертно и вечно».

«Божество, я думаю, — сказал Сократ, — и сама идея жизни, и всё прочее, что бессмертно, должны быть признаны всеми существами не подлежащими разрушению». «Клянусь Юпитером! — ответил тот. — Всеми людьми, конечно, и тем более, как мне думается, богами».

«Так как, значит, бессмертное есть также и неразрушимое, может ли душа, будучи бессмертной, быть чем-либо иным, кроме неуничтожимой?»

«Это необходимо так».

«Когда, следовательно, к человеку приближается смерть, смертная его часть, как видно, умирает, а бессмертная удаляется невредимой и неразрушенной, уклонившись от смерти?»

«Похоже, что так».

«Итак, душа, — сказал он, — Кебет, несомненно бессмертна и неуничтожима, и наши души действительно будут существовать в Аиде».

«Поэтому, Сократ, — сказал он, — мне нечего больше возразить на это, и у меня нет причин сомневаться в твоих доводах. Но если Симмий или кто-нибудь другой хочет что-то сказать, ему лучше не молчать; ибо я не знаю, на какой другой случай, кроме нынешнего, может отложить это тот, кто желает говорить или слушать об этих вещах».

«Но и у меня, право, нет причин сомневаться в сказанном, — ответил Симмий, — однако ввиду величия обсуждаемого предмета и моего невысокого мнения о человеческой слабости я всё же вынужден сохранять в себе некоторое сомнение относительно того, что было здесь сказано».

«Не только так, Симмий, — сказал Сократ, — ты говоришь верно; более того, первые предположения, даже если они кажутся тебе убедительными, всё равно следует рассмотреть более тщательно; и если ты исследуешь их достаточно, я думаю, ты последуешь за моими рассуждениями настолько, насколько это возможно для человека; а если этот самый вопрос станет ясным, ты не будешь искать дальше».

«Ты говоришь правду», — сказал он.

«Но, друзья мои, — сказал он, — нам справедливо задуматься вот о чём: если душа бессмертна, она нуждается в нашей заботе не только в нынешнее время, которое мы называем жизнью, но и во все времена; и опасность теперь представляется ужасной, если кто-либо пренебрежёт ею. Ибо если бы смерть была избавлением от всего, это было бы великой выгодой для злых: умирая, они одновременно освобождались бы и от тела, и вместе с душой от своих пороков; но теперь, поскольку душа, по-видимому, бессмертна, у неё нет иного прибежища от зла и иного спасения, кроме как стать как можно лучше и мудрее. Ибо душа приходит в Аид, не имея с собой ничего, кроме своего воспитания и образования, которые, как

говорят, приносят умершему величайшую пользу или величайший вред с самого начала его пути туда. Ведь говорят, что демон каждого человека, назначенный ему при жизни, после его смерти ведёт его в некое место, где собравшиеся должны выслушать приговор, а затем отправиться в Аид с тем проводником, которому велено вести их отсюда туда. Там же, получив по заслугам и пробыв назначенное время, их приводит обратно другой проводник, после многих и долгих кругов времени. Итак, путь не таков, каким его описывает «Телеф» Эсхила: он говорит, что в Аид ведёт простая тропа; мне же кажется, что она ни проста, ни одна, ибо тогда не понадобились бы проводники, и никто никогда не сбился бы с пути, будь он один. Но теперь, по-видимому, в нём много развилок и поворотов; и об этом я заключаю по нашим священным и погребальным обрядам.[1] Благоустроенная и мудрая душа следует за проводником и не остаётся в неведении о своём нынешнем положении; но та, что по страсти льнёт к телу, как я говорил прежде, долго и тоскливо порхая вокруг него и вокруг своего видимого места,[2] после яростного сопротивления и великих страданий насильно и с большим трудом уводится назначенным ей демоном. И когда она приходит

туда, где находятся остальные, нечистая и совершившая нечто подобное — например, несправедливые убийства или иные сходные с ними поступки, свойственные родственным ей душам, — все избегают её и отворачиваются от неё, и никто не хочет быть ни её спутником, ни проводником; она блуждает, удручённая всяческой беспомощностью, пока не истекут определённые сроки; а когда они завершатся, её по необходимости уносит в подобающую ей обитель. Но душа, прошедшая жизнь в чистоте и умеренности, обретя богов себе в спутники и проводники, поселяется каждая в подходящем ей месте».

Приведённые выше отрывки взяты дословно из буквального перевода «Федона» Платона, выполненного Генри Кэри, магистром искусств Вустер-колледжа, Оксфорд, Англия, и вошедшего в очень удобное издание древних шедевров под названием «Карманные буквальные переводы классиков», выпущенное издателем Дэвидом Маккеем в Филадельфии.

Примечание 1 Трудно выразить различие между ὅσια и νόμιμα. Первое слово, по-видимому, относится к душам умерших, второе — к их телам.

Примечание 2 Место его погребения.

ГЛАВА IX

ИНДУИСТСКИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ДУШЕ И ЕЁ БЕССМЕРТИИ

Хотя в последние годы Европа и Америка были наводнены восточными учителями, а переводы санскритской литературы усердно и широко распространялись, огромное разнообразие взглядов, бытующих в Восточной Азии по всем духовным вопросам, столь ошеломляет, что Индия и Цейлон, главные центры соответственно брахманизма и буддизма, по-прежнему остаются хранилищами несметного запаса знаний, которые на Западе ещё не усвоены и не поняты. Макс Мюллер назвал «Ригведу» древнейшей книгой мира, и всякий, кто пытается постичь восточную философию, ясно видит, что ведические учения лежат в основе едва ли не всех современных философских систем. Индия всегда была страной завораживающей тайны, и проникнуть в неё пытались лишь самые проницательные из англо-индийцев.

Британское владычество в Индии было в некотором смысле благом и, возможно, избавило страну от куда худшей участи; но средний британец — вплоть до самого недавнего времени, даже будучи вполне, а порой и высоко образованным, — относился к религии всех «языческих» народов с таким презрением, что видел в Индии лишь поле для миссионерской деятельности, а не школу, где все народы могут с пользой изучать основы религии и философии.

«Священные книги Востока» ныне вполне доступны читающей публике всего мира, и с тех пор как Макс

Мюллер по приглашению декана Стэнли читал лекции в Вестминстерском аббатстве в 1870 году, глупое предубеждение, прежде существовавшее против восточных учений и религиозных практик, в известной мере ослабло даже среди самых консервативных христиан. Гораздо позднее труды Теософского общества, а в особенности лекции и сочинения Анни Безант, которая всегда собирает многочисленную и внимательную аудиторию, помогли рассеять значительную часть мрака и искажений, что прежде нависали, словно

погребальный покров, над духовными и интеллектуальными сокровищами могучего Востока.

Брахманизм и буддизм — два великих облика и воплощения восточной религии и философии, которым, естественно, уделяется наибольшее внимание публики. В своей основе они не враждебны друг другу; ибо, как ясно доказал сэр Эдвин Арнольд в своей великолепной поэме «Свет Азии», Гаутама Будда был не ниспровергателем, стремившимся уничтожить брахманскую веру, а реформатором, единственной целью которого было её очищение. Кастовая система, которая кажется неотъемлемой частью брахманизма, вовсе не так предосудительна, как всё ещё воображают многие её хулители. По сути она вполне разумна, хотя и подвержена грубым извращениям; и лишь против извращений её, и только против них, решительно выступил герой «Великого отречения». Поскольку Абсолютное Бытие, Пара-Брахм, лежит за пределами любых относительных определений, а все народы требуют какого-нибудь конкретного представления о Божестве, мы находим в индийской теологии три выражения Бесконечной Жизни, называемые Брахма, Вишну и Шива; так же

как мы находим Осириса, Изиду и Гора в Египте, а Отца, Сына и Святого Духа — в христианском мире. «Три Лица и один Бог» — это, по-видимому, первая попытка религиозных вождей выразить в сколько-нибудь понятной форме идею единого Верховного Существа, проявляющегося трояким образом — как Творец, Хранитель и Преобразователь.

Древние символы Круга и Треугольника в равной мере присущи и Индии, и Египту; более того, мы встречаем их повсюду: первый призван обозначать Бесконечное-Вечное и абсолютное бессмертие самой жизни; второй — выражать проявленное Бытие в той мере, в какой оно постижимо для человеческих способностей.

Сэр Монье Уильямс, чья работа об индуизме была издана Британским обществом содействия христианскому знанию, вполне откровенно заявил, что первоначальное учение брахманизма — это учение об одном Бесконечном Вечном Духе. Всё, что кажется существующим отдельно от этого Духа, есть иллюзия. Это утверждение не следует понимать так, будто не может быть индивидуальных существований, отличных друг от друга; но, хотя они различны, они по сути неотделимы друг от друга и все происходят от Бесконечного Единого.

Нам стоит вспомнить слова Мейбл Коллинз из «Света на Пути», где она сообщает читателям, что «Уничтожь в себе ощущение обособленности» — это наставление, даваемое всем, кто стремится войти в заповедный круг восточной (эзотерической) мудрости.

Анни Безант в «Исследовании сознания» проливает много света на истинный смысл такого предписания и приводит множество выразительных примеров, поясняющих восточную идею единства, выраженного во множественности. Читатели Сведенборга хорошо знакомы с этим различием между «обособленностью» и «различимостью», на котором подробно останавливается просветлённый провидец и мудрец из Швеции. «Бог есть Первое (первоисточник) каждого человека» — одно из важнейших утверждений Сведенборга; и не следует забывать, что он говорит нам: за много тысяч лет до его времени на земле были те, кто знал и хранил священные истины, которые ему было поручено вновь возвестить человечеству в Европе в XVIII веке. В Великой Тартарии, по его словам, часть «Древнего Слова» остаётся сокрытой, и он сообщает нам, что по мере того как мир становится всё более

просвещённым и новое откровение истины продвигается вперёд, давно скрытые тайны будут раскрыты ради назидания всего человечества.

И брахманы, и буддисты представляют себе вселенную в гигантских масштабах, причём величественны не только их представления о пространстве, но и о времени. Гора Меру поднимается на высоту двух миллионов миль от центра земли. На её вершине находится обитель Брахмы, занимающая пространство в четырнадцать тысяч лиг и окружённая роскошными жилищами небесных правителей. Между Меру и крайней окружностью земли лежат семь концентрических кругов скал; между ними — материки и моря. Мы без труда могли бы продолжить и нарисовать дивную картину великолепия и ужасов, заключённых в этом обширном пространстве, если бы наша цель состояла в том, чтобы дать читателям подробный отчёт о том, как восточное воображение изобразило свои представления об этой вселенной (одной из бесчисленного множества вселенных), в которой мы ныне пребываем, — и сквозь всё это проходит нравственная цель. Но у нас нет места для столь огромного богатства подробностей, и мы не берёмся расшифровывать столько наглядных

иероглифов или указывать особый урок, который призвано преподать каждое возвышенное романтическое предание. Достаточно сказать, что космология и космогония Индии настолько сложны и удивительны и вместе с тем так хорошо согласуются с новейшими открытиями западных астрономов, что, будучи освобождены от живописных образов и переложены на трезвую прозу английской речи, они вполне могли бы подтвердить притязание на высшую мудрость, которое выдвигают в отношении первых авторов Вед те, кто твёрдо верит, что священная литература Индии и её необычайно древние предания воплощают систему науки и философии, не имеющую себе равных на земле.

И брахманы, и буддисты, разделяя веру в безграничный космос, утверждают, что боги, люди, демоны и все формы животной жизни, населяющие бесчисленное множество миров, составляют одну семью. Совокупность одушевлённых существ, от славного Индры до ничтожнейшего насекомого, образует единый огромный братский род. Мы читаем в «Вишну-пуране»: «Вселенная, всё это яйцо Брахмы, повсюду кишит живыми созданиями, и все они — пленники цепи деяний». «Старшие братья

Расы» — подобающее имя, которое современные исследователи азиатской философии нередко дают Учителям и даже Дэвам (сияющим); и эта философия, когда будет освобождена от оков отталкивающих суеверий, которыми она и поныне глубоко окутана, окажется содержащей учение о Космическом Сознании, удовлетворяющее и разум, и сердце.

Спорный вопрос о переселении душ из тела в тело вплоть до достижения Нирваны следует рассматривать в двух совершенно различных аспектах. С народным легковерием мы все в той или иной мере знакомы, и мы вполне можем поверить рассказу Е. П. Блаватской в её книге путевых заметок «Из пещер и дебрей Индостана», где она описывает невежественную семью, оплакивающую воплощение души одного из своих членов в теле летучей мыши-вампира. Как бы дики, глупы и отвратительны ни были такие суеверия — а никто не трудится над их искоренением усерднее, чем разумные теософы, особо изучающие восточную философию, — даже такая участь для человеческой души поистине кротка и милосердна по сравнению с верой в бесконечные муки: ведь летучая мышь умрёт через несколько лет, если её не убьют раньше

времени, и тогда временно заточённая человеческая душа освободится и получит ещё одну возможность продолжить путь вперёд. Однако подобные верования составляют достояние одних невежд и не входят в веру учёных людей Индостана. Это самым решительным образом утверждает Е. П. Блаватская, и полковник Олкотт, президент Теософского общества, штаб-квартира которого находится в Адьяре, многократно подтверждал это заявление. Джеймс Фримен Кларк в своём блестящем труде «Десять великих религий» высказал мысль, что верное толкование переселения душ — эволюция. «Обратным шифром» научное знание Восточной Азии нередко записывалось так, что, когда мы обращаем порядок буквального утверждения, мы должны ожидать не заточения в телах низших созданий, а смотреть назад сквозь века и прослеживать, как приливная волна жизни поднимается всё выше и выше через царства минеральное, растительное и животное вплоть до человека; затем, от ступени к ступени человеческого развития, пока наконец восходящая духовная сущность не облачится в одежды небесной славы и не явит себя как ярко сияющий Дэва,

настолько превосходящий высшую известную нам на земле ступень человека, насколько эта ступень выше низшего типа дикаря.

Древняя философия Индии действительно запутанна, но её сложности практически неизбежны, ведь она стремится не к меньшему, чем определение всеобщего Космоса. Мы советуем нашим читателям, желающим глубже проникнуть в тайны восточной философии, прочесть «Древнюю мудрость» и «Исследование сознания» — две замечательные книги Анни Безант. Сочинения миссис Безант весьма глубоки и вместе с тем достаточно популярны по стилю, чтобы рекомендовать их вниманию всех серьёзно настроенных людей, особенно тех, кто хочет узнать, как учёная англичанка, многие годы публично выступавшая сторонницей материализма, нашла в индийской мудрости удовлетворительный ответ на все свои сомнения и придирки. Мы не удивляемся, что многие путешественники по Востоку, в том числе и весьма умные, полагали, будто и брахманы, и буддисты ожидают в конце концов уничтожения всякого индивидуализированного существования; но такого взгляда не придерживаются те, кто глубоко проник в восточное учение. Одного

санскритского термина, Пара-Нирвана, достаточно, чтобы доказать, что Нирвана не может означать угасания индивидуальной жизни, иначе не могло бы быть состояния за её пределами; а «пара» означает высшее состояние. Когда в христианском Писании мы читаем о состоянии блаженного бытия в Раю, которого «не видел глаз, не слышало ухо и не приходило на сердце человеку», перед нами поистине восточное понятие, и притом вполне разумное; ведь нет ничего нелепее, чем полагать, будто те сферы бытия, что непосредственно окружают землю и в то же время проникают её, и служат ныне обителями великого множества развоплощённых человеческих существ, составляющих незримое население этого шара, суть окончательные пристанища человечества, или что они представляют или могут проявить нечто высшее и большее, чем следующее состояние — ближайшее звено в могучей цепи поступательного индивидуального существования, которое следует непосредственно за расставанием с физическим телом.

Хотя идея реинкарнации пронизывает всю индуистскую литературу, нельзя не заметить, что все индуистские философы говорили о славном

состоянии, когда душа более не будет прикована к «колесу перемен». Рождения, смерти и новые рождения необходимы до тех пор, пока не усвоены все уроки, которые могут преподать воплощения, пока душа не очистится настолько от плотских желаний и корыстных устремлений, что её более не влечёт к земле.

Но даже когда душа выполнила отведённые ей задачи, назначенные теми благожелательными «Огнями Космоса» и «Владыками кармы», которые надзирают за всеми извилистыми путями земных существований человека, она может, если пожелает, добровольно воплотиться с миссией доброй воли к человечеству, добровольно отказавшись от блаженства, на которое имеет право, и вновь погрузившись в водоворот земной пучины, чтобы учить, исцелять и благословлять тех, кто ещё борется на нижних ступенях лестницы совершенствования. Таков мотив, приводящий на землю Мессию или Аватару. Христос, «умаливший Себя от славы Своей» и сошедший на землю, чтобы спасти человечество, — мысль весьма привычная для всех, кто усердно изучает глубокие философии Азии. Христиане, особенно если они разумные универсалисты, могут принести в Индии много

добра и помочь вывести местное население из унылой апатии, в которую погрузились миллионы, и из суеверий, которые вырожденная форма религии терпела, если не прямо поощряла; но миссионеры с Запада никогда не должны забывать, что они служат среди народа, предания которого полны благороднейших нравственных предписаний, нуждающихся лишь в возрождении и новом изложении, а не в замене жаргоном чуждого вероучения.

Читая значительную часть доступной литературы, которая пытается объяснить индуистскую философию и цитирует Веды, Пураны и другие почтенные тома, мы вспоминаем прекрасные картины, написанные поистине великими мастерами (какие нередко встречаются в Италии), но почерневшие от свечной копоти, увешанные паутиной, покрытые пылью и грязью и нуждающиеся лишь в реставрации, в очистке, которая удалила бы накопившийся сор и вернула им первозданное великолепие, каким они предстали, когда великие художники закончили свой изысканный труд. Медленно, но верно Запад начинает понимать Восток, и с неизбежным падением жреческих притязаний и церковных

заблуждений в христианском мире на видное место выйдут пересмотренные философии, которые действительно истолковывают вселенную и духовно, и разумно, и займут места, ныне освобождаемые упадком догматов, из которых разум Европы и Америки, несомненно, вырос. Нам не нужно пытаться ручаться за цифры, все из которых могут иметь символический и тайный смысл, но даже когда нам говорят, что четыре миллиарда триста двадцать миллионов лет составляют день Брахмы, в течение которого существует проявленная вселенная, и что за ним следует Ночь Брахмы, в течение которой она спит, мы можем лишь воскликнуть, что столь грандиозные периоды гораздо больше согласуются с открытиями современных астрономов, чем нелепо малые числа, простирающиеся всего на несколько тысяч лет, которые, как верили наши предки, верно определяют длительность солнечной системы, ибо они понимали каждое слово Книги Бытия буквально и совершенно не знали образного стиля, в котором написаны все восточные книги.

Индуистская философия сосредоточена на идее *кармы,* которая есть неумолимая справедливость, не оставляющая места такому помилованию,

прощению или заместительному искуплению, какие ортодоксальный христианский мир с удовольствием рисует себе; но сколь бы суровым и неумолимым ни казался закон кармы, сэр Эдвин Арнолд верно описал его в тех памятных словах — «сердце его есть любовь», которые никогда не должен забывать никто из стремящихся проникнуть в его величественные тайны. Самые ортодоксальные из христиан любят прекрасный текст из первого Послания Иоанна — «Бог есть любовь», но такие слова звучат насмешкой в ушах убитых горем скорбящих, которые только что лишились дорогого друга, перешедшего в незримое состояние «необращённым» или «невозрождённым», ибо нечестивая вера в бесконечные муки не допускает даже надежды на то, что эти бедные души когда-нибудь будут избавлены от страданий. «Бог повелел иначе» — богохульное изречение многих заблудших и вводящих в заблуждение проповедников, оспаривающих то, что Теннисон выразил словами «большая надежда». Хотя столь ужасное учение встречается далеко не так часто, как прежде, его всё ещё проповедуют, особенно на собраниях пробуждения и на миссионерских службах, но никогда без стойкого дурного действия. Если бы все

христиане были универсалистами, мы могли бы с невозмутимым молчанием выслушивать их нападки на некоторые стороны восточной философии, и даже тогда мы мягко заметили бы, что Азии ещё есть чему поучиться; но самые свирепые нападки на родственные доктрины кармы и реинкарнации исходили от миссионеров такого рода, в чьи омрачённые умы свет универсализма никогда не проникал. Быть может, неприятно, пока длится страдание, платить по счетам за свои дурные поступки, но результат стоит всего, чего стоило его достичь; это однозначно утверждает и христианский Новый Завет, и индуистские Писания.

Многие спиритуалисты противятся мысли о повторном воплощении, тогда как другие пылко её провозглашают, но все учат о воздаянии и поступательном возвышении. Мы можем спорить о путях и средствах, но в одном мы все согласны: что посеешь, то и пожнёшь. Закон последовательности (карма) не допускает во Вселенной несправедливости. Всё безупречно согласовано во всей необычайно сложной системе миров, одним из

которых является эта земля. Это учение, общее для спиритуализма и теософии, и корни его глубоко уходят в древние восточные доктрины.

Поскольку наше внимание не раз обращали на необходимость иметь ясные русские эквиваленты санскритских терминов, которые ныне нередко свободно упоминаются среди изучающих духовную философию, и желая предложить нашим читателям как можно более ясный и краткий очерк индуистского учения, мы взяли следующие толкования из «Исследования сознания» Анни Безант (Теософское издательское общество) в надежде, что те немногие выдержки, которые мы позволили себе сделать из этого учёного труда, побудят многих наших читателей достать его и изучить самим. Хотя подзаголовок книги — «Вклад в науку психологии», она заметно отличается и тоном, и содержанием от трудов по психологии вообще, поскольку основана на индуизме, а затем разветвляется на все те многочисленные области, которые стремятся изучать и материалисты, и теософские психологи. Миссис Безант говорит: «Мы узнали, что материя в солнечной системе существует в семи великих видоизменениях, или планах. На трёх из них — физическом,

эмоциональном (астральном) и ментальном, часто именуемых тремя мирами, — известная Трилоки, или Трибхуванам, индуистской космогонии, — совершается нормальная эволюция человечества. На следующих двух планах, духовных — планах мудрости и силы, буддическом и атмическом, — идёт особая эволюция Посвящённого после первого из Великих Посвящений. Эти пять планов образуют поле эволюции сознания, пока человеческое не сольётся с божественным. Два плана за пределами этих пяти представляют сферу божественной деятельности, объемлющую и обволакивающую всё, из которой изливаются все божественные энергии, единящие и поддерживающие всю систему. Сейчас они совершенно за пределами нашего знания, и те немногие намёки, которые были даны о них, вероятно, передают столько сведений, сколько способна вместить наша ограниченная способность. Нас учат, что это планы Божественного Сознания, где проявляется Логос, или божественная троица Логосов, и откуда Он сияет как Творец, Хранитель, Разрушитель; развивая вселенную, поддерживая её в течение срока её жизни, вбирая её обратно в Себя по окончании. Нам были даны названия этих двух планов: низший — Анупадака, тот, где ещё не образовано никакого vehicle-носителя; высший —

Ади; первый — основание вселенной, её опора, источник её жизни. Таким образом, у нас есть семь планов вселенной, солнечной системы, которые, как мы видим из этого краткого описания, можно рассматривать как составляющие три группы: 1. Поле одного лишь проявления Логоса. 2. Поле сверхнормальной человеческой эволюции, эволюции Посвящённого. 3. Поле эволюции элементалей, минералов, растений, животных и нормального человека. Мы можем свести эти факты в таблицу так:

1. Ади

I. Поле одного лишь проявления Логоса.

2. Анупадака

3. Атмический

II. Поле сверхнормальной человеческой эволюции.

4. Буддический

5. Ментальный

III. Поле эволюции элементалей, минералов,

6. Эмоциональный

растений, животных и нормального человека.

7. Физический

Как мы обязаны миссис Безант этим кратким изложением индуистского учения о системе миров, в которой мы сейчас живём, так и она, в свою очередь, признаёт свой долг перед санскритской рукописью под названием *«Пранава-вада».* Перед нами очень древнее и поистине глубокое изложение семи состояний, или сфер, которые постоянно упоминаются в связи с духовным существованием. Семь — число системы, к которой принадлежит эта земля, и оно встречается во всей священной литературе и неизменно присутствует в утверждениях спиритуализма. В первой главе Книги Бытия труд Элохим совершается в шесть периодов деятельности, за которыми следует седьмой период возвышенного покоя. В Апокалипсисе есть семь духов Божиих, или божественных эманаций Невыразимого, семь печатей, которые необходимо сломать, прежде чем содержание таинственной книги может быть открыто, а также радуга вокруг престола — ещё один намёк на число семь. Зверь и Лжепророк никогда не могут достичь числа выше шести; поэтому шестьсот шестьдесят шесть, означающее

несовершенство выражения и неспособность достичь полноты в каком бы то ни было направлении, дано как число всего, что обречено со временем исчезнуть. Всякий, кто станет изучать христианские Писания рядом с санскритскими документами, найдёт между ними удивительное согласие, и вряд ли самонадеянно предположить, что более молодые скорее черпали из более древних, нежели древнейшие были списаны с поздних. Исследования индуистских документов обнаруживают корни каждого учения, которое выдавалось за оригинальное достижение христианства; и хотя извращения встречаются как в Индии, так и в Европе, и мы были бы поистине глупы, если бы рабски преклонялись перед всеми теориями, какие можно подобрать в Индии, всё же почтенные источники, из которых вышли брахманические и буддийские учения и установления, — это поистине колодцы живой воды, у которых и сегодня жаждущие путники могут освежиться, как освежались древние арии задолго до наступления того упадка, от которого столько веков страдает униженная Индия. Хотя противники индуистской философии постоянно утверждают, что её наставления главным образом ответственны за упадок Индии, мы решительно отвечаем: нет! —

хотя и признаём, что развращённое жречество немало способствовало раболепию и унынию значительной части многолюдного населения Индии. Но и христианский мир не вправе похвастаться свободой от той же болезни, ибо прекрасные учения Нового Завета были так же искажены и извращены, и нигде люди не пребывали в большем невежестве, чем в иные времена в христианских странах, даже когда господствующая церковь имела власть изменить условия по своему слову.

Пророки и жрецы всегда были в разладе. Именно Будда, просветлённый пророк, произвёл переворот в религии Индии своего времени, в период с 500 по 600 год до н. э. Он выступал не против Вед, а лишь против превратных обычаев и искажения древней веры.

Кастовую систему Индии можно легко оправдать, и так же легко осудить, ибо до сих пор существуют два диаметрально противоположных взгляда на касту. Говорят, что все четыре великие касты происходят от Брахмы. Высшая, или правящая, каста происходит от головы Брахмы; две промежуточные касты — от тела Брахмы; низшая каста — от ног Брахмы. На первый взгляд кажется, что такая

классификация неизбежно ведёт к возвышению одних и унижению других, но более глубокое изучение этого утверждения рассеивает эту иллюзию, потому что нам тотчас напоминают: божественное тело одинаково хорошо во всех своих частях, а потому происходить от божественных ног значит быть по своей сути столь же святым, как если бы человек вышел из божественной головы. Четыре великие касты предназначены для разных видов работы в мире и соответственно подготовлены; а поскольку всякий полезный труд почётен, никто не может быть унижен и никого не следует презирать за то, что он выполняет какую-либо его часть.

Далее, если рассмотреть учение о перевоплощении, можно справедливо утверждать, что те, кто сейчас принадлежит к высшей касте, поднялись через череду жизней с самых низов, а те, кто сейчас в низшей, призваны пробиться наверх, вплоть до высшей. Такое учение согласуется с утверждением о всеобщем братстве и не имеет ничего общего с кальвинистскими заблуждениями об избранности, которые сделали учение Павла отвратительным грубейшим искажением его смысла. Мы много слышим о приниженном положении женщин в Индии, и нам говорят, что

индуистские Писания санкционируют унижение женщины. И здесь мы протестуем: лишь выродившиеся представления и обычаи затмили первоначальную веру и практику, ибо стоит только вспомнить, что одна и та же душа, как говорят, живёт на земле попеременно в мужских и женских телах, и нелепо предполагать, что мужчина или женщина могут быть выше другого. Сэр Монье Уильямс сказал нам, что у всех богов Индии есть жёны и что богини занимают в индуистской мифологии равное положение с богами. Это так, и то же самое верно для египетской, греческой и всех других мифологических систем, хотя, как в истории иудаизма и христианства, бывали времена, когда исключительно мужское жречество монополизировало все религиозные функции, и всякий раз это сопровождалось варварством и кровопролитием. Нет ни одного почтенного Писания, которое не давало бы обильных свидетельств того, что в дни изначальной чистоты мужчины и женщины считались равными по рангу и достоинству в глазах неба и земли; поэтому мы радуемся каждому усилию, предпринимаемому в Индии, как и в других странах, вернуть женщине её законное место равной мужчине, ни выше, ни ниже её брата. Если мы находим в Индии обычаи,

возмущающие наше чувство справедливости, будем протестовать против них, но не станем впадать в глупое расхожее заблуждение, смешивающее упадочные верования и обычаи с первоначальными возвышенными истинами философии веданты.

Примечателен тот факт, что Теософское общество, вскоре после своего основания в Нью-Йорке в 1875 году перенёсшее свою штаб-квартиру в Индию, в деле знакомства Запада с восточной философией полагалось более на женщину (Х. П. Блаватскую), чем на какого-либо мужчину, а ныне другая замечательная женщина (Анни Безант) раскрывает древние индуистские учения перед Западом. Мы прекрасно знаем, что есть индусы, которые негодуют по поводу деятельности женщины, рождённой в другой стране, собирающей учеников в древней Индии и раскрывающей им некоторые тайны их собственных самых чтимых книг, и выступают против неё; но ни в истории одного возрождения и ни одной реформы не обходилось без того, чтобы не нашлось какого-нибудь корыстного и ультраконсервативного элемента, который не воздвиг бы препятствий на пути реформатора. Нам не следует судить об индуистской философии в её первоначальной

чистоте по наслоениям, которые так долго её скрывали; и если вспомнить отношение среднего британца к коренному населению Индии, нечего удивляться, что в некоторых кругах возникает подозрение всякий раз, когда представитель завоевавшей и покорившей их расы выступает другом древней религии, которую христианские миссионеры тщетно пытались ниспровергнуть. Очищать от грязных наростов — благородное дело, и в нём могут объединиться просвещённые люди всех народов; но попытка заменить индуизм ортодоксальным христианством окажется невозможной, ибо философский ум индуса никогда нельзя склонить к его принятию. На Цейлоне, где Теософское общество давно основало в Коломбо отличную школу для буддийских девочек, между британцами и сингалами распространялось то же доброе чувство, которому во многом способствовал сэр Эдвин Арнольд: его «Свет Азии» был признан главными представителями южного буддизма правдивым изложением буддийской веры. Для западного ума эта известная и высоко ценимая поэма не вполне ясно показывает, во что же на самом деле верят буддисты относительно судьбы души; но по крайней мере ясно, что у них есть отчётливое представление о вечно восходящей

жизни, и хотя среди них встречаются агностики и пессимисты, их подлинная вера вполне созвучна унитарианскому утверждению о движении человечества вперёд и вверх вовеки. Предание гласит, что Гаутама достиг нирваны ещё при жизни на земле, а поскольку нирвана означает лишь победу над всяким своекорыстным влечением и личным желанием, отдельным от жизни других, нетрудно понять, как легко поверить, что истинный Учитель мог вступить в состояние безмятежного блаженства, будучи един со всей жизнью, и всё же сохранять индивидуальное самосознание в этой или в любой другой сфере духовной деятельности.

В следующей главе мы представляем взгляды одного из индуистских делегатов Всемирного парламента религий, изложенные в лекции, переданной нам её автором, добродушным свами Вивеканандой, который, вернувшись в родную Индию, вскоре мирно покинул земное состояние и вошёл в ряды тех незримых служителей, что верно бдят над продвижением воплощённого человечества и, чаще, чем кто-либо из нас думает, вдохновляют наши усилия достичь цели, к которой они вместе с нами всё ещё стремятся.

ГЛАВА X

ФИЛОСОФИЯ ВЕДАНТЫ

Нижеследующая лекция «Атман», прочитанная свами Вивеканандой, делегатом Парламента религий в Чикаго в 1893 году, была первоначально произнесена под эгидой Бруклинской этической ассоциации 2 февраля 1896 года и передана автору этой книги одарённым лектором, который с тех пор ушёл в жизнь духов. В 1899 году в Гринэйкре, очаровательном курорте на границе Нью-Гэмпшира и Мэна, которым руководила мисс Сара Фармер (истинная филантропка), нам выпала честь сидеть под деревьями и слушать следующее учение:

(1) *Дифференцированный: Личный Бог.*

(2) *Частично дифференцированный: Имманентный Бог.*

(3) *Недифференцированный: Безличный Бог.*

Многие из вас читали известную книгу Макса Мюллера «Три лекции о философии веданты», а некоторые, возможно, читали по-немецки книгу профессора Дейссена об этой же философии. В большей части того, что пишут и преподают на

Западе о религиозной мысли Индии, главным образом представлена одна школа индийской мысли — так называемый «адвайтизм», монистическая сторона индийской религии; и порой считают, что всё учение Вед заключено в этой единой философской системе. Между тем у индийской мысли было множество разных ступеней, и, пожалуй, эта недвойственная форма в меньшинстве по сравнению с остальными. С древнейших времён в Индии существовали различные направления мысли, и, поскольку там никогда не было сформулированной или признанной церкви или какого-либо круга людей, определяющего, какие учения должна исповедовать каждая школа, люди были совершенно свободны выбирать собственную форму, создавать собственную философию и основывать собственные секты. Поэтому мы видим, что с древнейших времён Индия была полна религиозных сект. Сейчас я не знаю, сколько сотен сект у нас в Индии, и каждый год возникает несколько новых. Похоже, религиозная деятельность этого народа попросту неисчерпаема.

Прежде всего, все эти секты можно разделить на два главных разряда: ортодоксальные и неортодоксальные. Те, кто верит в индуистские священные писания, Веды, как в вечные откровения истины, называются ортодоксальными, а те, кто опирается на иной авторитет и отвергает Веды, в Индии считаются инакомыслящими. Главные современные неортодоксальные индуистские секты — джайны и буддисты. За исключением них, ортодоксальные индуистские секты охватывают в настоящее время почти всё индуистское население Индии, и все они признают авторитет индуистских священных писаний, Вед. Одни из них заявляют, что Писание обладает куда более высоким авторитетом, чем разум; другие же говорят, что следует принимать лишь ту часть Писания, которая разумна, а остальное отвергать.

Они тоже образуют различные секты. Эти секты делились на три группы: санкхьев, найяиков и мимансаков. Из этих трёх групп две, санкхьи и найяики, хотя и существовали как философские школы, не сумели образовать секту. Единственная секта, которая ныне действительно охватывает всю Индию, — это секта поздних мимансаков, или ведантистов. Их философия называется

ведантизмом. Все различные философии основаны на Ведантах, индуистских священных писаниях, но монисты присвоили это название себе как особое, потому что хотели основать всю свою теологию и философию на Ведах и ни на чём другом; с течением времени они возобладали, и все различные секты Индии, существующие ныне, можно возвести к той или иной форме этих ведантистов. И всё же эти ведантисты не единодушны в своих воззрениях.

Теперь мы видим, что среди сект есть три основных различия. В одном они все согласны: все они верят в Бога. Все эти ведантисты также считают Веды явленным словом этого Бога — возможно, не совсем в том смысле, в каком в это верят христиане, мусульмане или буддисты, а в особом, своеобразном смысле. Их мысль в том, что Веды — выражение знания Бога, и, поскольку Бог вечен, Его знание вечно пребывает с Ним, а потому и Веды вечны. Есть и другая общая основа веры: вера в сотворение циклами; в то, что всё это творение проявляется и исчезает; оно изводится вовне и становится всё грубее и грубее, а по истечении неисчислимого срока всё становится тоньше, растворяется и затихает, и тогда наступает период покоя. Затем оно

снова начинает проявляться. Они признают одну материю, которую называют «акаша», нечто вроде нынешней научной теории эфира, и силу, которую называют «прана». О этой пране они говорят, что её колебанием порождена вся Вселенная. Когда цикл заканчивается, всё это проявление природы становится всё тоньше и тоньше и растворяется обратно в акашу, в тот эфир, который нельзя ни увидеть, ни ощутить, но из которого создано всё. Все силы, которые мы видим в природе, будь то тяготение, притяжение или отталкивание, мысль, чувство, нервное движение — все эти различные силы растворяются в пране, и колебание праны прекращается; в этом состоянии она остаётся до начала следующего цикла. Тогда прана начинает колебаться, и это колебание действует на акашу, и все эти формы выбрасываются вовне в строгой последовательности.

Первая секта, о которой я хочу вам рассказать, — та, которую мы в Индии называем «дуалистами». Дуалисты — это те, кто верит, что Бог, Творец Вселенной и её Правитель, вечно отделён от природы и вечно отделён от человеческой души. Души, согласно всем различным теориям, вечны. Бог вечен; природа вечна; вечны и все души.

Природа и души проявляются и изменяются, но Бог остаётся неизменным. По учению дуалистов, этот Бог личностен в том смысле, что обладает качествами, а не в том, что имеет тело. Ни одна секта не верит, что у Бога есть тело, а лишь что Он наделён человеческими свойствами: Он милосерден; Он справедлив; Он могуществен; Он всемогущ; к Нему можно приблизиться; Ему можно молиться; Его можно любить; Он любит в ответ, и так далее. Одним словом, Он — Человеческий Бог, лишь бесконечно превосходящий человека; в Нём нет ни одного из дурных качеств, которые свойственны людям. «Он — хранилище бесчисленных благих качеств»; таково их определение. Этот Бог творит эту Вселенную из природы. Он не может творить без материала, и природа — тот материал, из которого Он творит всю эту Вселенную. Некоторые из дуалистов — так называемые «атомисты», которые верят, что эта природа есть не что иное, как бесконечное множество атомов, и воля Бога, действуя на эти атомы, творит. Ведантисты отвергают атомную теорию; они говорят, что эта теория совершенно нелогична. Допустим, существуют атомы; согласно теории, атомы должны быть неделимы. Они подобны геометрическим точкам, не имеющим ни

частей, ни величины, но нечто без частей и величины, сколько бы раз его ни умножали, останется прежним. То, что не имеет частей, никогда не составит того, что части имеет; сколько ни складывай нули, из них не получится ни одного целого числа. Так что если у атомов нет ни частей, ни величины, то сотворение Вселенной из таких атомов попросту невозможно. Поэтому, согласно ведантистским дуалистам, существует эта природа, которую они называют нерасчленённой, или недифференцированной, и из неё Бог творит эту Вселенную. Подавляющее большинство индийцев — дуалисты. Человеческая природа обычно не способна представить ничего более высокого. Мы видим, что девяносто процентов населения нашей земли, исповедующего какую-либо религию, — дуалисты. Все религии Европы и Западной Азии дуалистичны; иначе и быть не может; они не способны мыслить ничего неконкретного. Человеку свойственно держаться того, что способен постичь его ум. То есть высшие духовные идеи он может представить лишь тогда, когда низводит их до своего уровня. Абстрактные мысли он способен усвоить, только сделав их конкретными. Это религия основной массы человечества во всём мире. Они верят в Бога, совершенно отдельного от

них, как бы в великого царя, высокого, могучего монарха. В то же время они делают Его чище земных монархов; наделяют Его всеми добрыми качествами и отнимают у Него дурные. Как будто добро когда-либо может существовать без зла; как будто можно иметь понятие о свете без понятия о тьме!

Для всех дуалистических теорий первая трудность состоит в следующем: как возможно, чтобы под властью справедливого и милосердного Бога, хранилища бесчисленных благих качеств, в этом мире было так много зла? Этот вопрос возник во всех дуалистических религиях, но индусы никогда не выдумывали сатану в ответ на него. Все эти секты единодушно возлагают вину на самого человека, и сделать это им было нетрудно. Почему? Потому что, как я только что сказал вам, они не верят, что души были созданы из ничего. Мы видим в этой жизни, что сами формируем и можем строить всё своё будущее; каждый из нас каждый день пытается сформировать завтрашний день. Сегодня мы определяем судьбу завтрашнего дня; завтра мы определим судьбу послезавтрашнего, и так далее. Вполне логично, что это рассуждение можно продолжить и в обратном направлении. Если

своими поступками мы творим свою судьбу в будущем, почему не применить то же правило к прошлому? Если в бесконечной цепи определённое число звеньев, чередуясь, вечно повторяется, то, объяснив одну из таких групп, мы можем объяснить всю цепь. Так и в этой бесконечной протяжённости времени: если мы можем отсечь одну часть, объяснить её и понять, то, коль скоро природа единообразна, то же объяснение должно подходить ко всей цепи времени. Если верно, что мы строим свою судьбу здесь, в этом коротком промежутке времени, если верно, что у всего должна быть причина, как мы это видим теперь, то должно быть верно и то, что мы теперешние — следствие всего прошлого; поэтому никто другой не нужен, чтобы определять судьбу человечества, кроме самого человека. Зло, которое есть в этом мире, порождено не кем иным, как нами самими. Мы сами причинили всё это зло; и подобно тому, как мы постоянно видим, что дурные поступки приводят к страданию, так мы можем видеть и то, что многое из существующих в мире страданий — следствие прошлой порочности человека. Следовательно, согласно этой теории, ответственен один лишь

человек; Бог не виноват; Он, вечно милосердный Отец, нисколько не виноват. «Что посеешь, то и пожнёшь».

Другое своеобразное учение гласит, что каждая душа в конце концов должна прийти к спасению. Никто не будет оставлен. Пройдя через разные превратности, через разные страдания и радости, в конце концов каждая из них выйдет. Выйдет откуда? Единственная общая идея всех индуистских сект в том, что все души должны выйти из этой Вселенной. Ни та вселенная, которую мы теперь видим и ощущаем, ни даже та, которую мы можем себе вообразить, не есть истинная, подлинная, потому что обе смешаны из добра и зла. По мнению дуалистов, за пределами этой Вселенной есть другая, где только счастье и только добро и, что им гораздо дороже, где уже не будет необходимости рождаться и перерождаться, жить и умирать. Там нет больше смерти; нет больше болезни. Это будет вечное счастье, где они пребудут в присутствии Бога во все времена и будут наслаждаться Богом вечно. Они верят, что все существа, от самого низшего червя до высших ангелов и богов, рано или поздно придут в тот мир, где не будет больше страдания. Но этот мир никогда не остановится; он

продолжается бесконечно, хотя и движется волнами, то поднимаясь, то падая. Хотя он движется циклами, ему нет конца. Число душ, которые должны быть спасены, которые должны быть приведены к совершенству, бесконечно. Одни пребывают в растениях; другие — в низших животных; третьи — в людях; четвёртые — в богах, но все они, даже высшие боги, несовершенны, находятся в оковах. Что это за оковы? Необходимость рождаться и необходимость умирать. Даже высшие боги умирают. А что такое эти боги? Под ними понимают определённые состояния, определённые должности.

Например, Индра, царь богов, означает определённую должность; какая-то очень высокая душа отправилась занять этот пост в нынешнем цикле, а после этого цикла она родится снова человеком и спустится вниз, и человек, очень добродетельный в этом цикле, отправится занять этот пост в следующем. Так обстоит дело со всеми этими богами: это определённые должности, которые поочерёдно занимали миллионы и миллионы душ, и все они, исполнив эту должность, спускались вниз и становились людьми. Те, кто совершает в этом мире добрые дела, помогает

другим, но с оглядкой на награду, надеясь попасть на небеса или заслужить хвалу ближних, после смерти непременно получат плоды, награду за эти добрые дела, и становятся этими богами. Но это не спасение; спасение никогда не придёт через надежду на награду. Чего бы человек ни желал, то Господь ему и даёт. Люди желают власти; желают престижа; желают наслаждений, доступных богам, и их желания исполняются, но никакое следствие дела не может быть вечным; сила любого дела по прошествии некоторого времени иссякнет; пусть это будут эоны, но потом оно закончится, и эти боги должны будут снова пасть и стать людьми, и им будет дан ещё один шанс на освобождение. Низшие животные будут подниматься и становиться людьми, быть может, богами, снова людьми или вернутся к животным, пока не придёт время, когда они избавятся от всего этого желания наслаждений, этой жажды жизни, этого цепляния за «я и моё». Это «я и моё», по учению индуистских сект, и есть самый корень всего зла в этом мире. Если спросить дуалиста, чьё же это дитя, если не моё, он ответит: «Божье»; если моё имущество не моё, — «Божье». Всё следует считать принадлежащим Богу.

Так вот, эти дуалистические секты в Индии — великие вегетарианцы, великие проповедники непричинения смерти животным. Но их представление об этом совершенно иное, чем у буддиста. Если спросить буддиста: «Почему вы проповедуете против убийства любого животного?» — он скажет: «Мы не вправе отнимать никакую жизнь», а если спросить дуалиста: «Почему вы не убиваете животных?» — он скажет: «Потому что они принадлежат Господу». Так что дуалист говорит, что это «я и моё» следует относить к Богу и только к Богу; Он единственное «я», и всё принадлежит Ему. Когда человек достигает такого состояния, что у него нет «я и моё», когда всё отдано Господу, когда он любит всех и готов отдать жизнь даже за малое животное, не желая никакой награды, тогда его сердце очищается, а когда сердце очищено, в это сердце приходит любовь к Богу, присущая каждой душе. Этот Бог — самый центр притяжения для каждой души, и дуалист говорит: «Если взять иглу и покрыть её глиной, эта игла не будет притягиваться магнитом, но как только глина смыта, игла притянется магнитом». Бог — магнит, а человеческая душа — игла, и его дурные дела — грязь и пыль, которые её покрывают. Как только душа очистится, она по естественному влечению

придёт к Богу и пребудет с Ним вечно, но навсегда останется отделённой от Бога. Каждая душа, если пожелает, может принять любую форму; сможет создать сто тел, если захочет, или вовсе не иметь тела, если так пожелает. Она будет почти всемогущей, за исключением того, что не сможет творить; это принадлежит одному лишь Богу. Никто, сколь бы совершенен он ни был, не может управлять делами этой Вселенной; это принадлежит Богу. Но все души, достигнув совершенства, становятся счастливыми навеки и живут вечно с Богом. Таково утверждение дуалистов.

Дуалисты проповедуют ещё одну идею. Они протестуют против обычая молиться Богу: «Господи, дай мне то и дай мне это». Они считают, что этого делать не следует. Если человеку необходимо просить какого-то материального дара, он должен просить об этом низших существ; просить о подобном одного из этих богов, или ангелов, или совершенное существо. Бога следует только любить. Молиться Богу: «Господи, дай мне то и дай мне это» — почти богохульство. Поэтому, по учению дуалистов, чего человек хочет, то он рано или

поздно получит, молясь одному из богов, но если он хочет спасения, он должен поклоняться Богу. Такова религия масс Индии.

Выше них стоят те, кого мы называем ограниченными недуалистами, и с них начинается подлинная философия веданты. Они утверждают, что следствие никогда не отличается от причины; следствие — лишь причина, воспроизведённая в другой форме. Если эта Вселенная — следствие, а Бог — причина, то она должна быть самим Богом, и ничем иным быть не может. Если какая-то природа существует отдельно от самого Бога, она тоже будет бесконечной; так же будут бесконечны время и пространство. Таким образом, умножатся миллионы бесконечных и независимых существований, что неразумно. Поэтому они исходят из утверждения, что Бог есть и действующая, и материальная причина этой Вселенной; что Он Сам — Творец и Он Сам — материал, из которого проецируется вся природа. Слово, которое на вашем языке значит «сотворение», на санскрите означает именно «проекция», потому что в Индии нет ни одной секты, которая верила бы в сотворение в том смысле, как его понимают на Западе, — как нечто, возникающее из ничего. Кажется, когда-то было

несколько таких, у кого была подобная идея, но их очень быстро заставили умолкнуть. В настоящее время я не знаю ни одной секты, которая в это верила бы. Под сотворением мы понимаем проекцию того, что уже существовало. Так вот, вся эта Вселенная, согласно этой секте, есть сам Бог. Он — материал этой Вселенной. Мы читаем в Ведах: «Как паук уранабха вытягивает нить из собственного тела и втягивает её обратно, так и вся эта Вселенная произошла от того Существа».

Если следствие — это воспроизведённая причина, то возникает вопрос: как получается, что эта материальная, тупая, неразумная вселенная произведена как проявление Бога, Который не материален, Который есть вечный разум? Как, если причина чиста и совершенна, следствие совсем иное? Что говорят на это эти ограниченные недуалисты? У них очень своеобразная теория. Они говорят, что эти три сущности — Бог, природа и душа — едины. Бог есть, так сказать, душа, а природа и души — тело Бога. Подобно тому как у меня есть тело и есть душа, так и вся эта Вселенная и моя душа также суть тело Бога, а Бог — душа моей души. Таким образом, Бог есть материальная причина Вселенной. Тело может изменяться — быть

молодым или старым, сильным или слабым, — но это нисколько не меняет душу. Она — то же вечное существование, проявляющееся через тело. Тела отпадают одно за другим, но душа не меняется. Точно так же вся эта Вселенная — тело Бога, и в этом смысле она есть Бог. Но перемена в этой Вселенной не затрагивает Бога. Из этого материала Он творит эту Вселенную, и в конце цикла Его тело становится тоньше, сжимается, а в начале другого цикла снова расширяется, и из него развиваются все эти различные миры.

И дуалисты, и ограниченные недуалисты признают, что душа по своей природе чиста, но собственными деяниями становится нечистой. Ограниченные недуалисты выражают это красивее дуалистов, говоря, что чистота и совершенство души сжимаются и вновь проявляются, и что мы сейчас пытаемся проявить разум, чистоту и силу, естественные для души. У душ множество качеств, но нет всемогущества и всеведения. Такова природа души. Она сжалась из-за дурных поступков прошлого: каждое злое деяние сжимает природу души, а каждое доброе расширяет её, и все эти души — части Бога. «Как из массы огня разлетаются миллионы искр одной и той же природы, из одних и

тех же элементов, но не тождественных, так и от этого бесконечного Существа, Бога, произошли эти души. У каждой та же природа, но она не та же самая». У каждой одна и та же цель. Бог ограниченных недуалистов — тоже Личностный Бог, хранилище бесчисленных блаженных качеств, только Он пронизывает всё во Вселенной. Он имманентен всему и пребывает везде, и когда Писания говорят, что Бог есть всё, они имеют в виду, что Бог всё пронизывает: не что Бог стал стеной, а что Бог находится в стене. Нет ни частицы, ни атома во Вселенной, где бы Его не было, как внутри, так и снаружи. Все души ограничены; они не вездесущи; каждая душа очень, очень ограничена, но они обретают расширение своих сил и становятся совершенными. Для этих душ больше нет рождения и смерти; они живут с Богом вечно.

Теперь мы подходим к адвайтисту, к последнему и, как мы полагаем, прекраснейшему цветку философии и религии, какой когда-либо произвела любая страна в любую эпоху, где человеческая мысль достигает высшего выражения и даже выходит за пределы тайны, которая кажется непроницаемой. Это недуалистическая веданта. Она слишком отвлечённа, слишком возвышенна,

чтобы быть религией масс. Даже в Индии, на её родине, где она безраздельно господствует последние три тысячи лет, она не способна проникнуть в массы. По ходу нашей беседы мы увидим, что понять адвайту трудно даже самым мыслящим мужчинам и женщинам в любой стране. Мы так ослабили себя, так принизили себя. Мы можем громко заявлять о своих притязаниях, но от природы стремимся опереться на кого-то другого. Мы подобны маленьким слабым растениям, которым всегда нужна опора. Сколько раз меня просили о «удобной религии»; очень немногие просят об истине. Ещё меньше тех, кто смеет познать истину, и меньше всего тех, кто смеет следовать истине в её практических следствиях. Это не их вина; всё дело в слабости мозга. Любая новая мысль, особенно возвышенная, создаёт смятение, словно желает проложить новое русло в веществе мозга, а это расшатывает организм и выбивает человека из равновесия. К тому же вокруг сотни видов окружения, огромная масса древних суеверий: суеверия отцов, суеверия сословия, суеверия города, суеверия страны, а сверх всего этого — вся огромная масса суеверий, врождённых человеку. И всё же в этом мире есть немногие

смелые души, которые осмеливаются постичь истину, осмеливаются принять её и осмеливаются следовать ей до самого конца.

Что провозглашает адвайтист? Он говорит: если есть Бог, то этот Бог должен быть и материальной, и действующей причиной Вселенной. Он не только Творец, но и сотворённое. Он Сам и есть эта Вселенная. Как это может быть? Бог, чистый, дух, стал этой Вселенной? Да, по видимости. То, что видят все невежественные люди, эта Вселенная, не существует. Вы, я и все эти вещи, которые мы видим, что они такое? Просто самогипноз; есть лишь Одно Существование, Бесконечное, вечно существующее Единое. В этом Существовании мы видим все эти разнообразные сны. Это Атман, превыше всего, Бесконечное, за пределами известного, за пределами познаваемого; в Нём и через Него мы видим эту Вселенную. Он — единственная реальность. Он — этот стол; Он — слушатели передо мной; Он — стена; Он — всё, за вычетом имени и формы. Возьмите форму стола, отнимите имя; то, что остаётся, — это Он. Ведантист не называет Его ни «Он», ни «Она»; это вымыслы, заблуждения человеческого мозга; в душе нет пола. Люди, находящиеся под властью иллюзии, ставшие

подобными животным, видят женщину или мужчину; живые боги не видят мужчин или женщин. Как могут те, кто за пределами всего, иметь какое-либо представление о поле? Каждый и всё есть Атман — Самость — бесполая, чистая, вечно блаженная. Различие создают имя и форма. Материальны именно имя, форма, тело, и они создают всё это различие. Если убрать эти два различия, имя и форму, вся Вселенная — Одно; нет двух, нет трёх, но везде Одно. Вы и я — одно. Нет ни природы, ни Бога, ни Вселенной, есть только то Одно Бесконечное Существование, из которого через имя и форму всё это произведено. Как познать Познающего? Его нельзя познать. Как вы можете увидеть собственную Самость? Вы можете лишь отразить себя. Так и вся эта Вселенная — отражение того Единого Вечного Бытия, Атмана, и в зависимости от того, падает ли отражение на хорошие или плохие отражатели, возникают хорошие или плохие образы. Так, в убийце отражатель плох, а не Самость. В святом отражатель чист. Самость — Атман — по своей природе чиста. Это одно и то же, что отражает себя от низшего червя до высших и совершеннейших существ, — единое Существование Вселенной. Вся эта Вселенная — Одно Единство, Одно Существование,

физически, умственно, нравственно и духовно. Мы смотрим на это Одно Существование в разных формах и создаём на нём все эти образы. Для существа, ограничившего себя состоянием человека, мир таков, каким он его видит. Для существа, находящегося на более высоком плане существования, он может стать подобным небесам. Во Вселенной одна Душа, не две. Она не приходит и не уходит. Она не перевоплощается, не умирает и не рождается. Как она может? Как умереть? Куда уйти? Все эти небеса, все эти земли и все эти места — тщетные порождения ума. Они не существуют; не существовали в прошлом и не будут существовать в будущем.

Я стою здесь, вездесущий, вечный. Куда мне идти? Где меня ещё нет? Я читаю эту книгу природы. Страницу за страницей я дочитываю и переворачиваю, и один сон жизни уходит. Переворачивается другая страница жизни; приходит другой сон жизни и уходит, катясь и катясь, и когда я заканчиваю свою игру, я отпускаю её, отхожу в сторону, отбрасываю книгу, и всё кончено. Что проповедует адвайтист? Он низвергает всех богов, которые когда-либо существовали или будут существовать во Вселенной, и возводит на этот

трон Самость человека, Атман, выше солнца и луны, выше небес, бесконечнее самой этой бесконечной Вселенной. Никакие книги, никакие Писания, никакая наука не могут вообразить славу этой Самости, являющейся как человек, — славнейшего Бога из всех, что были, единственного Бога, который когда-либо существовал, существует или будет существовать. Поэтому я должен поклоняться только своей Самости. «Я поклоняюсь своей Самости», — говорит адвайтист. Перед кем склоняться? Я приветствую свою Самость. К кому идти за помощью? Кто может помочь мне, Бесконечному Бытию Вселенной? Это сны глупцов, галлюцинации мозга; кто когда-либо помог кому-нибудь? Никто и никогда. Где бы вы ни увидели слабого человека, дуалиста, который плачет и взывает о помощи откуда-то с небес, это потому, что он не знает, что и небеса находятся в нём. Он просит помощи с небес, и помощь приходит. Мы видим, что она приходит; но она приходит изнутри, а он принимает её за пришедшую извне. Иногда больной лежит в постели и слышит стук в дверь. Он встаёт и открывает дверь. Никого. Он возвращается в постель и снова слышит стук. Он встаёт и открывает дверь. Никого. Наконец он обнаруживает, что это билось его собственное сердце, которое он принял за стук в

дверь. Так и весь этот тщетный поиск богов наверху, богов небес, богов вод, совершив круг, возвращается к той точке, откуда начался, — к человеческой душе, и человек обнаруживает, что Бог, которого он искал на каждом холме и в каждой долине, которого он искал в каждом маленьком ручье, в каждом храме, в маленьких церквях, в худших небесах, тот Бог, которого он даже воображал сидящим на небе и правящим миром, — это его собственная Самость. Я — Он, и Он — это я. Никто, кроме меня, не был Богом, а этого маленького «я» никогда не существовало.

Но как мог этот совершенный Бог находиться в таком заблуждении? Он никогда в нём не был. Как мог совершенный Бог видеть сон? Он никогда не видел снов. Истина никогда не грезит. Вот одно облако; приходит другое, отодвигает его в сторону и занимает его место. Приходит ещё одно и вытесняет это. Сам вопрос, откуда возникла эта иллюзия, нелеп. Иллюзия возникает только из иллюзии. Иллюзии не будет, как только увидена истина. Иллюзия всегда опирается на иллюзию; она никогда не опиралась на Бога, Истину, Атман. Вы никогда не находитесь в иллюзии; это иллюзия находится в вас, перед вами. «Как перед вечным

синим небом проходят облака разных оттенков и цветов, остаются недолго и вновь исчезают, оставляя его всё тем же синим, вечно стоящим, так и вы вечно чисты, вечно совершенны; вы истинные боги Вселенной; нет, даже не два — есть лишь Одно». Ошибочно говорить «ты и я»; говорите «я». Это я ем в миллионах уст; как же мне быть голодным? Это я тружусь в бесконечном множестве рук; как же мне быть бездеятельным? Это я проживаю жизнь всей Вселенной; где для меня смерть? Я за пределами всякой жизни, за пределами всякой смерти. Где искать свободы, если я свободен по своей природе? Кто может связать меня, Бога этой Вселенной? Зачем мне эти книги? Эти Писания мира — лишь маленькие карты, желающие обозначить мою славу, ибо я — единственное существование Вселенной. Так говорит адвайтист.

«Познай истину — и мгновенно будешь свободен». Вся тьма исчезнет. Когда человек увидит себя единым с бесконечным Бытием Вселенной, когда прекратится всякая отдельность, когда все мужчины, все женщины, все ангелы, все боги, все животные, все растения, вся Вселенная растворятся в этом единстве, тогда исчезнет всякий страх. Кого бояться? Могу ли я причинить боль себе? Могу ли я

убить себя? Могу ли я повредить себе? Боитесь ли вы самих себя? Тогда исчезнет и всякая скорбь. Что может причинить мне скорбь? Я — Единое Существование Вселенной. Тогда исчезнет всякая ревность; к кому ревновать? К самому себе? Тогда исчезнут все дурные чувства. К кому я буду питать это дурное чувство? К самому себе? Во Вселенной нет никого, кроме меня. И таков, говорит ведантист, путь к этому знанию. Уничтожьте это разделение, уничтожьте это суеверие, будто существует множество. «Тот, кто в этом мире многообразия видит Единое; кто в этой массе бесчувственного видит Единое Чувствующее Бытие; кто в этом мире теней улавливает ту Реальность, — тому принадлежит вечный покой, и никому другому, никому другому».

Таковы главные черты трёх ступеней, которые индийская религиозная мысль прошла в понимании Бога. Мы видели, что она началась с Личностного, внекосмического Бога. От внешнего она перешла к внутреннему космическому телу, к Богу, имманентному Вселенной, и закончила тем, что отождествила саму Душу с этим Богом и сделала из всех этих разнообразных проявлений во Вселенной одну цельную Душу. Это последнее слово

Вед. Оно начинается с дуализма, проходит через ограниченный монизм и заканчивается совершенным монизмом. Мы видели также, как немногие в этом мире могут дойти до последнего, осмеливаются в него верить, и ещё меньше тех, кто осмеливается действовать согласно ему. И всё же мы знаем, что именно в нём заключено объяснение всей этики, нравственности и всей духовности Вселенной. Почему все говорят: «Твори добро всем другим»? В чём объяснение? Почему все великие люди проповедовали братство человечества, а ещё более великие — братство всего живого? Почему так? Потому что, сознавали они это или нет, за всем этим, сквозь все их неразумные и личные суеверия, проглядывал вечный свет Самости, отрицающий всякое многообразие, отрицающий, что во Вселенной есть два существования, и утверждающий, что вся Вселенная есть лишь Одно.

И снова, последнее слово дало нам одну Вселенную, которую мы через чувства видим как материю, через интеллект — как души, а через дух — как Бога. Для человека, навлекающего на себя зло, которое мир называет злодейством и злом, эта самая Вселенная изменится и станет безобразным местом; для другого человека, желающего

наслаждений, эта самая Вселенная изменит свой облик и станет небесами, а для совершенного человека всё это исчезнет и станет его собственной Самостью.

Пока общество существует таким, как сейчас, все эти три ступени необходимы; одна не отрицает другую; одна есть просто исполнение другой. Адвайтист, ограниченный адвайтист, не говорит, что дуализм неверен; это правильный взгляд, но низший. Он не ошибочен. Он находится на пути к истине; поэтому не причиняйте вреда никому; пусть каждый вырабатывает своё собственное видение этой Вселенной согласно своим идеям. Не причиняйте вреда, не наносите ущерба, не отрицайте позиции никого; берите человека там, где он стоит, и, если можете, протяните ему руку помощи и поставьте его на более высокую ступень, но не вредите и не разрушайте. В конце концов все придут к истине, «когда будут побеждены все желания сердца, тогда этот самый смертный станет бессмертным»; тогда сам человек станет Богом.

Комментарии излишни. Свами говорил за Индию, как и за самого себя. Это непосредственное высказывание коренного индуса, верно изложившего основы своей веры. В дополнение к

этому изложению восточной философии мы предлагаем несколько прекрасных стихов западного поэта Ричарда Реалфа, которые производят на нас впечатление прекрасного связующего звена между лучшей мыслью Запада и лучшей мыслью Востока.

ДУХ И ЕГО ВЫРАЖЕНИЕ

Прекрасны цветы и дети, но тонкий намёк их ещё прекраснее;
Редок розовый всплеск зари, но тайна, что его хранит, ещё реже;
Сладок восторг песни, но напев, что ей предшествует, слаще;
И не было ещё поэмы, чей смысл не превзошёл бы её размер.

Нет маргаритки, что растёт, без тайны, что направляет рост;
Нет реки, что течёт, без величия, что владычествует над течением;
Нет Шекспира, что взлетел бы, без более сильного, что объял его,
И нет пророка, что предрекает, без более могучего провидца, что предрёк его.

За трепещущим холстом скрыт и угадывается художник;
В дышащую статую вложена душа скульптора;
Под испытанной радостью лежат бесконечные истоки чувства;
Венчает явленную славу слава, что венчает самое откровение.

Велики символы бытия, но то, что они символизируют, ещё больше;
Обширно созданное и увиденное, но обширнее внутренний созидатель;
За звуком таится тишина, за даром стоит самоотдача;
За рукой, что принимает, трепещут чуткие нервы приятия.

Пространство для духа — ничто, деяние превзойдено самим деланием;
Сердце ухаживающего горячо, но горячее сердце самого ухаживания;
И из бездн, где одни дрожат, и с высот, где другие сияют,
Двойные голоса и тени плывут к звёздам, и сущность жизни божественна.

ГЛАВА XI

СКАНДИНАВСКИЕ ВЕРОВАНИЯ О ДУХОВНОЙ ВСЕЛЕННОЙ

ХОТЯ древняя скандинавская мифология стала во многом знакома посетителям современной оперы — благодаря могучему гению Рихарда Вагнера, который свободно черпал из мифологических источников и наделил старинные героические сказания новой жизнью и силой, — лишь после того как Мари Корелли подарила нам свою увлекательную норвежскую повесть «Тельма», жители Англии и Америки поняли, что племя викингов, возможно, ещё не вымерло в суровой живописной Норвегии, где величественные фьорды и вся возвышенная красота природы служат подходящим фоном для тех великолепных, но трагических верований и обрядов, которых Олаф и его род по-прежнему держатся с несокрушимой стойкостью.

Изучая религию и философию Индии, мы вскоре неизбежно убеждаемся, что жаркий и нередко угнетающий климат полуострова и прилегающих островов во многом определил склонность его

жителей к самоуглублению. Температура там обычно высока, зной часто нестерпим, и при таких условиях внешнее существование нередко кажется скорее бременем, чем благом. В подобной обстановке выросла глубокая теософия, а вместе с нею и безразличие ко всему внешнему, которое, будучи доведено до крайности, породило отвращение к любому физическому усилию.

В Греции, одной из прекраснейших стран земли, благословенной чудесным климатом, возник эстетический культ, с одной стороны героический (как в Спарте), с другой — изнеженный. Любовь к жизни достигла высшей точки в Греции классической поры, а это вызывало неприязнь к самой мысли о прекращении физического существования.

Норвегия, Швеция и Дания, древняя родина скандинавской мифологии, во всех отношениях очень сильно отличаются от безмятежного Востока, от прекрасной Греции и от чудесных островов Средиземного моря; и поскольку, как любил повторять профессор Тиндаль, климат очень сильно влияет на религиозное чувство и на все формы его выражения, нас не удивляет, что Скандинавия стала обителью воинственной веры, которая, хоть и сурова

и бурна, как природа этой страны, во многих своих чертах отнюдь не лишена истинных героических качеств, которые с пользой можно было бы привить многим современным верованиям как столь необходимый им стержень.

Хотя в основе своей все религии и философии едины — ведь все они исходят из одной точки, а именно из человеческого стремления разобрать иероглифы и разгадать загадку вселенной, — многообразные попытки человечества справиться с этой геркулесовой и всегда незавершённой задачей породили бесчисленные умозрения, которые разделяют мир на секты и партии, и примирить их можно лишь на основе поистине синтетической философии.

Мы смотрим на многочисленные верования и учения мира скорее сочувственно, чем придирчиво-критически, и видим добро во всех, но всей истины — ни в одном; поэтому мы считаем неразумным и нечестивым пытаться убедить всю землю, будто одна форма религиозного учения и богослужения совершенно истинна, а все прочие культы опасны и ложны. Когда христианство стало утверждаться в северной Европе, оно свободно впитало скандинавские предания, которые и поныне в

заметной мере сохраняются, подобно тому как в южной Европе это же эклектичное христианство присвоило себе храмы язычества и дало имена святых прежним богам и богиням. Христианская церковь оказывалась чрезвычайно гибкой и приспособляемой, пока ею управляло уступчивое духовенство; но стоило нескольким людям сурового пророческого склада ненадолго взять бразды правления в свои руки, как никакая уклончивая или примирительная политика уже не допускалась. Приветливая сторона христианства мягка, как масло, и гладка, как елей, но его неумолимый, гонительский облик остёр, как сталь, и беспощаден, как пламя. Мы не можем понять столь сложную систему, как христианская, простирающуюся от простого теизма до отталкивающих форм идолопоклонства, не проследив её многочисленных истоков в тех разнообразных более ранних системах, из которых она свободно заимствовала и из которых выросли её гибридные черты.

Но сколько бы мы ни протестовали против непоследовательности, мы не можем закрывать глаза на то, что сама человеческая природа, как и окружающие нас стихии, крайне непоследовательна в своём поведении, и это

порождает веру во множество враждующих божеств, хотя все они, возможно, исходят изначально из одного невыразимо благого источника и в конце концов явят благость своего происхождения. Немало и тех, кто утверждает, что скандинавская мифология имеет атлантическое происхождение и что она близко напоминает мифологии Греции и Рима, восходящие к тому же источнику. Тем из наших читателей, кто желает углубиться в этот интересный вопрос, советуем прочесть «Атлантиду» Игнатиуса Доннелли, а также труд на ту же тему, представляющий глубокий археологический интерес, принадлежащий Скотту Эллиоту (Теософское издательское общество). В наши непосредственные цели не входит всматриваться в столь отдалённые и неизбежно смутные истоки; мы лишь хотим кратко очертить несколько главных черт древней скандинавской религии, оставившей немало следов в тех излюбленных местах северной Европы, которые служат прекрасными летними стоянками и дают возможность любоваться чудесным великолепием полуночного солнца. Доктор Элджер говорит: «Многие соображения вместе заставляют думать, что в ранний период произошло переселение из южной Азии в северную Европу, положившее начало тому, что впоследствии

выросло в великую готскую семью. Совпадение многих основных учений и символов скандинавской мифологии с хорошо известными персидскими и буддийскими представлениями — представлениями чисто фантастического и произвольного характера — слишком своеобразно, чтобы, по-видимому, допускать какое-либо иное объяснение.

«Но зародыши мысли и воображения, пересаженные таким образом из тёплых и пышных стран Востока на снежные горы Норвегии и воющие гряды Исландии, получили новое развитие, с многочисленными изменениями и странными добавлениями, под воздействием новой жизни, климата, пейзажей и обычаев, с которыми им пришлось столкнуться. Соблазн хищнических привычек и распрей, необходимость напряжённой, хотя и порывистой деятельности, вытекавшая из их географического положения, мощный дух, взращённый в них самой их жизнью, грозные явления арктического мира вокруг — все эти влияния проступают перед нами в поэзии и отражаются своими результатами в религии северян». Следуя этой меткой цитате, не можем ли мы добавить и то, что, поскольку мир духов, с

которым мы связаны теснее всего, есть временное пристанище тех нашего же рода и племени, кто недавно сложил свои смертные одежды, мы и в самом деле получаем впечатления от этой окружающей психической зоны, которая ещё дальше выстраивает систему веры и обычаев, созвучную нынешнему состоянию нас самих и наших незримых сотрудников? Одно это соображение, оценённое по достоинству, почти бы достаточно, чтобы ответить на бесчисленные вопросы, постоянно задаваемые о разнообразии взглядов, высказываемых общающимися разумами, у каждого из которых в каждой стране и для каждого народа есть своё особое послание, не вполне совпадающее с тем, что получают в других местах от обитателей мира духов. Снова и снова мы вынуждены настаивать, что сообщения могут быть вполне подлинными и всё же расходиться друг с другом, ибо сбросив материальное тело, освобождённый дух не меняет своего характера и не обретает больше знаний, чем позволяют его прежний рост и стремления.

Воинственный народ вступает в тесное общение с ушедшими воинами, с которыми его связывает близкое сродство, и подобно тому как японцы ныне

заявляют, что духи воинов помогают им на поле боя и что это нередко их прежние товарищи, так же заявляли и закалённые северяне в давние времена. Валгалла, чертог Одина, главы скандинавских божеств, изображается в Эддах как место суда, так и славы. Некоторые описания в высшей степени воинственны и грозны; копья и всевозможные орудия войны во множестве фигурируют в великолепной, хотя и варварской обители Одина. Доблестные души, бывшие на земле героями прославленных сражений, принимаются с великой честью при небесном дворе; это избранные Одина, и он велит валькириям, девам в белых одеждах с рассыпанными локонами, прислуживать им как виночерпиям. Каждое утро, с первым криком петуха, эти герои выходят на битву и нередко бывают тяжело ранены в отчаянных схватках, но каждый вечер их раны полностью заживают, и им подают роскошный пир. Такую жизнь, несомненно, свирепые северяне считали блаженной жизнью в раю, и как они любили сражаться на земле, так и представляли себе, что будут сражаться на небесах.

Именно из Швеции, страны, где столь яркие мифологические представления пустили прочные корни, вышел Сведенборг, чтобы дать изумлённым

народам Европы в оцепенелом восемнадцатом веке свои наглядные описания множества небес и множества адов, построенных на основе господствующей склонности. В Валгалле нет женщин, только самые доблестные из героических мужей; но это отнюдь не всё небо. Рядом с Залом павших стоит Вингольф, Зал дружбы, и там собираются толпы благородных женщин, ведь в скандинавской мифологии есть богини наравне с богами. А ещё есть более высокие и гораздо более прекрасные небеса, обитель редко называемого Вездесущего, истинного Всеотца, который в конце концов выйдет вперёд, когда этот проявленный мир перестанет существовать, и создаст новый, ещё более славный.

Что до условий допуска на какое-либо небо или изгнания в какой-либо ад, нам говорят, что путь к славе лежит только через воспитание всех героических добродетелей, тогда как дорога в адские состояния всегда ведёт через обман и ложь. Не без оснований этот закалённый народ связывал силу с добротой, а слабость — с пороком, и тем самым учил тому, что вполне согласуется с нашим обычным словом «добродетель», которое является лишь переводом латинского virtus, а оно,

несомненно, подразумевает и силу, и мужество. Погибшие с оружием в руках зовутся «избранными Одина»; всех, кто уходит с земли после жизни в «презренной праздности» или умирает от болезни, не ждёт сразу светлое будущее; такие души оказываются в Хель, мрачной пещере, где, кажется, нет почти никаких деятельных страданий, но нет и деятельной радости. Клятвопреступление, прелюбодеяние и убийство считаются ненавистными преступлениями, и за эти проступки в будущем состоянии назначаются суровые наказания. Строгая нравственность, хотя и согласная с варварским укладом, провозглашается в скандинавской мифологии.

Как и в зороастрийской вере, так и в скандинавской мы находим одну высшую ноту, торжествующую над всеми прочими, — окончательное уничтожение зла и вечное торжество добра. Предстоит всеобщая битва, и в конце «Сумерек богов» — так называется нынешнее разделённое творение, где свет и тьма непрестанно борются, — всякий разлад прекратится, и гармония воцарится навеки.

Причудливыми и своеобычными суевериями северян о ногтях на руках и ногах и прочих мелочах нам нет нужды особо заниматься; несомненно, в утверждении, что никто не должен умирать с непарными ногтями, заключён символический смысл, — вероятно, оно означает, что нельзя пренебрегать ни малейшим долгом, ибо вся жизнь приносит свой результат даже в мельчайших вещах.

Прекрасная история о «Бальдуре Добром» напоминает нам о многих других рассказах о самоотверженных героях, которые охотно умирают, чтобы другие могли наслаждаться более полной и славной жизнью. В «Античной библиотеке» Бона мы находим мастерское издание перевода Перси книги Малле «Северные древности», где учёный издатель Блэквелл с убедительной силой доказывает точку зрения, которой мы решительно придерживаемся: северяне ждали окончательного прославления всего человеческого рода, хотя добродетельные в «Гимле» и порочные в «Настронде» должны были бы переживать, соответственно, радости и скорби неопределённой длительности до славной эпохи ничем не омрачённого блаженства, ожидающей всё творение.

Никто не описал погребальные обычаи викингов лучше Мари Корелли, которая показывает нам отца Тельмы, выходящего в море на своём горящем корабле и торжествующе покидающего свою одежду плоти, как до него уходили его предки, пока судно пылает вокруг него, а когда он испускает дух, корабль, который он так любил, тотчас погружается в волны. Ни самоубийство, ни мысль о самоуничтожении не омрачает героического великолепия этой внушающей благоговение сцены. Старый воин ослабел и знает, что его земной конец настал. Лишь когда становится очевидно, что его последние мгновения быстро приближаются, он призывает своих неизменно верных слуг отнести его на корабль; затем, когда жизнь в его теле так слабо мерцает, что в любую секунду может угаснуть, он приказывает вывести корабль в море и поджечь его, и отважная душа покидает свою земную обитель прежде, чем пылающее судно успеет погрузиться в океан. Кремация, а не погребение всегда была выбором героических народов. Закапывать мёртвых в землю — значит осквернять землю и подвергать опасности здоровье живых, и это, кажется, поощряет и поддерживает материалистические и жуткие обычаи, питающие душевную болезненность и телесные недуги.

Крематории наших дней во всех цивилизованных странах, быстро вытесняющие места погребения и кладбища, не только в высшей степени гигиеничны и потому достойны всяческого одобрения, но и призваны во многом положить конец некромантическим обрядам и связанным с ними отвратительным верованиям, которые неизменно скапливаются вокруг места захоронения. Не всякому понравилось бы видеть, как любимый родитель выходит в море на огненном корабле, зная, что его тело опустилось в глубины океана, будь то погребённое или иначе; но столь романтическое завершение земного пути предназначалось только для морских воинов даже в старые скандинавские времена. Морские конунги были не единственными героями, и среди снегов Норвегии воины иного рода погребались со своим великолепным конём и всем боевым снаряжением. Томас Карлейль подытожил своё пламенное описание старых викингов такими величественными словами: «Достойно похоронить старого героя сразу и в небе, и в океане». Те, кто остался в живых, не сомневались, что эти люди доблести и славы вступают в славную жизнь за гранью и по-прежнему

интересуются земными делами, и эта вера сохранилась через все века и живёт ныне неугасимо в глубине сердца нашего человечества.

ГЛАВА XII

ЭТРУССКИЕ ВЗГЛЯДЫ НА БУДУЩУЮ ЖИЗНЬ

СРЕДИ древних народов, давно переставших числиться среди действующих наций земли, обитатели старой Этрурии оставили после себя самые обширные памятники своей духовной веры. Письменных летописей мы изучить не можем, поскольку их не нашли; но этрусские гробницы сохранились, и по ним можно собрать огромное количество любопытных и убедительных сведений. Памятники нередко намного древнее документов и часто гораздо надёжнее, так как не так подвержены переписыванию и вставкам — участи, постигшей значительную часть сравнительно древних рукописей, которыми мы теперь располагаем.

Этрусские гробницы высечены в живой скале утёсов и холмов, а потому долго бросали вызов разрушительной силе времени и непогоды; и хотя

им многие тысячелетия, они всё ещё сохранились настолько хорошо, что их без труда прочтёт любой посетитель, обладающий необходимой учёной подготовкой.

Этрусские места погребения неизменно находились за чертой города, а нередко за городскими стенами возникал целый другой город — город гробниц. Нередко обнаруживаются высеченные в камне гробницы массивной и внушительной постройки; но обычный «дом усопших» строился по образцу жилищ живых, хотя и в меньшем масштабе.

В эти места упокоения покинутых земных оболочек клали всевозможную одежду, украшения и орудия, и многое из этих принадлежностей намного пережило обращение в прах тела, которому они некогда считались служащими. Доктор Олджер, которого мы цитируем снова, говорит, что «важным элементом религии этрусков было учение о гениях — системе домашних божеств, бдивших над судьбой отдельных людей и семей и постоянно изображаемых на гравюрах в гробницах как направляющие или деятельно заинтересованные во всех событиях, происходящих с теми, кто находится под их опекой. Предполагалось, что каждому

человеку отведено два гения: один побуждает его к добрым делам, другой — к дурным, и оба сопровождают его после смерти на суд, чтобы дать свои показания и склонить чашу его судьбы. Это верование, исповедуемое искренне, очевидно, оказывало мощное влияние на их чувства в течение жизни».

Этрусские представления о божествах были сходны с египетскими и римскими, и мы вправе полагать, что последние во многом испытали влияние первых. В Этрурии почитали множество божеств, у каждого из которых было своё положение и своя должность, особая форма изображения и круг преданий. Богиню Судьбы изображали с крыльями, обозначавшими её стремительность, и с молотом и гвоздями, показывавшими, что её приговоры неизменно твёрдо установлены. Верховное божество Тиния похоже на римского Юпитера Громовержца с молнией в руке. Двенадцать «согласных богов» составляют совет Тинии и носят величественный титул «Сенаторы Небес». Эти грозные существа обитают в сокровеннейших глубинах Небес, и называть их имена не дозволено. Их не считали вечными, а лишь очень

долговечными, а над ними стояли ещё более таинственные и внушающие трепет «Сокрытые боги», правившие всем.

Они во многом напоминали непостижимую «Необходимость», составлявшую смутный фон древнегреческого богословия.

Этруски также предавались странным представлениям о Подземном мире, над которым, по их воображению, властвовали два таинственных существа — Мантус и Мания.

У этого странного древнего народа часто приносили в жертву животных, а порой и людей.

Мы легко понимаем многие упоминания об ужасных языческих обрядах многих народов, встречающиеся в Псалмах и в других местах Библии, когда узнаём от Макролия, что в Этрурии мальчиков приносили в жертву на ежегодном празднике в честь Мании, царицы Подземного мира. «Приносили сыновей своих и дочерей своих бесам» — так коротко расправлялись еврейские пророки и певцы с мерзкими оргиями, против которых провидцы Израиля вели постоянную и непримиримую войну. В более поздние дни и более мягкие времена эти ужасные умилостивительные

обряды были вытеснены невинными приношениями божествам цветов и овощей; маки и лук были особенно любимы в Этрурии для поздних жертвенных обрядов.

Вера в будущее существование несомненно оказывала господствующее влияние на этрусский ум, и, как у всех других народов, области за порогом смерти рисовались чрезвычайно разнообразными — от рая блаженства до тёмных и ужасных стран, где наказания отмерялись по тяжести вызвавших их проступков. Сцены у смертного одра очень живо изображены на этрусских гробницах: патриархи представлены окружёнными плачущими группами, которые едва переносят боль разлуки с такими мудрыми советниками; друзья скорбно машут на прощание своим плачущим близким; одни из уходящих показаны вполне смирившимися с уходом, другие же уходят робко, словно не желая покидать землю и страшась того, что может лежать за ней. В этом отношении переживания человечества, по-видимому, были примерно одинаково разнообразны у всех народов во все века — настолько, что кардинал Ньюман в «Сне Геронтия» приписывает умирающему человеку — хотя тот набожный католик, призывающий в

последний час святые имена Иисуса и Марии, — тот же ужас перед приближением распада телесного состава, какой испытывали языческие народы, на которых никогда не светил свет евангелия по христианскому учению.

Этому всемирному нежеланию покидать материальное тело возможны лишь два разумных объяснения. Первое — естественный страх перед переменой, которая никогда не бывает понята до конца. Второе — непреодолимая убеждённость в том, что душа в будущем мире получит по заслугам, каковы бы они ни были. А поскольку значительная доля жизней никоим образом не безупречна даже по оценке самих живущих, нельзя удивляться, что в торжественный миг перехода, прощаясь с привычной землёй, а часто и с близкими и дорогими друзьями, расставание с которыми всегда мучительно, душа несколько трепещет перед таинственностью неведомого, даже если области за гранью управляются той же безошибочной целью и направляются неизменным действием того же великого закона, который ведёт нас теперь и будет вести наш путь вечно.

Нет доказательств того, что этруски верили в переселение человеческих душ на небеса божеств, но они ясно изображали многое прекрасное и привлекательное, ожидающее праведных в грядущем мире. В области блаженства показано множество врат, окружённых эмблемами, обозначающими желанные идеи избавления от испытаний и наслаждения покоем. Тогда как виновная душа охвачена ужасом при приближении некоего призрачного образа, приходящего проводить её в место тьмы и скорби, героическая душа переносится сквозь «Восьмые врата» в чарующие области блаженных.

В этом кратком упоминании об этрусской вере, раскрывающейся через искусство, мы добавили ещё одно свидетельство к несчётному множеству свидетельств, повсюду накапливающихся и указывающих на всемирную и неискоренимую уверенность человечества в жизни за пределами физического перехода, а также в многообразных условиях, существующих в мире духов.

ГЛАВА XIII

ДУХОВНЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ В КИТАЕ И ЯПОНИИ

Хотя родиной буддизма первоначально была Индия, теперь искать его сотни миллионов приверженцев нужно в Тибете, Китае и Японии. Эта форма религии, хотя и очень чистая в своём истоке и поистине человеколюбивая в каждом своём первоначальном побуждении, как она исходила от великого духовного учителя, с чьей славной жизнью сэр Эдвин Арнольд познакомил весь англоязычный мир, недолго сохраняла первозданную простоту. Подобно многим другим верованиям, более древним и более молодым, она вскоре оказалась обременена суеверными учениями и обрядами, большинство которых были скорее возвратом к старым верованиям и обычаям, чем новоизобретёнными приобретениями.

Три главных разновидности буддизма, делящие его на северный, средний и южный, представляют значительное различие как во взглядах, так и в практике. Северный буддизм, по-видимому, более склонен принимать героический облик, чем

южный, и это легко объяснить, стоит лишь обратиться к географическому положению, ибо климат всегда в той или иной степени влияет на чувства и поведение народа.

Китай, загадочная «Небесная империя», и ещё более загадочный Тибет, замкнутая и грозная страна, о которой мы слышим много поразительного и отпугивающего, — две страны Азии, которые, кажется, особенно далеки от западных мыслей и привычек. Япония же — дружественная соседка Америки, и все англоязычные люди расположены относиться к японцам как к братьям, тогда как к «Джону Китайцу» они относятся с подозрением, особенно в Соединённых Штатах, хотя он очень заметен почти по всей Америке, главным образом как прачечник, а в Калифорнии ещё и как повар и домашний слуга на все руки. Китаец так не похож на европейца или американца, что мы всегда склонны подчёркивать слово «иностранец» и куда более неприятное слово «чужак», стоит нам увидеть его одежду, понаблюдать за его манерами и послушать его разговор, а более всего — когда мы смотрим на причудливые знаки, которыми записывается его язык. Наши японские соседи не имеют столь

необычной наружности, потому что они охотно перенимают западную одежду и манеры и вообще приспосабливаются, по-видимому без особого труда, к новому положению дел, с которым сразу сталкиваются, покинув своё Цветущее королевство ради далёких заморских земель.

Что у китайцев есть своя собственная религия, отчасти буддийская, отчасти конфуцианская, хотя конфуцианство — скорее этическая и философская, чем собственно религиозная система, — хорошо известно всем, кто завоёвывает их доверие или наблюдает за их делами. Пёстрые «джосс-хаусы», составляющие одну из популярных достопримечательностей «Чайна-тауна» в Сан-Франциско и повсюду, где есть китайская колония, представляют лишь самые грубые и поверхностные выражения религии Китая, точно так же как безвкусные картины и образа в мексиканских церквах показывают лишь самые поверхностные и непривлекательные стороны римского католицизма. Восточному уму близки тонкие метафизические отвлечённости, даже если поверхность восточной жизни нередко крайне безвкусна и убога. Образованные китайцы, которых нередко можно встретить в Вашингтоне и других

американских городах, часто бывают конфуцианцами, а очень часто — рассудительными философами, совершенно свободными от суеверных верований и обычаев невежественных людей среди их соотечественников. Вонг Чин Фу и несколько других высокоинтеллектуальных и культурных китайцев, писавших по-английски для многих периодических изданий с мировым тиражом и известностью, изложили нам учения от имени Конфуция, которые при проверке оказались вполне столь же благородными нравственно и столь же просвещёнными духовно, как любые, исходившие из каких-либо иных источников. Но поскольку конфуцианство не говорит вполне определённо ни о какой будущей жизни, ни об общении с миром духов, нелегко точно выяснить взгляды образованных конфуцианцев на эти важные темы; тем не менее мы можем с уверенностью заключить, что подавляющее большинство монгольской расы не только почитает предков, но и твёрдо верит в их постоянное присутствие как направляющих, защищающих и вдохновляющих сил. Во время войны между Россией и Японией, закончившейся с концом лета 1905 года, от японских должностных лиц постоянно приходили известия, всё более подтверждавшие, что отважных японцев в их

героической борьбе в великой мере поддерживала непоколебимая духовная вера, причём под верой мы разумеем не просто традиционное верование, а уверенную несомненность того, что друзья-духи поддерживают их в часы сражения и подают несомненные знаки одобрения, когда совершён героический подвиг. Война — не высшее занятие человека, и все мы можем искренне надеяться, как и благочестиво трудиться и молиться, чтобы скоро настало счастливое время, когда война будет неизвестна; всё же мы не можем оспаривать того факта, что духи-помощники нередко присутствуют на полях сражений, где когда-то сами сражались, и, пока они не переросли своей веры в оправданность и даже необходимость борьбы для разрешения споров и для отражения вторжений тирании и утраты национальной целостности, они, несомненно, будут и впредь оказывать действенную помощь тем, кто мужает для более успешной схватки, ободрённый возвышенной уверенностью, что они сражаются не одни, а в присутствии своих героических предков и с их полного одобрения. Друзья, жившие в Японии и с сочувствием входившие в жизнь и чувства её народа, рассказывали нам некоторые трогательные случаи. Говорят, что в вечерний час духи предков и те, кто

недавно покинул физическое тело, собираются в некотором назначенном месте и принимают приношения от тех, кто восхищается ими и чтит их. Ни один праздник, семейный или национальный, не справляется без этого обряда.

Многие китайские и японские обычаи, призванные почтить ушедших, внешне грубы, но нередко прекрасны, если очистить их от ненужных наслоений, и легко вызывают наше сочувствие и уважение. Даже приношение пищи и возлияний ушедшим, очень древний и почти повсеместный обычай, ничуть не достойно осуждения, если вспомнить, что восточные философы всегда учили: все внешние вещества суть лишь покровы, скрывающие бестелесное начало. Как физическое тело поддерживается более грубой частью, так и психическое тело питается внутренней субстанцией. Это учение объясняет все жертвенные приношения, которые делались божествам во все века и во всех странах. Разумеется, нет нужды убивать животных, а тем более приносить в жертву людей, чтобы умилостивить голодных божеств: такие варварские оргии не имеют места ни в одной утончённой системе мысли или практики; но простые приношения плодов и цветов

национальным героям и друзьям вообще — мягкий, поэтичный обычай, который помогает постоянно держать перед умственным взором приносящих мысль о близком соседстве духовного мира с материальным.

Япония, особенно после женитьбы сэра Эдвина Арнольда на японке и её приёма как желанной гостьи в высшем британском обществе, казалась весьма близкой образованным кругам англоязычного мира. И хотя многие японцы теперь исповедуют видоизменённую форму христианства и выражают великую готовность уподобиться западной жизни и мысли вообще, уроженец Японии почти всегда сохраняет значительную долю веры своих предков, если только не становится открытым агностиком, как это случается с некоторыми студентами; в таком случае он склонен гордиться своим незнанием всех духовных вопросов — разновидностью необычайной интеллектуальной гордыни, которая характеризовала и претенциозную культуру Запада в известный ранний период научных исследований среди чересчур легко довольных собой исследователей.

Чтобы получить как можно более достоверное представление о действительном религиозном состоянии Японии на момент написания этих строк, мы отсылаем читателей к чрезвычайно интересному письму известного американского кандидата в президенты Уильяма Дженнингса Брайана, присланному им из этой очаровательной страны и опубликованному в газете « *Кливленд Плейн Дилер*» 18 февраля 1906 года.

Вряд ли что-либо, что можно добавить к уже общеизвестному, прольёт новый свет на веру и обычаи обитателей Восточной Азии; теперь они свободно общаются с нами, и по мере того как мы лучше узнаём наших интересных коричневых и жёлтых соседей, мы, несомненно, перестанем испытывать к ним какое-либо чувство отчуждения. Великолепные огромные суда, которые теперь с удивительной скоростью и регулярностью пересекают воды Тихого океана туда и обратно, уже почти придвинули Японию к самым дверям Америки. Из Сан-Франциско, Сиэтла и Ванкувера мы можем с удобствами за очень немногие недели добраться до самого сердца Восточной Азии, и,

попав туда, найдём там очень много интересного и немало достойного восхищения, хотя и многое такое, чего не сможем одобрить.

Слава истинного спиритуализма в том, что он разрушает преграды и объединяет человечество повсюду, где его возвышающие учения принимаются и становятся путеводителем жизни. Мы не можем и не притворяемся, будто верим, что общение с духами есть или когда-либо было исключительной собственностью какой-либо церкви или секты; это общее наследие всего человеческого рода. Хотя средоточием нынешних откровений является скорее Запад, чем Восток, это лишь потому, что в круговороте циклов то одна страна, то другая оказывается подготовленной стать главным просветителем мира. В былые дни Азия была источником, откуда духовный свет разливался по земному шару; затем наступило время, когда Европа, а в конце концов Америка заняла первенство над всеми другими материками как средоточие духовного просвещения. Теперь мы видим несомненные признаки быстро приближающегося поистине всеобщего озарения, в котором примут участие все материки. Азия оживёт, Африка более не будет тёмной, Европа объединится

и умиротворится; Америка будет избавлена от поклонения Маммоне и станет по-настоящему свободной; Австралия превратится в великую новую школу, из которой выйдет поистине эклектическая духовная философия.

Таковы приметы нынешних волнующих и богатых событиями времён. Старые суеверия уже никогда не смогут порабощать человечество, как прежде, ибо пробил час, пробудивший человечество от оцепенения и громовым голосом призвавший его стряхнуть летаргию, в которую оно так долго было погружено. Если современное духовное движение и не сделало ничего более, оно, несомненно, вынудило к тщательному исследованию оснований, на которых должна покоиться вера в бессмертие. В наши дни пытаться доказывать, что существует общение с миром духов, во многих центрах кажется совершенно излишним делом; но хотя множество людей вполне уверены в бесконечной непрерывности жизни, очень многие всё ещё сидят в тени сомнения, а некоторые обитают в пещерах решительного отрицания. Пусть те, кто знает, провозглашают своё знание, а те, кто ещё не знает, будут готовы к тому, чтобы их просветили.

Нижеследующий чрезвычайно интересный рассказ о японской жизни и духовном постижении взят из статьи блестящего автора журнала « *Знамя света*», подписывающегося Майм Иннес; его статья была опубликована 24 февраля 1906 года.

КАРМА И СИНТОИЗМ В ЯПОНИИ

Когда адмирал Того после своих последовательных побед счёл нужным в самой торжественной форме поблагодарить духов умерших за помощь в войне, в которой они сложили свои земные жизни, большинству американцев это показалось актом восточного варварства, странным образом занесённым в современную жизнь.

Как мог великий морской капитан вроде Того быть столь суеверным, столь невежественным?

Однако неудивительно, что человек, воспитанный, как всякий

японец, в философии синто, пожелал в знак благодарности признать одну из самых распространённых японских идей.

Японец воспитывается не только на учении синто, свойственном его народу: буддийские учения о предсуществовании и карме в равной мере входят в состав его религиозной жизни. У нас, на Западе, о предсуществовании лишь смутное представление. Теософы отстаивают это учение, но обычные христиане, особенно воспитанные в кальвинизме, провели всю свою религиозную жизнь в стараниях спасти собственные души от загробной участи, которая изображается столь ужасной, что избежать её — единственная «развязка, желанная от всего сердца».

Но восточная философия справляется со всем этим совершенно иным образом, который почти необъясним для себялюбивого европейца.

«Во-первых, — говорит японец, — моя собственная душа — не единичная вещь. Для меня это упрёк, когда мне насмешливо говорят: „Вижу, у тебя всего одна душа“. Моя душа не может существовать вечность после этой жизни, если она уже не существовала вечность до неё.

Вечность бесконечна. Ничто не может быть бесконечным, если у него есть начало. Европеец говорит о жизни в будущем, у которой нет конца.

Тогда у неё не может быть и начала; ибо вещь, у которой только один конец, не бесконечна. Поэтому я должен был существовать от всей вечности, если мне суждено жить до всей вечности.

Итак, я знаю, что моя душа в своих предсуществующих состояниях прошла через множество земных жизней и имела все опыты, которые эти прежние жизни подразумевают. Она не есть и не может быть единичной вещью, одной душой. Она — совокупность всех опытов всех минувших веков, через которые она прожила. Во мне сегодня сознательно существуют души всех моих родичей по наследственности и немалая часть тех других жизней, с которыми я жил и которых причастился через соприкосновение. Следовательно, мои предки, которым я обязан не только своим существованием, но и всеми свойствами, делающими мою душу такой, какова она есть, несомненно, достойны моего высочайшего почтения и поклонения.

Не только это (и здесь входит спиритуалистическая идея), но и эти предки, как естественно, принимают живейшее участие во мне и в моей жизни. Они окружают мой ежедневный путь, стараясь всеми силами умножить для меня

благо и отвратить дурное. Что естественнее для умершего родителя, чем сохранять интерес к своему ребёнку? Вы, западные христиане, верите в небеса, куда отходит умирающий отец и где он закрывается от знания обо всём, что за две минуты до последнего вздоха глубоко его заботило; а если вы верите, что он всё же знает о жизни своих детей, то он бессилен повлиять на неё к добру или ко злу. Это ещё хуже полного неведения. Ибо что может быть более дьявольским, какой ад может быть больше, чем быть вынужденным сидеть сложа руки, глядя на муки ребёнка, и не иметь силы помочь? Мы знаем лучше. Когда мы умираем и сбрасываем плоть, мы не меняемся. Мы всё так же любим, а любовь подразумевает помощь. Мы всё так же витаем рядом и помогаем нести бремя или делить радость наших детей, делая её больше оттого, что делим её.

Итак, поклоняясь нашим предкам, мы знаем, что они достойны поклонения. Вы, европейцы, всё ещё хотите, чтобы гневный Бог карал грех? Он карает его, но не как разгневанный, а как справедливый. Грех не похож на шалость ребёнка, которую наказывают тапком. Это нарушение законов Бога, и такое нарушение всегда несёт свои собственные

последствия. Если я нарушу закон тяготения и сойду с крыши дома, я упаду — не в наказание за нарушение закона, а потому что нарушение закона влечёт за собой свои собственные последствия.

Так и если я поступлю дурно, я буду страдать. Никакое прощение, никакое покаяние не смоет греха. Он влечёт за собой своё собственное наказание, оставляет свой собственный шрам. Тем самым я научаюсь не грешить.

«Но следствие моего нарушения закона Бога в том, что шрам остаётся. Я не могу довершить собственное искупление, пока меня не настигнет смерть. Последствия того проступка идут своим чередом, и когда моя бессмертная душа в следующий раз ищет телесного воплощения, пятно моего греха всё ещё лежит на ней, закон всё ещё действует, и справедливость всё ещё требует от меня довершить собственное искупление. Слова «грехи отцов падают на детей» истинны не как наказание, а как простое, справедливое действие закона. Это и есть карма. Я знаю, что зло в моей жизни справедливо — не за то, что я совершил в этом воплощении, а за то, что я совершил в другом теле. Радость принадлежит мне не всегда по моим заслугам, а за добро, которое я сделал, будучи здесь

прежде. Разве это не справедливость? Разве это не правильно? Разве это не объясняет, почему жизнь такова, какова она есть? Разве это не добрая и достаточная причина для моего поклонения предкам?»

Вот почему японцы находят так мало привлекательного в христианстве. Вот почему они спиритуалисты. Вот почему синтоизм и буддизм для них — такие живые силы.

Вот почему эту жизнь, кажущуюся столь ничтожной частью подлинной жизни, японец так легко отдаёт, сражаясь за правое дело.

Если бы западная цивилизация переняла страничку из книги маленьких жителей островов, верования, возможно, пострадали бы, но подлинная жизнь Христа проживалась бы чище, и тогда воистину «поглощена была бы смерть победой», перестав быть «царём ужасов».

Таков, в кратком очерке, достаточно показательный образец японских духовных представлений.

ГЛАВА XIV

МУСУЛЬМАНСКИЕ ВЗГЛЯДЫ НА ДУШУ И ЕЁ СУДЬБУ

Поскольку широко распространённый перевод Корана, выполненный Сэлом, познакомил множество людей с текстом веры ислама, обычно считается, что образованная публика повсюду осведомлена об основных догматах веры, которую исповедуют несколько сотен миллионов последователей пророка из Мекки, поклоняющихся Богу под именем Аллаха. Так, пожалуй, и обстоит дело в самых общих чертах; однако пристальное изучение мусульманства обнаружит в нём как эзотерическую, так и экзотерическую веру. Прекрасные слова сэра Эдвина Арнольда:

> «Всё есть любовь
> Если взглянуть из обители Аллаха в вышине»

звучат совсем иначе, нежели то, что провозглашают те, кто видит лишь буквальную поверхность Корана, который многими внешними чертами близко напоминает еврейские и христианские Писания и, бесспорно, в значительной мере был составлен из них.

Жизненный путь Мухаммеда был в высшей степени замечательным, и с какой бы стороны мы ни пытались его изучать, мы можем лишь убедиться, что арабский погонщик верблюдов, ставший знаменитым как основатель религиозной системы, насчитывающей ныне сотни миллионов приверженцев, был человеком незаурядных способностей и необычайной предприимчивости. Как и все личные основатели учений, основатель веры ислама умел и с поразительной готовностью умел приспосабливаться к требованиям своего века и людей, на которых стремился повлиять. В Коране немало противоречий, много причудливых рассказов и бродячих легенд, но так обстоит дело во всех Библиях; поэтому в этом отношении Коран и его учения нельзя считать в каком-либо смысле уникальными.

Мухаммеда называли самозванцем, эпилептиком, принимавшим свой искажённый бред за ниспосланное небом озарение, хитрым интриганом, искавшим лишь собственного возвышения, и многим другим, малопривлекательным и позорящим. Но хотя этот удивительный «пророк» отнюдь не был безупречным героем, он, несомненно, обладал

многими превосходными качествами, хотя в его характере присутствовали и порок, и добродетель, и слабость, и сила, оказывавшие влияние на его деятельность.

Сторонники строго моногамных брачных отношений не могут одобрить многожёнство даже в том ограниченном виде, в каком Мухаммед его учил или, по крайней мере, допускал; но если вспомнить, что в его время многожёнство и многомужие свирепствовали именно в тех землях, где он стремился распространить своё влияние, мы можем увидеть руку проницательного государственного деятеля в учении человека, ограничившего число жён «истинно верующего» четырьмя и вполне допускавшего, чтобы «верные» жили в строго моногамном браке, если сами того предпочитают. Если бы целью или миссией Мухаммеда было создание замкнутого культа, пригодного лишь для ограниченной части человечества, его система, вероятно, оказалась бы гораздо менее изобретательной и сложной, чем она есть. Джеймс Фримен Кларк в книге «Десять великих религий» относит мусульманство к миссионерским и эклектическим системам, к той же категории он причисляет буддизм и

христианство, а брахманизм помещает среди чисто этнических культов, которые, по-видимому, коренятся в определённой почве и неспособны успешно переселяться или приживаться на другой.

Поскольку время Мухаммеда отстояло примерно на шестьсот лет от возникновения христианской системы, в его распоряжении было немало материала, который был отчасти христианизирован, но не принял власти институционального христианского церковного устройства, к тому времени ставшего многочисленным и могущественным, а во многих областях и угнетающим.

Есть своеобразное очарование в первых годах служения Мухаммеда, ведь лишь после тринадцати лет мирных усилий по распространению своей системы он прибег к мечу или хотя бы допустил войну как средство религиозной пропаганды. Лишь после неудачи мирных мер — так утверждают все достоверные историки — Мухаммед позволил своим преданным, хотя и весьма честолюбивым последователям прибегнуть к запугиванию, чтобы обратить «неверных» в веру пророка. Одно время Испания была оплотом мусульманства, и нужно признать, что мусульманин нередко оказывался

лучшим просветителем, чем христианин, и уж во всяком случае не более нетерпимым и фанатичным. В настоящее время ни одна европейская держава, кроме Турции, не находится под властью Мухаммеда, но обширные области Азии и Африки целиком отданы вере ислама, и во многих случаях эта форма религии, по-видимому, хорошо отвечает общим потребностям.

Существуют два великих мусульманских направления, или партии: одно называется суннитами, другое — шиитами. Первые обычно весьма строго держатся буквы Корана и соблюдают каждое обрядовое предписание своей веры; вторые более гибки в толкованиях и применении, и их более ревностные собратья считают их в некоторой степени еретиками. Турки, арабы и татары почти все сунниты; персы обычно шииты. Наиболее фанатичные в обеих партиях придают огромное значение мельчайшим обрядовым практикам и позволяют себе нелюбезные замечания обо всех, кто расходится с ними хотя бы в малейшей подробности; но все высокообразованные мусульмане, а таких немало, твёрдо держась того,

что можно назвать основами их веры, отнюдь не строги в мелочах и не осуждают каждого, чья практика отличается от их собственной.

Мусульманские положения, изложенные в Чикаго в 1893 году, были во многих отношениях весьма либеральными; действительно, Александр Рассел Уэбб, принявший мусульманство и уполномоченный провозглашать его учение на Парламенте религий, сказал очень немногое из того, что не сочли бы либеральным учением в современной Америке. Было бы большой ошибкой полагать, что приверженцы любой системы все ограниченны или фанатичны или что любая религия, если проследить её до основания, лишена милосердных и разумных чувств. Суфии, то есть мусульманские теософы, составляют эзотерическую партию и придают Корану такое же символическое толкование, какое Филон Александрийский придавал Пятикнижию. Суфизм есть гностицизм, а с гностической точки зрения каждое священное изречение имеет внутренний смысл, который открывается применением системы, подобной учению Сведенборга о Соответствии, используемому как универсальный ключ к внутренней тайне, заключённой даже в самых

тёмных и внешне отталкивающих утверждениях и повелениях, приписываемых Божеству или некоторым небесным посланникам, которые в Коране занимают столь же видное место, как и в любой другой предположительно боговдохновенной литературе. Все мусульмане верят в ангелов различных рангов и степеней, от адских до небесных. Иблис соответствует сатане, и повесть о его падении с небес хорошо согласуется с распространённым христианским преданием.

Предопределение также является краеугольным пунктом веры ислама, и нередко его преподают так, что единственный вывод, который можно сделать из слов мусульманских учителей, — это абсолютный фатализм; однако есть среди них и такие, кто сильно смягчает это учение, пока оно не становится очень похожим на иудейское учение, изложенное в Талмуде, которое утверждает, что всё управляется божественным промыслом, кроме человеческого поведения; и если не сделать этого исключения, невозможно понять, как вообще можно допускать какое-либо понятие о пороке или добродетели, о наказании или награде, в этом мире или в любом другом. Немыслимо, чтобы душа могла отвечать за чисто автоматическое действие, и если Аллах

предрёк каждое событие так, что всё происходящее божественно необходимо, то невозможно поверить, что Высшее Существо или даже какое-либо божество-покровитель может быть недовольно исполнением собственной воли и осуществлением собственного замысла. Кальвинизм — это христианская форма наихудших черт мусульманства, как легко может заметить любой изучающий Коран, и нигде не проповедовалась более чудовищная нелепость, чем та, что Бог наказывает людей или гневается на них за то, что они действуют автоматически, в согласии с божественными установлениями.

Однако в учении о предопределении есть и светлая сторона, которую теисты и универсалисты нередко с радостью замечали: это мысль о том, что вся вселенная подчинена верховной власти совершенно благого правящего разума и что вследствие этого участь каждого человека божественно назначена и распределена; поэтому, хотя сейчас нашему тусклому взору кажется, будто одни — возлюбленные Божьи, а другие — предметы божественной немилости, когда мы увидим яснее, то поймём, что условия, которые мы называем адами, столь же необходимы для космической

гармонии, как и те, что мы называем небесами, и что, когда цель всех событий станет ясна, каждый будет доволен тем положением, которое ему отведено.

Говорят, что Мухаммед в видении узрел могучую скрижаль, на которой было начертано каждое событие, что, по велению Аллаха, должно произойти до Судного дня. Нет никакой возможности примирить абсолютное верховенство Бога и полный его контроль над каждым событием от зари творения до конца мира — учение, которое Мухаммед проповедовал с величайшей настойчивостью, — с другим учением, горячо отстаиваемым в Коране: что Бог вознаграждает послушание и наказывает неповиновение Его воле. Без некоторой степени свободы поступать по своему желанию не может быть неповиновения: может быть лишь автоматическое исполнение заранее определённого замысла; поэтому разумно предположить, что ограниченная человеческая свобода всё же входила в понятия Мухаммеда, иначе он учил заведомо противоречивому и был слишком слеп умом, как и Кальвин, чтобы заметить противоречие в собственных самых решительных утверждениях. Жестокие и нелепые положения

кальвинизма и мусульманства — одного поля ягода, ибо все они одинаково вырастают из чудовищной попытки одним духом проповедовать два диаметрально противоположных учения. Это же роковое нелепое противоречие портит богословие Афанасьевского символа веры, который давно служит источником ожесточённых споров среди членов Англиканской церкви: и духовенство, и миряне безнадёжно разделены во мнениях о нём. Августин впал в ту же ошибку, что и Мухаммед с Кальвином, и великая ошибка всех троих состоит в стремлении примирить то, что по существу непримиримо. Предопределение можно принять разумно одним из двух способов: мы можем верить, что Бог совершенно доволен положением дел во всей вселенной, потому что на то божественная воля, чтобы вещи были таковы, каковы они есть; или мы можем верить, что предопределение касается лишь неизменной связи между причиной и следствием, — а значит, что Бог не предрешил, какой именно путь изберёт каждый человек, но лишь так устроил ход событий, что наша жатва в этом и в любом другом состоянии бытия должна в точности соответствовать природе нашего сева, потому что она — его неизбежный итог. Любое из этих учений может исповедовать благочестивый и

разумный ум, но никто, кто внимает разуму или пользуется здравой логикой, не может держаться фаталистического учения о том, что человек — всего лишь машина для исполнения Божьих замыслов и что, хотя все части машины в равной мере служат божественной цели, создатель машины доволен одной частью и награждает её, а на другую гневается и осуждает её.

Равно и никакой рассуждающий ум не может верить, что мы спасаемся, веруя в определённые доктрины, и осуждаемся, если не веруем в них, и в то же время утверждать, что те, кто *творил добро* , войдут в рай, а те, кто *творил зло* , будут ввергнуты в огненный ад. Творить добро и творить зло, как знает каждый, кто наблюдает человеческое поведение, — это нечто совершенно отдельное от веры или неверия в какое-либо богословское учение, пусть даже и признано, что всякая вера в какой-то мере влияет на поведение; и по этой причине никакое всерьёз принимаемое верование не является совсем неважным.

Чтобы полностью постичь учение Мухаммеда о мире духов, нужно сделать скидку на яркие образы, в которые он облекал свою речь, и на предельно вещественные образцы, на которых он строил

описания блаженства Рая. Достаточно сказать, что, будучи очищены от всех лишних наслоений, подробные рассказы Мухаммеда о грядущей жизни основаны на близком знакомстве с запросами неразвитой человеческой природы, ещё не освободившейся от власти чувственности; и эти уступки дополнены немалой долей осведомлённого соприкосновения с «пограничной областью», за которую, несмотря на все его восторженные заявления об общении с высочайшими небесами, Мухаммед, по нашему убеждению, никогда в действительности не проникал. Те, кто читал «Небеса и ад» Сведенборга и верит в его дар прозрения, легко могут поверить пылким рассказам Мухаммеда; те же, кто полностью разделяет эссе Эмерсона о Сведенборге, несомненно, отвергнут значительную часть мухаммедовых подробностей. Что до нас самих, мы полагаем, что мусульманская система — странная смесь истины и заблуждения: она с большой горячностью внушает многие нравственные уроки, в особенности умеренность, но в целом не представляет сколько-нибудь назидательных взглядов на духовную Вселенную, если только мы не примем чисто эзотерического толкования всех коранических метафор.

Что касается Страшного суда, надо признать, что рассказ о нём у Мухаммеда не лишён этической ценности: беседуя об этом грандиозном предмете, он явно забыл о своём фатализме и выдвинул на первый план истинное и торжественное учение об индивидуальной ответственности каждой души. Аллах изображён неумолимым, но предельно справедливым. Каждая душа получает награду или наказание в точном соответствии с количеством добра или зла, совершённого мыслью, словом и делом, а Весы Правосудия, согласно Корану, взвешивают так же точно, как и по египетской Книге мёртвых.

Строго ортодоксальные мусульмане исповедуют веру в то, что в день суда всё человеческое племя будет собрано перед судилищем. Мухаммед возглавит шествие и выступит заступником за всех, кто исповедовал веру ислама. Пророки других религий тоже предстанут и будут ходатайствовать за своих последователей. Гавриил, могучий архангел, с равной заметностью выступающий и в христианской мифологии, будет держать весы столь грандиозные, что, когда они будут подвешены, одна чаша накроет рай, а другая — ад. Коран возвещает, что у судилища все будут судимы с такой точной

беспристрастностью, что ни одно деяние, доброе или злое, «весом в муравья», не будет упущено. Ни одна душа не сможет ничего исходатайствовать для другой. В вероучении Мухаммеда нет ни заместительной жертвы, о которой можно было бы молить, ни подставной или вменённой праведности: каждая душа взвешивается и судится в точном соответствии с её личной праведностью или виной. Мусульманство в этом отношении учит тому, что, несомненно, коренится скорее в иудаизме, чем в христианстве, и из иудейских источников оно, без сомнения, в значительной мере и было заимствовано.

Предопределение совершенно отсутствует в картине суда у Мухаммеда, ибо приговор, выносимый каждой душе, совершенно лишён пристрастия, хотя, поскольку утверждается, что «истинно верующие» по большей части жили менее порочной жизнью, чем неверные, они, как правило, получают более мягкие приговоры. Существует учение о том, что ни один мусульманин не останется в аду навечно, тогда как идолопоклонники могут никогда не выйти из места страданий, если своей порочной жизнью заслужили участь попасть туда. Идолопоклонство должно было

быть искоренено, говорил Мухаммед, и он не нашёл более верного способа внушить глубокий ужас перед ним, чем объявить, что это единственный грех, который превыше всех прочих получит самое страшное осуждение в день суда.

Среди мусульман столь велико расхождение относительно продолжительности суда, что одни утверждали, будто суд над всем человеческим родом завершится «в мгновение ока», а другие растягивали его в воображении до пятидесяти тысяч лет. Все души в конце концов должны перейти мост Сират, который описывается как «тоньше волоса и острее бритвы», и этот мост одной хрупкой аркой перекидывается через неизмеримую бездну над адом от земли к раю. О Сирате даются любопытные толкования — от чисто метафизических до грубо буквальных, что свидетельствует, как и в случае всех прочих культов, о влиянии утончённости и варварства мысли на один и тот же символ.

Мы вновь признаём себя обязанными доктору Элджеру за яркую словесную картину, которую он нарисовал в следующих фразах, свободно взятых из Корана. «Как только праведные минуют Сират, они получают первое предвкушение своего

приближающегося блаженства — освежающий глоток из „Пруда Мухаммеда“. Это квадратное озеро, месяц пути в обход; его вода белее молока или серебра и благоуханнее, чем можно сравнить с чем-либо, известным смертным. Вокруг него расставлено столько чаш, сколько звёзд на небосводе; и кто выпьет из него, тот уже никогда не будет томиться жаждой. Затем следует рай — восторженный сон наслаждения, — полный сверкающих ручьёв, бьющих фонтанов, тенистых рощ, драгоценных камней, всевозможных цветов и плодов, цветущих юношей, ходящих по кругу кубков, чернооких гурий, благовоний, сияющих птиц, восхитительной музыки, непрерывного мира. Шиитское предание заставляет пророка пообещать Али двенадцать дворцов, построенных из золотых и серебряных кирпичей, уложенных на растворе из мускуса и амбры. Камешки вокруг них — алмазы и рубины, земля — шафран, холмики — камфара. Реки мёда, вина, молока и воды текут через двор каждого дворца, их берега украшены различными сверкающими деревьями, меж которых стоят беседки, каждая из одной полой прозрачной жемчужины. В каждой из этих беседок — изумрудный трон, а на нём гурия, облачённая в семьдесят зелёных и семьдесят жёлтых одеяний

столь тонкой ткани, и сама она столь прозрачна, что сужение её щиколотки, несмотря на одежды, плоть и кость, видно так же ясно, как пламя в стеклянном сосуде. У каждой гурии семьдесят прядей волос, и каждая находится на попечении служанки, которая окуривает её кадилом, заставленным Богом куриться благовониями без присутствия огня; и ни один смертный никогда не вдыхал такого аромата, какой там исходит.

«Такое учение о будущей жизни, как изложено здесь, очевидно, было поразительно приспособлено к тому, чтобы завоёвывать и пылко воспламенять умы воображаемых, сладострастных, ленивых, страстных народов Востока. Оно содержит ядро справедливого и естественного нравственного убеждения и чувства, вокруг которого сгруппирована смесь из двух десятков суеверий, ходивших до появления ислама, украшенная произвольным убранством поэтической фантазии, окрашенная особыми чертами характера Мухаммеда, подчёркнутыми сообразно его особым целям».

У нас нет надёжных сведений о том, каково отношение мусульман в целом к общению с духами, хотя мы знаем, что они часто подчёркивают

служение ангелов и без колебаний утверждают, что верных на земле сопровождают небесные духи. В мусульманских теориях о духовной Вселенной много достойного восхищения и много отталкивающего, но, отсеивая лучшее и отбрасывая то, что недостойно доверия и не способно служить какой-либо нравственной цели, мы вполне можем утверждать, что пророк Мекки заслуживает быть причисленным к тем бесстрашным религиозным вождям, которым была небезразлична судьба человечества, пусть даже ими и руководило немалое личное честолюбие.

Когда в наши дни появляются такие люди, как Джозеф Смит, основавший мормонизм, Сайрус Тиид, основатель «Кореш-науки», Джон Александр Доуи с его замыслом нееврейского сионизма, и другие мощные, властные умы, которые без труда увлекают за собой толпы, мы можем понять нечто о природе влияния Мухаммеда.

ГЛАВА XV

ДРЕВНИЕ ИУДЕЙСКИЕ И РАННЕХРИСТИАНСКИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ДУШЕ И ОБ ОБЩЕНИИ С ДУХАМИ

Без некоторого знания иудейских верований и обрядов обычному исследователю первоначальных христианских учений и церемоний всегда будет крайне трудно ясно понять, что многие из них означают и из каких источников они происходят. Весьма значительная часть ортодоксальных иудеев не только не противилась возвышенному общению с духами, но всегда признавала его, хотя нередко лишь в ограниченной мере и только применительно к особо выдающимся личностям. Много оспариваемый библейский рассказ о явлении Самуила Саулу, который прекрасный американский актёр Райт Лоример искусно вплёл в сюжет своей известной пьесы «Царь-пастух», служит хорошей иллюстрацией очень древнего иудейского предания, а современный драматург, заставляющий эндорскую волшебницу заявлять, что явление произошло не благодаря её искусству, верно истолковал пророческое учение об общении с ушедшими друзьями и наставниками. Иудейские

провидцы и мудрецы всегда горячо протестовали против некромантии и колдовства. Они осуждали всякое чародейство, но это не означало отрицания прямого общения с миром духов вне практики обрядов и заклинаний, запрещённых Законом. Сильно искажённый образ бездушной ведьмы, к которой обращается Саул, в том, что касается сценической обстановки, заимствован гораздо более из «Макбета» Шекспира и из средневековых фантазий, чем из каких-либо слов библейского повествования о Сауле и его конечной гибели. Эндорская женщина не сказала ни слова лжи и не вела себя непристойно, и нелепо чернить её репутацию, как это часто делали многие проповедники, чтобы втиснуть в рассказ утверждения, которых в нём нет, и затем снова извлечь их оттуда как якобы божественные предостережения против спиритуализма. Такое натягивание покрова на полуоткрытые глаза есть нечестный приём, и он справедливо навлёк презрение на несправедливое отношение к спиритуализму со стороны сенсационных витий, скорее скандально известных, чем знаменитых, которые наживали капитал среди нерассуждающих и слишком легко поддающихся влиянию слушателей на искажённых и извращённых

версиях тёмных древних библейских эпизодов. Самуил не мог избавить Саула от неизбежных последствий его собственных проступков; поэтому мятежному царю было бесполезно «беспокоить» ушедшего пророка, когда уже было слишком поздно извлекать пользу из его предостережения. Но Самуил, вместо того чтобы осудить Саула на вечную погибель за его земные преступления и безрассудства, довольствуется предсказанием, что и Саул, и Ионафан на следующий день «будут с ним». Из этой истории, если ей вообще верить, нельзя справедливо извлечь никакого иного указания, кроме того, что Самуил в жизни духа мог видеть немного дальше, чем те, кто ещё на земле, и он знал и без колебаний возвестил, что Давид уже назначен преемником Саула, и было бы напрасно в этот поздний час пытаться удержать корону на голове монарха буквально, когда она уже пала психически.

Два самых заметных примера неугасающей веры в общение с духами среди иудеев, не отказавшихся от преданий предков, — это вера в то, что Илия председательствует при обрезаниях, и обычай оставлять свободное место за праздничным столом для Авраама в первую ночь Суккота, праздника Кущей, или Шалашей. Утверждается, что, хотя

смертный глаз его не видит, патриарх духовно присутствует в шалаше или везде, где накрыт стол праздника Суккот, и если в этот вечер появляется чужестранец, его считают посланным Авраамом, чтобы представлять его за столом; поэтому с чужестранцем в такой случай обходятся с необычайным гостеприимством, а его присутствие считается добрым знаком для семьи, чьего хлеба он вкушает; считается также, что Илия духовно председательствует на пасхальном седере в первый и второй вечер праздника Пасхи. Даже если современная критика в значительной мере упразднит личного Авраама или Илию благочестивого предания, духовное ощущение направляющего присутствия не должно ни в малейшей степени пострадать, и действительно, гораздо легче представить себе множество духовных существ, председательствующих за разными праздничными столами в разных частях мира, чем одного высокоавторитетного духа, председательствующего одновременно на стольких пирах. Но если личности Авраама и Илии строго сохранять в самом ортодоксальном смысле, то нам остаётся поверить лишь в то, что духовные излучения великого ума могут рассылаться далеко и широко, и это, без сомнения, так и есть, когда нам

удаются наши многократно предпринимаемые демонстрации мысленной телеграфии, или телепатии.

Молитвы об ушедших входят в каждую иудейскую литургию и составляют часть каждого регулярного иудейского богослужения, и хотя освящённый веками «Кадиш скорбящих» делает немногим больше, чем выражает веру в Бога и просит благословения для всего Израиля, он убедительно доказывает, что ушедших не забывают. «Погибает только тело» — знакомая фраза из популярного вступления к Кадишу, которое содержится в молитвеннике Союза, используемом очень многими общинами в Америке.

Первоначальное христианство обязано своим возникновением в очень большой степени бесстрашному рвению Савла из Тарса, который, как апостол Павел, цитируется доктринальными проповедниками шире, чем даже Слова Иисуса, записанные четырьмя евангелистами, и именно из посланий Павла постепенно было выстроено почти каждое догматическое положение христианской веры. Два Послания к Коринфянам в общих чертах излагают учение и практику тех раннехристианских общин, которые — будучи в

период становления христианства составлены отчасти из иудеев, отчасти из язычников — часто были внутренне разобщены и нуждались в прочной дисциплинарной связи, чтобы организовать и объединить их и не дать им погибнуть от расколов. Павел был, несомненно, сильным вождём, человеком непреклонной настойчивости и решительно горячего нрава, способным нести огромные бремена, хотя (вероятно) и обременённым далеко не крепким телосложением. Его жизненный путь был одним из тех феноменальных путей, которые в высшей степени исключительно показывают власть духа над материей; ибо, хотя он, по-видимому, был слаб телом и страдал плохим зрением (так говорят почти все предания), несмотря на своё «жало в плоть», которое он описывал как «ангела сатаны, удручающего его», он совершал героический труд многих родов и в труднейших обстоятельствах благодаря той непреклонной духовной энергии, которую он называл «силой нескончаемой жизни». Никто, читающий послания Павла с хоть какой-то проницательностью, не может не увидеть с первого взгляда, что их автор был бескомпромиссным спиритуалистом и убеждённым универсалистом. «Как в Адаме все умирают, так во Христе все оживут»

— это текст, сам по себе вполне достаточный, чтобы ясно доказать, где стоял писавший столь смелые и определённо утвердительные слова. По мысли Павла, всё творение находилось в безопасности под охраной Всевышнего, и он, конечно, ничего не знал о кошмарах ложной теологии, которая в позднейшие века исказила учение Послания к Римлянам ради построения доктрины избрания и отвержения, какой ни один иудей никогда бы не придумал, а Павел никогда не отрекался от иудаизма: он лишь добавил к нему христианское дополнение. Начав как крайне ортодоксальный фарисей, ультраритуалист, этот удивительный человек дошёл до того, что оставил все вопросы обрядности на совесть и суждение отдельных людей. «Каждый пусть остаётся в полном убеждении своего ума» — таково было учение Павла; но пусть он никогда не пытается навязывать свои личные убеждения ближним.

История обращения Савла, изложенная в «Деяниях», — захватывающий спиритуалистический рассказ. По пути из Иерусалима в Дамаск он переживает духовный опыт, который полностью меняет течение его мыслей и жизни. Ему является некое сияющее

духовное присутствие и спрашивает, почему он по наущению священников и правителей преследует невинных. Подобно многим глубоко эмоциональным чувствительным натурам, он совершенно подавлен этим поразительным и совершенно неожиданным проявлением и на три дня теряет зрение и оказывается в крайне опасном состоянии. Выздоровев, он становится другим человеком, горячим другом и пылким защитником тех, кого прежде беспощадно преследовал.

Всегда следует помнить, что Павел был главным провозвестником воскресения Иисуса и никогда не утверждал, будто видел воскресшую плоть, но лишь что общался с Учителем исключительно духовным образом. Те весьма умные английские священнослужители, которые ныне открыто отстаивают чисто духовный взгляд на воскресение, вовсе не «еретики»; они просто повторяют то, что провозглашает Новый Завет, ибо ни Евангелия, ни послания не содержат ни крупицы свидетельств, достаточных, чтобы доказать, что первоначальная христианская церковь придерживалась какого-либо плотского учения о воскрешении, подобного тому, которое позднее навязали ей воинственные составители символов веры, перебившие голосами

более духовно настроенных на некоторых знаменитых церковных соборах и навязавшие церкви отталкивающую и нелепую догму, совершенно противоречащую самой ранней христианской вере.

Мы выдвигаем следующие положения на смущение всех, кто настаивает на плотском, а не духовном взгляде на воскресение. Первое: Евангелия сообщают нам, что новое явление Иисуса после распятия произошло примерно через сорок часов после его телесной кончины и что даже те, кто стоял у креста и оставался там до конца в пятницу днём, не узнали его физически, когда он показался им близ гробницы, где было положено его тело, на рассвете следующего воскресного утра; более того, когда в тот же вечер два ученика шли с ним в Эммаус, на расстояние нескольких миль, они не узнали его ни по каким телесным признакам, а лишь так же, как женщины утром, — по чисто субъективным, внутренним свидетельствам, или когда он сам давал им познать себя каким-нибудь существенно характерным словом или поступком.

Второе. Уплотнение призрака, явившегося неверующему Фоме, было явным примером того, что в наши дни называется материализацией, и

язык Евангелия, которое о нём повествует, таков, что обильно доказывает любому непредвзятому читателю: между более грубой природой этого явления и более эфирным характером явлений, дарованных остальным ученикам, чьё духовное восприятие было более открытым, чем у Дидима, существовало отчётливое различие.

Спиритуалисты среди духовенства, такие как архидиакон Колли и другие, которые на протяжении нескольких десятилетий серьёзно изучали психические явления, решительно свидетельствуют о реальности материализации духов, как и всех других видов проявлений духов, описанных в Новом Завете; и хотя такие люди — «заноза в боку» для тех буквалистских богословов, которые не видят в библейском учении о воскресении ничего глубже и духовнее физического оживления, их влияние непрерывно растёт, и это влияние становится слишком большим, чтобы его можно было действенно уравновесить какими-либо усилиями епископов или иных сановников вернуть народ к отжившим суевериям. Немалую сенсацию произвёл в Лондоне летом 1904 года поступок епископа епархии, который отказался позволить священнику председательствовать на лекции

миссис Безант о «ПЕРЕВОПЛОЩЕНИИ» — древнейшей форме учения о воскресении плоти и единственной форме, в которой его могут разумно принять мыслящие умы. Мы можем допустить, что для прохождения цикла опыта нам, возможно, необходимо принимать последовательные тела, пока в конце концов не будет воздвигнуто совершенное строение. Это было одним из учений, проповедовавшихся некоторыми первыми христианами, хотя, по-видимому, никогда не было времени, когда вся христианская церковь была бы единодушна в этом вопросе.

Это учение, которое усердно отстаивают современные теософы, по крайней мере мыслимо и для многих умов весьма правдоподобно; но попытка навязать немыслимую догму о физическом воскрешении может встретить лишь полное неприятие со стороны мыслящих священников и мирян. Ничто не может быть пагубнее для дела истинной религии, чем любая попытка подпирать невероятные утверждения именем религии, и более мудрые из церковных людей теперь начинают это вполне ясно видеть. Даже если бы физическое воскресение Иисуса было полностью доказано, оно не пролило бы никакого света на

вопрос о воскрешении обычных человеческих тел в «последний великий день», и это по двум весьма значимым причинам: первая — что Иисус, как сообщается, пробыл в гробнице лишь сорок часов и его тело *не увидело тления*; на этом настаивают ортодоксальные христианские богословы; вторая — что те же толкователи прямо учат, что он *родился не обычным путём;* а потому столь исключительное тело, воскрешённое при столь исключительных обстоятельствах, не может служить доказательством воскресения обычных тел, которые уже увидели тление.

Физиологи старой школы обычно утверждают, что организм полностью обновляется каждые семь лет, а знаменитый французский астроном Камиль Фламмарион давно сказал в своём известном трактате «Dieu dans la Nature», что физический организм может быть полностью перестроен естественными физиологическими процессами менее чем за год: одни части строения меняются в течение тридцати дней, другие — через различные промежутки, никогда не превышающие намного одиннадцати месяцев. Если верить утверждениям Мари Корелли в «Романе двух миров», в центре каждого организма находится электрический

зародыш, вокруг которого формируется тело и который ускользает в момент физического распада, но никогда не умирает. Этот «зародыш» может быть тождествен «перманентному атому», за который ручаются многие теософы-реинкарнационисты; и он может быть ядром нового тела, которое восстанет по завершении цикла. Автор много лет назад слышал очень сходную мысль от английских священников, которые, пытаясь истолковать фразу символа веры «Верую в воскресение тела», говорили, что в центре организма несомненно есть некий зародыш, который никогда не умирает и составляет основу «воскресного тела». С такими учениями у нас нет спора, но они не имеют ничего общего с грубыми фантазиями поэта Юнга, который, описывая воскресение, употребляет столь гротескные выражения, что значительную часть его поэзии вдумчивые читатели нередко принимают за сатиру. Возьмём яркие образы из 37-й главы Иезекииля, в которых легко обнаружить пророческий взгляд на воскресение, принятый в древнем Израиле. Описывается видение, в описание которого введены яркие метафоры. Весь Дом Израилев представлен образом сухих костей в долине, к которым пророк действенно обращается, призывая их именем Всевышнего выйти «из гробов

своих» — выражение чисто символическое, смысл которого прозрачен, ибо видение истолковано в той же главе, где оно описано.

Столь же разумно толковать буквально видение Петра, описанное в 10-й главе Деяний, как настаивать на том, что люди достаточно слепы и глупы, чтобы не увидеть в видении Петра в Иоппии ничего более великого, чем разрешение есть свинину, моллюсков и прочие столовые «лакомства», запрещённые Моисеевым законом. Однако видение Петра объяснено и применено в той самой главе, где оно рассказано, и там показано, что оно преподаёт ценный и по-прежнему крайне необходимый урок всеобщего братства.

Слова «смерть» и «мёртвый», а также «воскрешённый» и «воскресение» часто употребляются в посланиях Павла в мистическом, или эзотерическом, и вместе с тем поистине практическом смысле. Например, о людях говорится, что они «мертвы для греха» и «воскрешены к праведности». Сам Павел «умирает» ежедневно, и тем, кто уже «воскрес со Христом», даются наставления поступать достойно высокого призвания, к которому они призваны.

Из всех подобных выражений можно почерпнуть много целительных духовных и нравственных уроков, и мы вполне вправе пользоваться ими, но они учат совсем иному, нежели те неразумные и плотские взгляды, которые навязала миру обмирщённая церковь в периоды упадка.

Что касается общения с миром духов, то в одном, по-видимому, сомнений нет: христианская церковь изначально основывалась не на чём ином, как на осознанном общении с духами. Не на слухах, а на живом, действительном доказательстве общения хотя бы с одним, кто воистину прошёл через смерть и явил бессмертие. «Ибо Я живу, и вы будете жить»; «Я есмь Живый; и был мёртв, и се, жив во веки веков». Эти и многие другие места сходного смысла можно привести в доказательство того, что краеугольным камнем раннего христианства было неопровержимо явленное личное бессмертие.

В обстоятельном труде Кроуэлла «Тождество первоначального христианства с современным спиритуализмом» собрано огромное множество доказательств в подтверждение этого положения; не менее убедительно приводятся сходные факты в сочинениях С. К. Холла и многих других образованных и блестящих писателей

девятнадцатого века, которые без колебаний показывали, что лишь спиритуалистический взгляд на Новый Завет объясняет его разумность.

Многочисленные случаи духовных проявлений, записанные в Евангелиях, нельзя разумно объяснить, если мы не готовы отрицать, что так называемые «чудеса» и многие другие явления имеют какой-либо иной смысл, кроме чисто образного или субъективного; и хотя такой взгляд может оказаться приемлемым для рационалистически настроенных унитариев, он всегда будет встречать решительное сопротивление всех, кто стремится отстаивать традиционное христианство.

Миссис Безант в своём «Эзотерическом христианстве», где она рассматривает «Малые мистерии», касается главным образом, но не исключительно, символических сторон евангельских повествований, и к такой книге сейчас обращаются многие, кто стремится избежать неудовлетворительной альтернативы, часто выдвигавшейся: либо принять грубейший ортодоксальный буквализм, либо отвергнуть *in toto* чудесные рассказы, которыми изобилуют евангельские повествования. Когда Штраус, будучи

совсем молодым человеком, опубликовал первое издание своей «Жизни Иисуса», он удовлетворил некоторых своих скептически настроенных коллег и доставил большое удовольствие многим людям как за пределами Германии, так и внутри её, настаивая на совершенно мифическом взгляде на так называемое *чудесное,* но столь слабое объяснение происхождения нескольких «мифов», какое предпринял Штраус, серьёзно подорвало доверие к его выводам, по крайней мере среди пытливых людей, которые никогда не удовольствуются тем, что трудную проблему просто отбросят самым банальным образом. Лучшей иллюстрации изъяна метода Штрауса не найти, чем его попытка объяснить предание о хождении Иисуса по воде: он решил, что Иисус просто шёл по берегу моря, и из этого пустячного обстоятельства — которое не могло вызвать разумного удивления, ибо прогулка по берегу моря есть обычное повседневное дело, — возникла легенда, будто ученики видели Иисуса идущим по волнам. Доверчивость подвергается тяжёлому испытанию, когда приходится принимать столь надуманное решение, ибо хорошо известно, что мифические рассказы строятся на необычных и поразительных событиях, сильно действующих на воображение и не имеющих до сих пор научного

объяснения; а столь простой факт, как человек, идущий по берегу моря, совершенно недостаточен, чтобы пустить по свету чудесную историю, ибо это обстоятельство так обыденно, что никто не задумался бы о нём дважды, поскольку с ним не связано никакой тайны, требующей какого-либо объяснения.

Гораздо легче поверить романтической теории Ренана, чем скептической теории Штрауса, хотя портрет Иисуса у Ренана порой так слаб, что оказывается далеко ниже необходимого героического уровня. Что Иисус был по меньшей мере Учителем и так воспринимался в начале христианской эры — факт, не подлежащий разумному спору, несмотря на то что Дюпюи, Джеральд Мэсси и многие другие выдающиеся авторы, стремясь во что бы то ни стало доказать тождество христианства с гораздо более древним солнечным культом, пытались полностью опровергнуть всякое историческое основание Евангелий. Три Евангелия, приписываемые Матфею, Марку и Луке, обычно именуемые синоптическими, несомненно, повествуют об исторических событиях; так же и мистическое Четвёртое Евангелие, хотя и в меньшей степени;

ибо, в отличие от своих предшественников в каноне, оно начинается с гностического рассуждения о Логосе, который, как утверждают теософы, «одушевляет» вселенную.

В 14-й главе Евангелия от Иоанна мы находим яркий пример преемственности более ранних учений, когда Учитель говорит ученикам: «В доме Отца Моего обителей много (мест пребывания); а если бы не так, Я сказал бы вам». Такие слова, по-видимому, вполне подтверждают уже принятую истину, а не провозглашают новое учение. «И куда Я иду, вы знаете, и путь знаете» тоже можно справедливо считать ещё одним доказательством полного согласия, существовавшего между первоначальным христианским гностическим учением и более древними учениями, с которыми первоначальное христианство было в полном согласии и продолжением которых было его отличительное учение.

Многие странные упоминания о «крещении для мёртвых» и других древних обрядах, встречающиеся в посланиях Павла, показывают каждому исследователю, что раннехристианские обычаи во многом были тождественны дохристианским обычаям, давно установленным и

призванным приносить пользу как живущим на земле, так и ушедшим братьям. В Апостольском символе веры об Иисусе сказано, что он «сошёл в ад», что часто переводят как Аид — общее обиталище ушедших духов. Это несомненное свидетельство того, что, когда составлялся этот ранний символ веры, в христианском сознании ещё не было представлений об аде вечных мук, ибо никакой Спаситель не стал бы служить среди безвозвратно погибших.

Раннехристианские собрания были встречами благочестивых и братски расположенных людей, которые поочерёдно, в открытой беседе, проявляли свои различные духовные дары; и лишь когда некоторые из этих собраний стали беспорядочными, а трезвая дисциплина ослабла, Павлу, как попечителю многих объединённых общин, пришлось порицать беспорядочные обычаи и настаивать, чтобы всё совершалось «благопристойно и по чину». «Духи пророков послушны пророкам» — ясное указание на упорядоченное проявление духовных даров в собрании, и уж конечно, даже тот, кто в наши дни стремится приписать всякое общение с духами «злому» влиянию, вряд ли согласится признать, что

верные, самоотверженные первые христиане, которые ради верности своим убеждениям рисковали всем земным достоянием и были готовы, если понадобится, пролить кровь за дело христианства, были одержимы бесами. Только разумный взгляд на общение с духами, которого мы придерживаемся, объясняет явления, описанные в Новом Завете, и если дело дойдёт до сравнения древних и современных чудес и тайн, между ними едва ли можно заметить различие. Куда бы мы ни обратились за подтверждением, мы повсюду находим, что упорядоченные и беспорядочные условия существуют одновременно, и всегда было и остаётся крайне необходимым, чтобы мы поддерживали первые и не оставляли без порицания вторые.

Чтобы хоть сколько-нибудь ясно понять отношение древнейшей христианской церкви к общению с духами, мы никогда не должны забывать, что первым толчком к христианскому движению стало его утверждение, будто оно доказало бессмертие человека в век и в странах, где вера в него почти угасла или где сомнение так укоренилось, что путь в загробную жизнь был окутан тенью столь глубокой, что час смерти

становился часом непроницаемого мрака. Иисус вывел жизнь и бессмертие «на свет» — таково было раннехристианское утверждение, и он не мог бы этого сделать, если бы добровольно не отдал себя на распятие, когда его противники пожелали его распять. «Не бойтесь убивающих тело, ибо это всё, что они могут сделать» — изречение, возвещающее бессмертие духовное, а не плотское, с несомненной ясностью. Воскрес и явился многим не физическое, а духовное тело, и в конце концов оно перестало проявляться на земле, кроме столь редких случаев, как явление Савлу Тарсянину во время его обращения.

Нелепо утверждать, будто Иисус не одобрял общения с духами, потому что он сказал Фоме, что блаженнее обладать духовным восприятием, чем зависеть от осязаемых внешних доказательств, ибо так всегда и должно быть.

Мужчины и женщины девятнадцативековой давности, которых в первоначальный период привело принять христианство, были такими же людьми, как мы, с глубокими привязанностями и жаждущими стремлениями, какие знакомы и нам. Ни в утвердившемся иудаизме, ни в язычестве своего времени они не находили ни доказательств,

ни утешения, которых искали, так же как и сегодня люди не находят их ни в жёстком, институционализированном церковничестве, ни в научном агностицизме, который всегда является его близким спутником, хотя на вид — его прямой противник.

Никакое количество сбивающих с толку умозрений никогда не утолит жажды человеческой любви: в часы утраты люди хотят знать не то, смогут ли они в конце концов каким-то смутно описанным алхимическим способом «обмануть гробовщика», — они стремятся получить доказательство того, что их любимые друзья, ушедшие от нас, всё ещё живы, любят и способны по-прежнему общаться с ними. Первым христианам, которые постоянно рисковали потерять всё земное, все материальные вещи (включая плотские тела) казались почти не имеющими цены. Им постоянно грозила опасность скорее недооценить, чем переоценить материальный мир и всё, что в нём содержится. Хотя мы не можем полностью согласиться со всеми первоначальными христианскими взглядами и обычаями, как не можем всецело сочувствовать верованиям и обычаям современных спиритуалистов, мы утверждаем, что

раннехристианская религия была основана на доказанном личном бессмертии и учила прогрессивной непрерывной жизни каждого человека после того, как он оставляет внешний организм. Скорбь по ушедшим не получала одобрения в раннехристианской церкви; в минуты перехода носили белые одежды, а не чёрные, и на службе святого причастия обычно верили не только в то, что следует совершать поминовение ушедших и возносить молитвы об их дальнейшем продвижении, но и в то, что они нередко действительно присутствуют среди своих собратьев-причастников и по-прежнему участвуют в благословениях общей духовной трапезы.

Медленно, но верно современное христианство возвращается к древней эзотерической вере; один за другим священнослужители, которых ныне их материалистические и ритуалистические собратья клеймят как еретиков, выступают вперёд с откровенными заявлениями, вызывающими негодование и тревогу у менее духовно настроенных, но считающих себя «ортодоксальными» братьев; но старое заблуждение о плотском воскресении должно умереть, и оно, несомненно, умирает, причём не медленно, —

чтобы на его месте могло возникнуть духовное понятие о бессмертии, в котором наука и религия смогут соединить свои брачные руки. Следующее высказывание выдающегося английского священника вполне достаточно, чтобы показать направление современной религиозной мысли: назад, к первоначальным духовным представлениям, и вперёд, к новым и более благородным определениям жизни и её бесконечной непрерывности. Мы не делаем никаких замечаний: мы настолько полностью согласны с приведёнными словами, что предпочитаем оставить их без собственных добавлений, чтобы их благотворное влияние ощутил каждый внимательный читатель. Автор следующей цитаты — преподобный Форбс Филлипс, викарий Горлстона, инсценировавший популярную книгу Гая Торна «Когда было темно».

«Что до меня, я прямо заявляю как священник высокой церкви, который действительно облачается в ризы и зажигает свечи на алтаре, что не считаю articleом христианской веры то, что его тело восстало из гробницы. Напротив, я верю, что этого не было. Я верю, что если бы мы сегодня провели тщательные раскопки в Палестине, мы могли бы

действительно наткнуться на священную гробницу и обнаружить в ней драгоценное тело нашего Господа; или, во всяком случае, смутные его останки, как оно было спрятано Иосифом Аримафейским.

«Христос воскрес духом. Именно дух так постоянно являлся ученикам после распятия. Это был дух, вознёсшийся на небо, и это славный дух, который являлся и являлся на протяжении долгих веков тысячам изнурённых христиан здесь, на земле».

ГЛАВА XVI

ПСИХИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ ЕВРОПЕ

ПОД названием психических исследований явления спиритуализма тщательно и осторожно изучаются в Великобритании, а также, в весьма большой степени, во Франции — настолько, что в Париже почти невозможно не встретить талантливых и влиятельных людей, активно занятых этим важным и увлекательным предметом. Когда автор в 1895 году был почётным гостем Мари,

графини Кейтнесс, герцогини Помар, — известной всему литературному миру как образованная и восторженная сторонница спиритуализма и теософии, — в великолепном дворце на авеню Ваграм, названном Холируд в честь Марии Стюарт, королевы шотландцев, которую герцогиня считала своим духовным покровителем, в роскошном салоне собирались самые разные интересные люди, чтобы обсудить все мыслимые стороны психической науки. Тогда многие из движений, ныне достигших больших размеров, находились на сравнительно зачаточной стадии, хотя уже тогда спиритизм в изложении «Аллана Кардека» был вполне устоявшимся культом, обладавшим обширной литературой и представленным многими одарёнными мужчинами и женщинами высокого общественного положения и далеко не заурядного ума. Три труда Аллана Кардека — «Книга медиумов», «Книга духов» и «Небо и ад» — уже давно были превосходно переведены на английский знаменитой Анной Блэкуэлл, а ещё один — «Генезис», переведённый нынешним автором, вышел в Америке.

Эти четыре книги составляют основные учебники европейских спиритистов, которые почти все принимают как учение о реинкарнации, так и общение с духами. Труд четы Леймари давно широко и благожелательно известен, и в штаб-квартире организации, главой которой долгое время был П. Г. Леймари (ныне его сменил сын), каждая сторона таинственных явлений неустанно и критически исследуется.

Прекрасное здание по адресу улица Сен-Жак, 42, является центром спиритистской деятельности, в которой участвуют многие из самых знаменитых учёных Европы, ведь во Франции и Италии учёные с признанным высоким положением стоят в первых рядах психических исследователей. Труды Фламмариона, всемирно известного астронома, очень много сделали для популяризации интереса ко всему «оккультному»; его великолепное собрание хорошо подтверждённых фактов, изданное как «L'Inconnu» (английское издание которого носит название «The Unknown»), помогло открыть глаза очень многим, кто, возможно, никогда не стал бы исследовать эти вопросы, если бы не престиж, который придал им столь великий учёный.

Викторьен Сарду, знаменитый драматург, уже много лет является видным сторонником спиритуализма, и хорошо известно, что Виктор Гюго и многие другие французские «бессмертные» ручались за реальность общения с духами.

Мартинисты и различные другие мистические ордена имеют влиятельных членов в Париже, который, несмотря на внешнюю легкомысленность, обладает глубоким подспудным течением подлинной духовности, которое никакой скептицизм и равнодушие никогда не были в силах по-настоящему подавить.

Мы слышим о «сатанизме», который есть чёрная магия и полностью противоположен истинному спиритуализму, оккультизму и теософии, но это лишь печальное извращение могучей и славной силы, которая, будучи правильно понята и мудро применена, способна внести огромный вклад в благо человечества. Несмотря на постоянно повторяемое утверждение, что современные тенденции Франции атеистичны, ничто не может быть дальше от истины, если говорить о её наиболее просвещённых гражданах. Республика действительно поставила государство выше церкви, но, тем самым, хотя она полностью секуляризовала

образование, она расчистила путь для нового и совершенно свободного исследования тайных сил природы, которое теперь можно вести бесстрашно, не опасаясь помех, если только не совершаются деяния, настолько противоречащие общим правам и свободам, что приходится прибегать к руке гражданского закона; в этом случае проступки ясновидцев, хиромантов, астрологов и прочих должны разбираться справедливо, точно так же, как сходные правонарушения, совершённые другими слоями общества. Ясновидцев во Франции много, и они часто весьма надёжны, хотя слишком многие провидцы и провидицы чрезмерно склонны распространяться о тёмной стороне всего, что они психически различают. Франция — удивительно впечатлительная страна; сама её атмосфера, кажется, благоприятствует психическому развитию, а быстрая впечатлительность её жителей делает для духовных взглядов на жизнь гораздо менее трудным утвердиться там, чем в землях, где темперамент и привычки народа склоняются скорее к основательности, чем к переменчивости.

Влияние, которым обладала герцогиня Помар, было чрезвычайно велико, поскольку она сочетала значительные средства и высокое положение с

превосходной интеллектуальной подготовкой для литературных начинаний, в которых блестяще преуспевала. Много лет прекрасный ежемесячный журнал, который она редактировала, — *«L'Aurore»* — был изданием по преимуществу, где всегда можно было найти новейшие и самые блестящие высказывания величайших мыслителей Европы, бравшихся писать на психические темы. Когда эта поистине благородная дама перешла в жизнь духа осенью 1895 года, не нашлось никого, кто полностью заполнил бы место, оставленное доброй герцогиней; но, хотя это было буквально печальным фактом, повсюду поднялось множество достойных и способных мужчин и женщин, чтобы поддерживать и развивать интерес ко всему, что относится к психической стороне человеческой природы. Весьма популярный американский журнал Everybody’s Magazine опубликовал прекрасно иллюстрированную статью (март 1906 года) Вэнса Томпсона под названием «Невидимый мир», в которой публике был предложен взгляд на спиритуалистические и оккультные дела, который должен был стать великим откровением для тех отставших людей, кто не знает, что этот научный двадцатый век остро чувствует свидетельства бессмертной жизни и что европейские, как и

американские и австралийские, столицы являются центрами исследований, быстро ведущих к результатам, которые полностью разрушают материализм и одновременно обращают в бегство извращённый религиозный догматизм. Фотография штаб-квартиры спиритуалистов в Лондоне показывает прекрасное здание на Ганновер-сквер, в самом модном районе Вест-Энда, где находится знаменитая церковь Святого Георгия, известная как историческое святилище, в котором были заключены бесчисленные аристократические браки. Следующая иллюстрация показывает нам внутренность большого зала на улице д'Атен в Париже, где видно, как высокоблагородное собрание учёных мужчин и женщин сидит на заседании Общества психических исследований, президентом которого является профессор Шарль Рише. В председательском кресле этого общества в разное время сидели сэр Уильям Крукс, сэр Оливер Лодж и другие из числа самых выдающихся учёных нашего времени. Такие люди не шарлатаны и не жертвы обманщиков, и именно они и подобные им ведут сейчас сложные и тщательные исследования, приносящие обильные плоды, хотя применяемые меры часто кажутся убеждённым спиритуалистам излишне медленными и трудоёмкими, ведь для

них эти утомительные процедуры, по-видимому, не нужны; но им не следует упускать из виду важный факт: научный мир состоит не из люсидов и сензитивов, и посторонняя, нечувствительная публика требует отчёта о научно проведённых опытах, прежде чем принять как доказанные грандиозные, хотя по сути простые факты, за которые эти учёные мужи готовы поручиться.

Другая фотография показывает Фламмариона, читающего лекцию об одной из сторон спиритуализма, которым он глубоко и критически интересуется с юности. Знаменитости и их одобрение много значат для многих умов, и в некотором смысле справедливо, ибо люди, усердно посвящающие жизнь какой-либо отрасли науки, если только их исследования ведутся честно, по праву заслуживают нашего внимания и уважения. Нужен опытный наблюдатель и экспериментатор, чтобы тщательно взвесить все мелкие обстоятельства, и если ими пренебрегают, свидетельство, в остальном ценное, нередко остаётся решительно неубедительным.

Представлен также портрет майора Дарже, интересующегося оккультными вопросами; как первооткрыватель «N-лучей» он давно является

одним из блестящих и высокочтимых светил французских научных кругов.

Сейчас постоянно употребляется сравнительно новое слово —*метапсихический,* которое, несомненно, означает гораздо больше, чем старое «метафизический», и у него есть созвучный спутник — «сверхнормальный», во многом вытеснивший из словаря образованных людей древнее «сверхъестественный». Термины ценны постольку, поскольку ясно выражают идеи, и не более того; и если новое слово «метапсихический» окажется успешным претендентом на научные почести, пользующимся им учёным придётся точно определить, что они разумеют под «психическим», а затем определить и «мета», что в точном смысле означает «за пределами». Крайне глупое выражение «бессознательный ум», которое, к сожалению, мы обнаруживаем справляющим пышный праздник в респектабельной литературе, не передаёт среднему вдумчивому читателю никакой вразумительной мысли. «Сверх» и «под», означающие соответственно «выше» и «ниже», можно оставить как выразительные приставки, но «не» — отрицательная частица, а потому

определимая лишь как выражение отрицания. Бессознательного ума нет, хотя ум может проявляться на разных планах разными способами.

Учёные Европы, занятые борьбой с оккультными проблемами, несомненно, на пути ко многим ценным открытиям, но многие их нынешние позиции чисто предварительны, и, как они честно и бесстрашно признают, они не боятся временно выдвигать гипотезы, а затем отказываться от одной гипотезы в пользу другой, когда новые знания вынуждают занять более продвинутую позицию. «Всё возможно; ничто не доказано». Таково вступительное заявление, которое, вероятно, сделает научный исследователь, стоящий на пороге обширного неизвестного и отказывающийся объявлять что-либо *непознаваемым.* Так же мы изгоняем из своего словаря, стремясь к строгой научности в выборе терминов, такие привычные, но часто вводящие в заблуждение слова, как «невидимый», «неслышимый», «неизлечимый», «неисправимый» и многие другие того же рода. Вместо отвергаемых терминов мы по праву начинаем широко применять такие разумные и полезные слова, как «невидимый глазу», «неуслышанный», «неисправленный» и многие

другие сходного значения, которые не закрывают двери никакому исследованию, а лишь описывают сиюминутную и временную агностическую позицию, способную в любой момент уступить место гностической в результате успешного нового открытия.

Во многих кругах придают большое значение опасностям для неуравновешенных умов, проистекающим от слишком пристального внимания к таинственному; но, хотя осторожность, безусловно, необходима и были печальные катастрофы, по-видимому, вызванные неразумным баловством с «оккультным», нельзя забывать, что научные исследования вообще, как и дальнейшее применение принципов механики, никогда не обходились без некоторой доли опасности и трудностей. Поэтому по-детски глупо возражать против исследования на том основании, что у врат храма высшего знания в какой-то мере есть опасность и трудность. Где были бы великие железные дороги, каналы, электрические кабели и тысяча других ценных устройств в современном мире, если бы изобретатели и исследователи были напуганы от своей работы попугайскими криками тех, кого Лонгфелло так хорошо описал в своём

поэтическом перле «Эксельсиор», но чьим карканьям и предостережениям бесстрашный альпийский восходитель не внимал? Робкие люди со слабыми нервами и больным сердцем должны двигаться крайне осторожно во всех направлениях; но более сильные и здоровые представители человеческого рода никогда не удовольствуются следованием указаниям, рассчитанным лишь на нужды самых слабых. Но хотя на пути психических исследований есть и опасности, и трудности, жуткие стороны этого вопроса сильно преувеличены, и почти во всех случаях, когда безумие и преступление приписывали психическим исследованиям или развитию и упражнению «медиумизма», при более пристальном рассмотрении оказывалось, что к бедственным последствиям явно привели совсем иные причины, чем те, на которые указывали враги спиритуализма.

Религиозные пробуждения и все формы эмоционального возбуждения очень опасны для некоторых людей, и как бы мы ни желали реформировать спиритуалистические методы, как, несомненно, желаем реформировать и религиозную пропаганду, мы не можем сделать ни того ни другого, подвергая неразумному проклятию

всю систему оттого, что в ней проявляются некоторые серьёзные недостатки, остро нуждающиеся в исправлении. Элла Уилер Уилкокс дала множеству людей превосходный совет через газеты Херста, когда призвала астрологов, хиромантов, ясновидцев и всех, к кому публика обращается, чтобы «узнать свою судьбу», проявлять большую мудрость в своём ремесле, ибо здравый смысл и обширный жизненный опыт вполне убедили её, что люди будут расспрашивать о таинственном точно так же, как они ходят к врачам, юристам и многим другим, когда сомневаются или попадают в беду. Мы, конечно, не можем помешать упражнению психических даров или частному исследованию всего «оккультного», даже если закон запретит публичную практику; поэтому мы разумны лишь постольку, поскольку решаем принять существующее положение и извлечь из него лучшее поистине практическим способом — взявшись улучшать и облагораживать то, что нельзя упразднить.

Тёмные стороны парижского оккультизма не имеют никакого отношения ни к научным исследованиям, ни к спиритуализму, и хотя им уделяется немало рекламы, они оказывают лишь

очень слабое влияние за пределами наиболее нравственно развращённых слоёв общества. Картины духов, автоматически нарисованные рукой выдающегося гравёра Фердинанда Демулена, вызвали большое внимание парижан, а фотографии духов, за подлинность которых ручается знаменитый полковник де Роша́, также представляют значительный интерес.

Все эти вещи весьма удивительны, и вызываемое ими внимание — больше чем мимолётное, но даже эти чудеса, по мнению многих, бледнеют по своему подлинному значению перед удивительными исцелениями, которые постоянно удостоверяются компетентными свидетелями, знающими об огромной пользе, полученной многими страдальцами благодаря психическому лечению, или психотерапии, нередко неуклюже именуемой гипнотизмом; это название вводит в заблуждение, если не применять его исключительно к методам, вызывающим сон или как-либо с ним связанным, ибо *гипноз* от греческого *hypnos* всегда должен, строго говоря, означать состояние сонливости, а очень многие случаи психического исцеления не имеют ничего общего ни в каком смысле слова с каким-либо сомнамбулическим состоянием.

Профессор Дюрвиль, один из лидеров Магнетической школы (L'École Magnétique, улица Сен-Мерри, 25), недавно приобрёл большую известность, и в Париже есть немало других людей, перед которыми страждущая публика в большом долгу за избавление от мучительных недугов. Если утверждают, что нервные случаи и болезни воображения — едва ли не единственный тип недугов, успешно излечиваемых психическими методами, то пусть так, если это окажется верным; но даже сделав столь преувеличенное допущение, мы всё равно были бы обязаны с благодарностью признать, что действует благотворная сила, которая успешно справляется со многими самыми тёмными и мучительными заболеваниями, на каждом шагу ставящими в тупик искусство самых выдающихся врачей.

Телепатию те, кто усердно её изучал, называют «приобретённой достоверностью», и вместо того чтобы проявлять мудрость, сторонясь её, словно она противостоит общению с духами, спиритуалисты обнаруживают, что дело обстоит прямо наоборот: дальнейшие исследования в психологии всё более ясно доказывают, что телепатическая способность переживает физическое распадение и может

использоваться, и нередко используется, нашими бесплотными так же, как и воплощёнными друзьями, когда они стремятся общаться. Вэнс Томпсон говорит нам, что хотя признанная наука заходит не так далеко, как оккультизм, она, несомненно, выдвигает следующие положения:

1. В природе существуют некоторые неизвестные силы, способные воздействовать на материю.

2. Мы обладаем иными средствами познания, нежели разум или чувства.

Это второе утверждение относится к субъективным явлениям «метафизики», в которую входят телепатия, второе зрение, ясновидение и всё прочее, тесно связанное с такой широкой общей классификацией.

Говоря о французских учреждениях, мы не должны забывать упомянуть храм мартинистов (культа, основанного Клодом де Сен-Мартеном) в Латинском квартале (улица Секье, 13), главой которого является доктор Анкосс, известный как «Папюс». Это общество распространилось по всему миру и недавно весьма успешно утвердилось в Америке под руководством миссис Маргарет Пик, живущей в Сандаски, штат Огайо. Как автор

«Рождённой в пламени», «Зении-весталки» и других захватывающих оккультных повестей эта одарённая женщина — настоящая литературная знаменитость; а в Бостоне, где она часто бывает и где её высоко ценят, при содействии доктора Ф. Дж. Миллера, видного учителя и практика ментальной и духовной терапии, основана мартинистская ложа; первые её заседания проходили в кабинете доктора Миллера в отеле «Оксфорд» на Хантингтон-авеню в конце 1905 года. Сарду сделал многое для популяризации спиритуализма своими знаменитыми пьесами, и мы не видим разумных причин сомневаться, что вскоре театр станет одним из самых действенных помощников в распространении знания о психических силах, подобно тому как моралите и мистерии времён королевы Елизаветы влияли на распространение религиозных и этических взглядов той эпохи; и нельзя успешно отрицать, что в наше время очень популярны сильные пьесы, вводящие психический элемент.

В Италии все стороны психических явлений подвергаются тщательному изучению. Выдающийся Ломброзо и другие всемирно известные учёные светила принимают видное участие в психических

исследованиях и оказываются весьма настойчивыми и строго аналитическими исследователями.

Фанатичные церковники могут вопить «дьявол», а материалисты — насмехаться над любой попыткой сместить их излюбленные заблуждения, но спиритуализм пришёл, чтобы остаться, и хотя во многих кругах на него, к несчастью, навешены наросты, которые нужно удалить (и их уже удаляют), несомненно, что всеобъемлющая духовная философия — это философия грядущего, соединяющая науку с религией и возвращающая знание о духовной Вселенной вместе с принятием всего, что способна открыть опытная наука. Европа переживает духовное возрождение, и Франция возглавляет наступающие полчища, которые терпеливо и усердно идут вперёд ко всё большим победам.

ГЛАВА XVII

СОН КАК ВОСПИТАТЕЛЬ — ЕГО ДУХОВНОЕ НАЗНАЧЕНИЕ И ЦЕННОСТЬ

Самое поистине всеобщее из существующих средств общения с невидимой Вселенной — несомненно, сон. Его обычно считают лишь физиологической необходимостью, дающей мозгу и мышцам возможность восстановиться в периодическом покое, но на деле это благословенное средство, позволяющее всем нам наслаждаться общением друг с другом независимо от расстояния и любых иных материальных преград.

Принятое «масонское» деление суток на три периода по восемь часов в целом, безусловно, разумно: опыт показывает, что отличное здоровье и бодрость ума, как правило, сохраняются, если мы посвящаем восемь часов ежедневно привычным деловым занятиям, восемь часов — еде, одеванию, купанию и всевозможному отдыху, включая активные упражнения на свежем воздухе, и восемь часов — сну.

Шестнадцать часов при таком распорядке проходят в деятельности, и каждому нетрудно понять, как в эти две трети времени мы получаем наставление или, по крайней мере, способны его получать; но оставшуюся треть, восемь часов сна, многие считают почти потерянной с точки зрения образования. Поэтому многие люди деятельного нрава и честолюбивого склада жалеют времени, отдаваемого сну, и постоянно стараются его сократить, а к каким пагубным последствиям это ведёт, мы все знаем; едва ли что-нибудь очевиднее того, что недостаток сна — прямая дорога к безумию.

Это жалкое пренебрежение к «сладостному целителю природы, благодатному сну» порождено лихорадочным беспокойством, вызванным сверхфизическим представлением о жизни, в которое не допускается никакой духовный элемент как ощутимое благо. Пока мы спим, мы не пользуемся ни одним из физических чувств, и у тех, кто держится печного убеждения, будто знание можно получить лишь в полном бодрствовании, действуя материальными чувствами, должно возникать отвращение к любому явлению,

уводящему нас от деятельной внешней жизни, которая так занимает нас, что мы хотим отдавать ей всю свою энергию.

Если бы ложные представления о духовном и умственном назначении сна ограничивались признанными материалистами, удивляться было бы нечему; но мир, считающийся религиозным и читающим Библию, заблуждается в этом ничуть не меньше любого общества секуляристов, и поистине любопытно, что те, кто верит библейским учениям, пренебрегают сном или сомневаются, что сны часто бывают и значимыми, и пророческими.

Двое самых замечательных библейских персонажей носят почтенное имя Иосиф: один в Ветхом Завете, другой в Новом; и хотя нам говорят, что они жили с разницей во много столетий, они в равной мере примечательны удивительным характером своих снов и чудесным даром толкования.

Иосиф, носивший одежду из многих цветов, или «долгорукавную» одежду, как выражается Полихромная Библия, чтобы отличить его от братьев, менее просвещённых, чем он, был, согласно Книге Бытия, единственным человеком, у

которого во время недорода хватило проницательности так убрать хлеб, когда он родился в изобилии, что в запасе оказалось довольно, чтобы предотвратить голод в пору недостатка.

Фараон, природный царь Египта, видел сны, как их могут видеть все люди, но не мог сказать, что значит увиденное, и потому его сны, хотя сами по себе весьма значительные, оказались бы для него бесполезны, если бы не толкования Иосифа.

Сны обычно облечены в символы или аллегории. Семь лет изобилия представлены семью полными колосьями и семью тучными коровами, а семь лет недостатка — семью тощими колосьями и семью голодными коровами.

Видеть на четырнадцать лет вперёд кажется поистине чудесным, но это не совсем необычно: даже в недавнее время, ещё до того как к психическим проблемам вновь пробудился большой интерес, нередко случалось, что чуткие люди отчётливо видели события задолго до того, как те действительно происходили. Значит, высокоодарённых провидцев особенно занимает не простое видение снов, а лишь их толкование.

С любым предсказанием будущего всегда связана некоторая трудность, ибо вполне уместно спросить: как может провидец, сколь бы феноменально одарён он ни был, увидеть то, чего ещё не произошло?

Изобретательные объяснения чтения прошлого легко приходят на ум, и вполне допустимо, что природа ведёт книгу памяти, где верно записаны все события, и что к этому свитку записей провидцы и провидицы имеют особенно лёгкий доступ.

«Будущее скрыто в лоне прошлого».

Это оккультное изречение достойно глубокого размышления. Причины уже приведены в движение, и они уже сейчас порождают следствия, которые должны проявляться в правильной, неизбежной последовательности. Приняв это положение, вовсе не невозможно выстроить разумную рабочую гипотезу, объясняющую тот частый факт, что грядущие события постоянно предсказываются.

Опрометчивые догадки и произвольные утверждения, основанные на своеобразных взглядах некоторых людей на наиболее мистические места Библии, никогда не могут по

справедливости быть включены в перечень пророчеств: глупые и решительно не сбывшиеся предсказания, основанные на таком произвольном догматизме, не обнаруживают никакого духовного прозрения и не имеют практической ценности.

Всякое истинно пророческое видение имеет применение, и это применение поддаётся доказательству, как в случае обоих Иосифов из обоих Заветов. Говорится, что Иосиф из Нового Завета увидел во сне «ангела Господня», и, пока ему снилось, он получил от этого небесного вестника весьма важные сведения, согласно которым мог действовать и действовал успешно. Когда мы крепко спим и наш ум свободен от всех обычных дел, мы можем вести осознанную беседу с духовными существами, которых в иное время не слышим и не видим.

Ангелы, являющиеся нам в известные часы, не обязательно ближе к нам в эти часы, чем в другие времена, но наше восприимчивое состояние позволяет нам осознать их присутствие.

Выражение «бессознательный ум» почти непонятно, хотя доктор Скофилд и другие учёные и способные люди употребляют его; но если нельзя

разумно говорить об уме как о бессознательном, то вполне справедливо утверждать, что ум может действовать на различных планах сознания — настолько, что, когда мы полностью бодрствуем на одном плане, на другом мы крепко спим.

Два состояния — бодрствование и сон — настолько различны, что редко соединяются; так, в одном смысле мы не сознаём того, что происходит на одном плане действия, когда целиком поглощены происходящим на другом. Совершенно глубокий освежающий сон может быть никак не связан с обычными сновидениями, но, проснувшись, мы чувствуем себя и мудрее, и бодрее благодаря своему глубокому покою.

Память быстро слабеет и становится прерывистой, если сон нарушен, и нет худшей привычки, чем приучаться спать, как говорят, «с одним открытым глазом». Оба глаза должны быть совершенно закрыты, а уму следует позволить удалиться в иные области созерцания, нежели те, в которых он движется в часы рабочего дня.

Иосиф-плотник, занятый своим повседневным трудом, мог и не слыть в Назарете провидцем; любой посетитель, заставший его за привычной

ручной работой, увидел бы лишь усердного мастерового, поглощённого своим делом, но после рабочих часов, когда мастерская была закрыта и Иосиф удалялся на ночной покой, он был уже не плотником, а пророком. Ценная книга «Тайна сна» доктора Джона Бигелоу (Harper & Bros., Нью-Йорк и Лондон) предваряется следующей цитатой из Псалма 119: «Я помнил имя Твоё, Господи, в ночи и хранил закон Твой», а также таким изречением Ямвлиха: «Ночь тела есть день души».

Доктор Бигелоу много цитирует Сведенборга, с философией которого он во многом согласен, и нам стоит помнить, что одарённый провидец и мудрец Швеции утверждал, что духовный мир есть область причин, а материальное состояние — лишь область следствий, и он ясно учил, что, пока мы телесно спим, мы можем бодрствовать духовно.

Доктор Бигелоу настаивает: «Ни с каким разумным представлением о Божественном Промысле не согласуется то, что треть своей жизни мы проводили бы в условиях, где невозможен никакой духовный рост и развитие, а это было бы неизбежным следствием абсолютного покоя». Далее он продолжает: «Сон не означает и не подразумевает покоя в смысле бездеятельности или

праздности, душевной или физической», но «приостановка нашего сознания во время сна лишь временно прерывает наши связи с миром явлений и укрывает нас от его развлечений и соблазнов, без чего духовный рост и развитие — божественная цель нашего сотворения — были бы невозможны».

Приведённые фразы заслуживают глубокого вдумчивого чтения, и мы особенно рекомендуем их всем тем, кто называет себя религиозными, принимает как исторический факт все библейские повествования о просветлении во сне, но отвергает свидетельства нынешних провидцев о тех же явлениях.

Доктор Бигелоу последователен в своей религиозной вере и вместе с тем в высшей степени научен, когда говорит нам, что «ни физические, ни душевные перемены, которые, как мы сознаём, произошли с нами в часы сна, невозможно ни осознать, ни объяснить, если бы деятельность соответствующих способностей была приостановлена», и далее утверждает, что «невольное периодическое подчинение чувств сну есть один из жизненно важных процессов духовного возрождения, без которого такое

возрождение было бы невозможно, о чём свидетельствует тот факт, что важнейшие события в истории нашего рода были начаты во время сна».

Последнее — смелое утверждение, но мы полагаем его верным, и если бы мы уделяли больше изучения, чем уделяем, происхождению великих движений, приведших к всеобщему просвещению, а также свидетельствам действительно влиятельных мужчин и женщин об их собственном сне и о том, что он им принёс, мы пересмотрели бы своё суждение о пользе этого великого посвятителя в духовные тайны.

Одно из сильнейших утверждений доктора Бигелоу неопровержимо, ибо никто не может отрицать, что «все добродетели благоприятствуют сну, а все пороки его отпугивают». Другое его заявление — что «разница между сном и смертью может быть скорее разницей в длительности, чем в состоянии» — получает множество подтверждений как от провидцев древности, так и от провидцев нового времени, хотя люди, не способные различить, что человек здесь и сейчас есть духовное существо и что лишение материального тела означает не более чем отсутствие материального орудия, нередко решительно это отрицают.

Сновидения, несомненно, суть лишь переживания, с которыми мы сталкиваемся при переходе из одного состояния сознания в другое. Вот почему, когда мы просыпаемся поспешно, например от тревожного сигнала, мы редко отчётливо помним свои сны, а когда пробуждаемся постепенно, то часто помним каждую подробность.

Стремясь взрастить то, что Джордж дю Морье в «Питере Иббетсоне» называет «истинным сновидением», мы должны приучить себя засыпать, спокойно и уверенно размышляя о каком-нибудь определённом предмете, с которым хотим быть связаны во сне, или о каком-нибудь друге, от которого мы были бы рады получить весть.

Есть много друзей, которые, будучи физически разделены, очень близки духовно, и хотя порой они получают некоторое смутное предчувствие психической связи, общее их ощущение таково, что материальные обстоятельства удерживают их порознь. Крайний случай — двое главных героев увлекательного рассказа дю Морье, основанного на подлинной автобиографии. Нечасто бывает, чтобы такой человек, как «Питер Иббетсон», был приговорён к пожизненному заключению, или чтобы такая женщина, как «герцогиня Тауэрс»,

столько лет оставалась совершенно верной (даже в мыслях) другу детства при столь исключительно тяжёлых обстоятельствах, но драматические яркие акценты необходимы, чтобы должным образом подкрепить учение, которое разъяснил дю Морье.

Почти тридцать лет эти мужчина и женщина ночь за ночью общались в своём чудесном сказочном дворце, который рухнул, когда добрая женщина перешла в жизнь духа; но хотя в посмертном состоянии она уже не могла общаться со своим одиноким, убитым горем другом, как в прежние дни, вскоре были найдены средства общения, и общение с духами в полном смысле слова стало в их судьбе доказанной действительностью.

Исправленный перевод Псалмов даёт гораздо более ясное представление о подлиннике, чем старый перевод, который, хотя и не обязательно неточен, часто тёмен и неудовлетворителен. «Он даёт возлюбленным Своим сон» — прекрасный девиз, но Псалом 127, из которого он взят, на самом деле говорит гораздо больше, ибо провозглашает: «Он даёт возлюбленным Своим во сне», ясно учит о наставлении во время дремоты.

Часто признают, что замечательное просветление может прийти в периоды экстаза или транса, но истинный экстаз, или исступление, почти не отличается от обычного глубокого покоя, за исключением случаев, как у Сведенборга и нескольких других исключительно феноменальных провидцев, когда оба состояния сознания — бодрствование и сон — переживались одновременно.

Для изучающего Евангелие нет ничего значительнее рассказа о том, как Иисус крепко спал во время бури на одном из галилейских озёр, тогда как его ученики, находившиеся с ним в лодке, не могли спать, страшась кораблекрушения.

Крайне нездоровое учение, увлёкшее некоторых истеричных людей, будто по мере нашего духовного роста мы будем обходиться без сна, жутко и в высшей степени лживо, и такая доктрина всегда связана с болезненным страхом потерять или растратить время, словно напряжённая внешняя деятельность есть вечная необходимость, чем она решительно не является.

Люди, жалеющие времени на отдых, никогда не сохраняют своих бодрых сил до зрелых лет, а плоды их трудов отмечены печатью лихорадочной спешки или мучительной вялости. Чем более мы становимся духовно настроенными, тем спокойнее наш сон, и любому внимательному наблюдателю не придётся далеко ходить, чтобы отыскать происхождение приятного и распространённого выражения «они спят сном праведных».

Где есть духовная нищета, там велика нужда в телесной бдительности, и потому сон внушает страх как враг, лишающий нас настороженности; но как только мы вырастаем до сладостного сознания духовного покоя, наши тела наслаждаются тем спокойным естественным сном, который всегда друг здоровья и разрушитель безумия.

Применять искусственные средства, например ядовитые снадобья, чтобы вызвать сон, решительно ошибочно, а видения, вызываемые искусственным сном от опиума, гашиша или любого другого сильного и притупляющего наркотика, обычно ненадёжны.

Гипнотическое лечение, вызывающее искусственный сомнамбулизм, служит предметом немалой критики, и есть лишь один способ разумно разобраться в его притязаниях — чётко различать утверждения, которые делают признанные сторонники и хулители всех гипнотических методов. Замечательная работа доктора Джона Куакенбоса из Нью-Йорка вызвала ожесточённые споры вокруг слова «гипнотизм», главным образом из-за того, что гипнотическим (усыпляющим) назвали процесс там, где намерение и результат были направлены целиком на то, чтобы пробудить пациента от затянувшегося сна, который, продлись он дольше, привёл бы к физическому распаду.

В феврале 1906 года о докторе Куакенбосе много писали как о враче, который лечением внушением вернул здоровье молодой женщине, находившейся при смерти: властный призыв доктора вернул её к земному существованию, и она откликнулась. Хотя во многих газетах это ошибочно объявили случаем успешного гипнотизма, на деле всё было как раз наоборот, и это вызвало следующий разъясняющий комментарий мисс С. К. Кларк, известной практикующей духовную целительницы; она настаивает, что духовное исцеление — нечто

совершенно отличное от гипнотизма, и это действительно так: в одних случаях духовное лечение вызывает необходимый сон, но никогда не навязывает его, тогда как неприятной чертой гипнотизма всегда была связанная с ним идея более или менее сильного умственного принуждения.

Следующий отрывок из *«Баннер оф Лайт»* от 17 февраля 1906 года излагает дело столь беспристрастно, что комментировать объяснения мисс Кларк было бы излишне:

«В номере *«Баннера»* от 10 февраля доктор Джон Д. Куакенбос приводит случай исцеления молодой женщины в результате гипнотического внушения под заголовком „Гипнотизм побеждает смерть“.

«Пишущий эти строки просит позволения возразить и подчеркнуть, что гипнотизм в чистом виде не имел никакого отношения к описанному исцелению. Гипноз, как говорит само слово, — это искусственный сон, в котором душа subject’а лишь наполовину сознаёт себя и подчиняется диктату другой, более сильной воли. В данном же случае была лишь обращённая сильной, здоровой душой просьба к вялой, оцепеневшей душе пациентки

пробудиться и заявить о себе; дремавшее сознание тогда откликнулось на зов и вышло вперёд, чтобы вновь взять под управление и вдохновение собственный организм. Разум пробудился, а не был усыплён, — состояние, противоположное гипнозу. Это и есть духовное исцеление, проявленная сила царствующей души, и им постоянно пользуются те, кто не практикует гипнотизм, кто может „показать вам путь превосходнейший“, те, кто охотно служит добровольным орудием, через которое божественные силы могут принести крещение здоровьем и силой.

«Один видный профессор Гарварда, сам сторонник гипнотизма, как-то заявил, что „действие гипнотизма всегда поверхностно и временно“. Достойный доктор Куакенбос (быть может, и не сознавая этого) несомненно обладал сильным даром исцеления, властной душой; ибо разум сам по себе не имеет целительной силы, действенность человеческой воли ограничена, но возможности освобождённого духа в его единении с Всемогуществом безграничны».

Во время естественного сна часто удаётся сделать много добра в воспитании детей: спящие, они нередко очень восприимчивы к верным

внушениям, которые обращены прямо к их высшему сознанию, бодрствующему в этот миг. Способы могут быть различны, но чтобы дать внушение, никогда не нужно ни будить спящего ребёнка, ни усыплять бодрствующего.

Когда ребёнок спит естественным сном, вы можете подойти к его постели и начать говорить со спящим мягким, но решительным голосом. Если ребёнок проснётся, продолжайте разговор, но не повышайте голос до возбуждённого тона и не говорите высоко или резко. Говорите со спящим тихо, ласково, твёрдо, с уверенностью в каждой интонации, и, поскольку любые внушения, чтобы быть действенными, должны быть чисто утвердительными, упоминайте только те добрые привычки, которым вы хотите помочь ребёнку научиться.

Внутреннее сознание спящего охотно принимает добрые внушения, которые вы ему ласково делаете, и они погружаются в то, что некоторые современные психологи называют «подсознательным я» или «субъективным разумом», и, найдя там приют, образуют основу для будущего внешнего поведения.

Нельзя отрицать, что ночью мы нередко наслаждаемся духовным общением, и совершенно неверно отрицать, что, крепко спя, мы получаем сведения, которыми потом обладаем и пользуемся днём, хотя и можем не помнить, когда и как их получили.

Главная трудность для тех, кто утверждает, что во сне сознание отсутствует, в том, что они не понимают: мы можем временно забыть пережитое во сне и, хотя какое-то время о нём не помним, всё же способны это вспомнить. Память и припоминание — не одно и то же. У всех нас памяти больше, чем припоминания, и когда люди стремятся «улучшить память», они на самом деле хотят полнее овладеть припоминанием.

Мы все знаем, как часто мы помним, забываем и снова вспоминаем. Каждый сознаёт, насколько полностью некоторые факты ускользали из нашей памяти, нередко надолго, а потом совершенно неожиданно эти воспоминания оживают, по-видимому, без всякого внешнего толчка. Эти факты следует взвесить гораздо тщательнее, чем это обычно делается, и тщательное их взвешивание неизбежно приведёт к тому, что мы объясним их одним из двух способов: либо признаем, что в нас

заключено хранилище знаний, гораздо большее, чем мы себе приписываем, либо прибегнем к теории невидимых духовных подсказчиков, которые могут дать необходимый толчок, чтобы пробудить наше дремлющее сознание.

Во время сна можно получить множество интересных и ценных результатов, и среди них следует отметить пользу и просветление, которые мы часто обретаем во сне, если перед засыпанием правильно настроили свой ум на восприятие знания.

Несколько примечательных исторических случаев поистине знаменитых людей помогут читателю в честной попытке проверить наше главное утверждение. Пьесы Шекспира изобилуют упоминаниями о сне, и среди самых ярких мест можно указать на эпизод с Брутом в «Юлии Цезаре», который не может уснуть, едва начинает вынашивать мысль, что Цезаря надо предать смерти ради освобождения Рима.

Затем в «Генрихе VII» мы находим эти волнующие слова, описывающие, как душевные муки лишили короля сна:

«Сколько тысяч беднейших моих подданных
В этот час спят! О нежный Сон,
Мягкая кормилица природы, чем я тебя spугнул,
Что ты больше не отягощаешь мои веки
И не погружаешь мои чувства в забвение?»

Почти повсеместно господствует заблуждение, будто в церкви, на концерте или на лекции мы не можем получить никакой пользы, если спим. Такую ошибку необходимо решительно опровергнуть, и все, кто искренне заинтересован в лечении нервных недугов, должны первыми энергично протестовать против столь губительного для нервов заблуждения.

Есть много благонамеренных людей, которые с большим удовольствием бывали бы на вечерних собраниях разного рода, если бы их не удерживал страх уснуть во время публичных занятий. Этим заблуждающимся людям нужно изучить литературу классических времён и узнать, сколько добра страдальцы обычно получали, засыпая в освящённых храмах; а так как современные церкви приглашают публику войти для молитвы, размышления и отдыха, церковные здания вполне могут использоваться для всех этих целей, как по отдельности, так и вместе.

Трудящиеся люди по вечерам часто бывают сонливы, но им нужны перемена и отдых, а их не получить, оставаясь дома, когда сильно тянет пойти куда-нибудь ещё. Новая атмосфера, наполненная радостными и бодрыми мыслительными токами, нередко необходима, чтобы восстановить силы усталого человека, и после двух-трёх часов, проведённых в такой оживляющей обстановке, уже не уставший рабочий или работница могут вернуться домой или на квартиру и спокойно проспать всю ночь.

Мы часто слышим, как люди восклицают, что они слишком устали, чтобы спать, и это действительно так, но эту усталость нередко можно быстро преодолеть в иной, приятной обстановке. Доктор Бигелоу очень мудро говорит нам: «Нередко те, у кого нет ни привычки, ни склонности спать в утренние часы будних дней, бывают одолены сонливостью в церкви вскоре после начала богослужения и не могут извлечь из него никакого назидания, пока на минуту-другую не потеряют себя в полном бесчувствии.

Тогда им уже нетрудно, а порой и очень приятно следовать дальнейшему ходу службы. Молящийся тогда отторгнут от привычного возбуждения

обычных занятий. Нелепо полагать, будто за эти несколько мгновений покоя, сидя прямо на своей скамье, он отдохнул достаточно, в обычном смысле этого слова, чтобы восполнить какую-либо потерю тканей, которая объяснила бы последовавшее новое чувство освежения.

В этом кратком уединении от мира он получил некое подкрепление, которое, очевидно, не зависит в своём действии ни от времени, ни от пространства, — только духовное подкрепление. Он удалился, или был удалён, дальше от поля зрения, слуха и мысли, так сказать, своей феноменальной жизни и ближе к источнику всякой жизни».

Страбон, говоря о Моисее, которого он называет египетским жрецом, упоминает, что тот вывел последовавших за ним людей из городов в открытую местность, потому что там они могли легче общаться с Божеством; он также упоминает святилище без идолов, где великие благословения даровались тем, кто спал в нём.

Говорят, что знаменитый греческий храм, посвящённый Эскулапу, исцелил множество людей, спавших в нём. Во многих случаях, как рассказывают, владычествующее божество

открывало страждущим во сне, как им следует поступать, чтобы избавиться от угнетавших их недугов. Один из самых известных зафиксированных случаев замечательного озарения, полученного во сне, насчитывает две тысячи лет.

Запись сделал Цицерон, а Макробий обнаружил её, когда её считали утраченной на протяжении пятнадцати веков. Видение Публия Корнелия Сципиона, второго Сципиона Африканского, когда он был военным трибуном в Африке и гостем царя Массиниссы, служит поразительным подтверждением того озарения, которое мы можем получить, пока наша душа духовно отрешена от всякой связи с феноменальным миром, где проходит наше бодрствующее сознание.

Сципион рассказывает, что после долгих бесед о политике и государственном управлении, и особенно о своём прославленном предке, первом Африканском, на него сошёл более глубокий, чем обычно, сон, в котором предок очень отчётливо явился ему и сказал, что спасение отечества целиком зависит от него; в то же время предок возвестил младшему Сципиону, что его ожидает

много опасностей, но заверил его, что если он будет верен в исполнении каждого своего долга, то после смерти его ждёт особое состояние блаженства.

Сципион говорит, что, хотя он был в ужасе — не столько от перспективы смерти, сколько от мысли, что доверенные друзья оказываются предателями, — он спросил дух об отце своём Павле и о других, кого считал умершими; дух ответил ему такими словами: «Они поистине живы, ибо вырвались из оков тела, как из темницы».

Тогда Сципион спросил, почему, если жизнь за гробом славнее нынешнего существования, ему не поспешить к ней, и получил верный ответ от Павла, который также явился ему: «Нет, сын мой; пока тот Бог, чей храм — всё это, что ты видишь, не освободит тебя из заточения в теле, тебе нет доступа сюда: ибо люди сотворены на том условии, чтобы они охраняли тот шар, который ты видишь посреди этого храма и который называется землёй.

И душа дана им от тех горних огней, которые вы называете созвездиями и звёздами и которые, будучи шарообразными, одушевлены божественным духом и с удивительной быстротой совершают свои круги и обращения. Поэтому ты,

мой Публий, и все добрые люди должны хранить свои души в охране тел и не должны покидать земную жизнь без повеления Того, Кто даровал их вам, чтобы не показалось, будто вы бежите от долга человека, возложенного на вас Богом».

После этого вступления против самоубийства отец преподал сыну много доброго учения, и когда духи исчезли, Сципион пробудился ото сна. В этом прекрасном древнем свидетельстве мы имеем лишь один из многих поразительных рассказов, доказывающих, как выдающиеся люди всех веков пользовались духовным просвещением во сне; и то, что случалось в былые дни, случается и теперь, и может и будет случаться всякий раз, когда для этого предоставляется возможность.

ГЛАВА XVIII

ДУХОВНЫЙ МЕДИУМИЗМ — РАЗУМНЫЕ ВЗГЛЯДЫ НА МЕДИУМИЗМ В СОПОСТАВЛЕНИИ С ПОПУЛЯРНЫМИ ЗАБЛУЖДЕНИЯМИ О НЁМ

МНОГИЕ читатели современной литературы, посвящённой психическим вопросам вообще, должны быть крайне сбиты с толку поразительно расходящимися мнениями разных авторов, которые пытаются разрешить сложный вопрос о человеческой восприимчивости с помощью единственной натянутой гипотезы. Эти разноречивые гипотезы различных теоретиков нередко торжественно преподносятся как окончательные и непререкаемые, вследствие чего многие поверхностные читатели, которых легко пленяют претенциозные утверждения, без какого-либо собственного исследования присоединяются к той теории, которую выдвигает автор, чьи взгляды им случилось полюбить. После выхода в свет «Закона психических явлений» Хадсона появился ряд писателей и лекторов, которые на основе знаменитой теории Хадсона о «двух умах» взялись объяснить всякое свидетельство в пользу

спиритуализма, призывая «субъективный ум» объяснить всё, что нельзя объяснить обманом. Если есть теория, не допускающая никаких ограничений, и твёрдая решимость объяснять ею всё, то путь к разрушению любого свидетельства, противоречащего ей, сразу расчищен. Хадсон написал много хорошего, и его вклад в литературу современной психологии бесспорно ценен, но его взгляды на спиритуализм нередко граничат с абсурдом, и уж конечно их не поддерживают подлинно научные люди, проводившие самостоятельные исследования. Самые нелепые выводы Хадсона, которые, несомненно, не оправданы его собственными исходными посылками, поддерживают Генри Фрэнк и многие другие популярные ораторы, которые с большим энтузиазмом делают в публичных выступлениях и в печати заявления, оказывающиеся при беспристрастном рассмотрении настолько односторонними, что обладают весьма малой философской ценностью, если вообще обладают ею. Допустим теперь, что гипотеза о двойственном уме верна, а это отнюдь не неразумно, даже если мы воспользуемся терминологией Хадсона и будем настаивать на «объективном» и «субъективном» как на терминах, подлежащих всеобщему

употреблению: и тогда нет никакого прочного основания ни для отрицания общения с духами, ни для неодобрительных отзывов о медиумизме. Вторая популярная книга Хадсона из серии в пять книг называется «Научная демонстрация будущей жизни». В этом томе он старался доказать, что «субъективный ум» есть средоточие телепатической способности и что главное поле его деятельности — жизнь за гранью смерти. Если принять это утверждение в полной мере, оно не может подкрепить никакого отрицания общения с духами, ибо ни один автор не ручался за факты телепатии более доблестно, чем Хадсон. Если допустить, что два «субъективных ума» настолько находятся в раппорте, что один может внятно общаться с другим, пока оба ещё связаны с «объективными умами» до физического распада, то нет оснований полагать, что такое же «субъективное» общение не может продолжаться после того, как «объективный ум» одной из общающихся сторон исчез со смертью физического тела.

Хотя слово «медиумизм» объявлено под запретом и многие авторы, любящие безапелляционные утверждения, причисляют его к безумию и всевозможным патологическим и даже преступным

состояниям, здравое рассмотрение его истинной природы и подлинного значения позволит любому разумному изучающему психологию без особого труда отличить здоровые симптомы от нездоровых. Мы признаём, что люди высокой чувствительности обычно отличаются напряжённым нервным темпераментом и, если окажутся в неприятной и нездоровой обстановке, склонны страдать недугами, обычными для их типа, но такое признание лишь призывает к осторожности и никогда не ведёт логически к осуждению медиумизма в целом. Если мы сумеем отделить зёрна пшеницы от вороха половы и отсеять здоровое зерно от буйно разросшихся плевел, которые мы находим в таких книгах, как «Великое психологическое преступление», объявленная Генри Фрэнком авторитетной («Знамя света», Бостон, 13 января 1906 г.), то увидим, что основа всех воплей против медиумизма в том, что он подвергает медиума управлению и принуждению со стороны невидимого, а нередко и неведомого источника и что такое подчинение одной воли другой вредно для здоровья и характера. Что в таком утверждении есть доля смысла, не станет отрицать ни один разумный человек, но мы готовы полностью опровергнуть намёк на то, что медиумизм

обязательно есть нечто иное, чем добровольная восприимчивость, позволяющая двум или нескольким друзьям наслаждаться общением друг с другом. Если признать явления телепатии законными (а ни Хадсон, ни его последователи, по-видимому, никогда её не осуждают), то логически следует, что простой медиумизм не включает ничего, кроме практики телепатии, распространённой на посмертное состояние, которое, если теория Хадсона верна, есть лишь переживание функции «субъективного ума», всегда участвующей в каждом телепатическом акте. Некоторым людям, видимо, невозможно составить сколько-нибудь ясное представление о том, чем может быть так называемое «следующее» или «будущее» состояние человека, и из-за того, что выдумана грубая теория, не имеющая никакого основания ни в фактах, ни в разуме, будто в миг физического перехода происходит какая-то чудесная и немыслимая перемена, нам твердят либо что общаться с друзьями, покинувшими свои земные тела, крайне опасно или прямо дурно, либо что это для нас невозможно. Ни Ф. У. Г. Майерс в своём монументальном труде «Человеческая личность и её переживание телесной смерти», ни Майнот Дж. Сэвидж в «Жизни за гранью смерти» и

«Может ли телепатия объяснить?», ни профессор Хислоп в «Науке и будущей жизни» не впали в подобную ошибку, и мы советуем внимательно прочесть упомянутые книги всем, кто желает ознакомиться с трезвыми высказываниями непредубеждённых людей высокого интеллекта, не позволивших предрассудкам исказить своё суждение. Что слово предостережения следует адресовать впечатлительным и непродуманным любителям психических опытов, мы вполне признаём, но слова предостережения надо произносить осторожно и без предубеждения, если они должны принести пользу. Медиумизм, понятый разумно, представляет две различные стороны, или два аспекта, которые в некотором смысле диаметрально противоположны, и мы полагаем, что противникам медиумизма знаком лишь один из них. Предосудительный, нежелательный аспект вопроса граничит с тем, что доктор Дж. М. Пибблс и многие другие влиятельные спиритуалисты называют «одержимостью» — это значит, что один ум настолько подпал под власть другого, и притом весьма грубого или искажённого, что умственная свобода личности невозможна, пока «одержащее» влияние не будет устранено. Разношёрстные публичные собрания, на которые люди сходятся со

всевозможными смешанными побуждениями и в самых разных нравственных, умственных и физических состояниях, служат источником серьёзной опасности для людей высокой чувствительности, слабых и податливых по характеру и не выработавших вокруг себя защитной ауры. Мы также можем со спокойной совестью выступать против любых попыток использовать какой-либо психический дар или способность ради иной цели, кроме благородной, и если бы осуждение медиумизма или медиумических практик было направлено исключительно против пагубных обычаев, мы горячо поддержали бы даже анафему, обращённую против извращений. Но нельзя позволять себе смешивать невинное с порочным, полезное с вредным, хотя именно так и поступают сенсационные витии, ратующие против медиумизма вообще. Очень много добра часто достигается через ясновидение и ещё больше — посредством ясночувствования, и нередко послание духа, переданное через медиума в трансе, приносит утешение скорбящим и нужное наставление недоумевающим. Домашние кружки, правильно проводимые в чистой атмосфере и с благородными стремлениями, дают превосходные результаты, и вполне доказано, что медиумизм, практикуемый в

такой обстановке, способствует укреплению здоровья и росту умственного и нравственного развития. Утверждали, будто индейские духи всегда проявляются на ранних стадиях медиумического развития и будто это свидетельствует о том, что «субъективный ум» вновь проявляет некие наследственные состояния, остатки которых содержатся в нём, и добавляли, что это доказывает регресс, или возврат к какому-то первобытному состоянию. В ответ на это глупое и почти беспочвенное утверждение нам достаточно обратить внимание на то, что нигде, кроме Америки, индейские духи обычно не проявляются, разве что американская медиум отправится в другую страну и представит своих невидимых спутников иностранной аудитории; и пусть будет также памятно, что очень большой процент людей американского происхождения не происходит от североамериканских индейцев, как и уроженцы европейских стран, которые редко, если вообще когда-либо, извлекают индейских духов из своего подсознания на начальных стадиях медиумического развития. Откуда же тогда доказательство атавизма? Подлинное различие, которое всегда следует подчёркивать, между разновидностью восприимчивости, которая может

быть своего рода пережитком прошлого, и совершенно иной её разновидностью, предвещающей более высокое состояние будущего, в том, что первая всегда непроизвольна, или подволевая, хотя и не всегда вредна, а вторая всегда произвольна, или волевая. Восприимчивость нуждается в упорядочении и контроле, и нам никогда не следует позволять ей управлять нами. Давно пора разумным спиритуалистам занять твёрдую позицию по этому вопросу, и ввиду огромного множества споров, всё ещё идущих вокруг доводов за и против медиумизма, было бы целесообразно издать некое умеренное по тону руководство, излагающее, что желательно и что нежелательно на пути медиумизма и его развития. Трудно, по-видимому, найти счастливую середину между двумя крайностями, поскольку большинством людей руководят скорее чувства, чем логика; однако работу необходимо сделать, и браться за неё мы должны не с иным духом, чем с духом совершенно беспристрастной открытости ума. Всюду, где мы замечаем признаки болезни и вырождения, сопровождающие практику медиумизма, нам следует бесстрашно искать причину, но не слепо бросать огульное обвинение

против медиумизма в его простоте или целостности только потому, что порой при нём обнаруживаются те или иные побочные отклонения.

Будь мы как народ в целом менее склонны уступать моде и подчиняться обычаям и условностям, сколь бы глупыми или вредными они ни были, мы скоро увидели бы отрадное для души уменьшение тех отклонений, которые действительно порой сопровождают медиумизм, но ни в каком истинном смысле не являются его законным или необходимым порождением. Против управления и принуждения предостерегать вполне уместно, но добровольная восприимчивость к общению с друзьями и помощниками из мира духов не признак вырождения и не шаг в сторону безумия. Хотя ноты разумного предостережения часто необходимо подавать, предостережения должны быть направлены только против злоупотреблений; они бессмысленны и неизбежно бьют мимо цели, когда принимают форму огульного осуждения. Медиумизм хорош, дурно только его злоупотребление. Беспристрастному изучающему литературу современного спиритуализма, которая начала накапливаться почти сразу после того, как «Рочестерские стуки» произвели всемирную

сенсацию в 1845 году, должно казаться, что ни в один прежний период истории этой планеты не было установлено более полных свидетельств, чем те, что были собраны и удостоверены в течение девятнадцатого века, чтобы убедить даже самых скептических исследователей в том, что физический распад не есть конец нашей сознательной индивидуальности.

ГЛАВА XIX

МИР ДУХОВ — ТАКИМ, КАКИМ ЕГО ВИДИТ И ОПИСЫВАЕТ ТОТ, КТО ЧАСТО ЕГО ПОСЕЩАЛ

ЧАРЛЬЗ У. ЛИДБИТЕР приносит большую пользу как наставник и истолкователь духовной философии, находя много общего между спиритуализмом и теософией, когда обе правильно поняты. Мы поместили этот рассказ о чудесном ясновидении между главами, посвящёнными нашим собственным суждениям об этих и подобных великих вопросах, чтобы предложить читателям

независимое свидетельство, весьма существенно согласующееся со взглядами автора, основанными на очень сходном опыте.

Следующие поистине замечательные утверждения взяты (с небольшими сокращениями) из статей, опубликованных в Чикаго в феврале 1906 года, сначала в газете *«Tribune»,* а затем в *«Progressive Thinker».* Нам особенно приятно представить эти выдержки нашим читателям, потому что они ярко иллюстрируют те видения мира духов, которые часто созерцают современные провидцы.

«В видениях и снах я вижу сияющие яшмовые стены», — пел поэт «Обители души». Но Ч. У. Лидбитер в полном бодрствующем сознании видит всё то, чего не видел глаз и не слышало ухо на земле, — славу небесного мира. Он видел и познал седьмое небо. И то, что сделал он, по его словам, может сделать каждый.

Лишь наша неразвитость, утверждает мистер Лидбитер, лишь ограничение, налагаемое на нас этим одеянием из плоти, мешает нам полностью осознать, что вся слава высшего неба окружает нас здесь и сейчас и что влияния, исходящие из того

мира, непрестанно воздействуют на нас, если только мы захотим понять и принять их. «Не жалуйтесь и не плачьте, — сказал некогда великий учитель, — но откройте глаза и смотрите. Свет вокруг вас, стоит лишь сбросить повязку с глаз и взглянуть. Он так чудесен, так прекрасен, так далеко превосходит всё, о чём человек мечтал или молился, и он пребудет во веки веков».

Мистер Лидбитер, обученный оккультист, развил свои высшие чувства, свои оккультные способности, благодаря которым ему видны небесные духовные области, закрытые для плотских глаз. Эти небесные области — миры более тонкой субстанции, чем физический мир, проникающие в него и потому окружающие нас повсюду. Небо — это мир мысли, умственный план, как называют его оккультисты, прежде всего состояние сознания, ибо «царство небесное» «внутрь вас». Астральный план — мир чувства; физический план, привычная земля ощущений, — мир действия. Тело действия — физическое тело, тело эмоций — астральное тело, тело мысли — ментальное тело. Бессмертная душа, живущая вечно в небесном мире, сообщается с физическим миром посредством физических

воздействий, передаваемых физическому мозгу, оттуда астральному и затем ментальному телу. Душа — это бессмертный мыслитель и эго.

Научный оккультизм развивает способности высших тел, позволяющие нам видеть эти небесные области, лежащие повсюду вокруг нас. Так мистер Лидбитер научился путешествовать вверх через семь небес. Сияющее ощущение не только желанного отсутствия всякого зла и разлада, но и настойчивого, всепоглощающего присутствия всеобщей радости — первое и самое поразительное чувство, которое испытывает вступающий в небесный мир, сообщает посетитель. И оно не покидает его, пока он остаётся там, а тот, кто однажды испытал его в полном сознании, навсегда будет смотреть на мир совсем иными глазами.

Пусть человек представит себя с этими чувствами глубочайшего блаженства и необычайно возросшей мощи парящим в море живого света, окружённым всевозможным разнообразием красоты красок и форм — и всё это меняется с каждой волной мысли, которую он посылает из ума, и оказывается, как он вскоре обнаруживает, лишь выражением его мысли в материи этого плана и в его элементальной сущности. Ведь эта материя того же порядка, что и

материя, из которой состоит само тело ума, и потому, когда возникает то колебание частиц тела ума, которое мы называем мыслью, оно тотчас распространяется на окружающую умственную материю и вызывает в ней соответствующие колебания, а в элементальной сущности отображается с совершенной точностью. Конкретная мысль, естественно, принимает форму своих предметов, тогда как отвлечённые идеи обычно изображают себя всевозможными совершенными и геометрическими формами.

Если посетитель желает рассмотреть план, на котором оказался, ему необходимо на время тщательно остановить свою мысль, чтобы её творения не влияли на легко поддающуюся впечатлениям материю вокруг и не изменили тем самым все условия, насколько они касаются его. Он начинает понимать, что всё это великолепие — не праздное или случайное зрелище; он обнаруживает, что во всём есть смысл, смысл, доступный его пониманию; и вскоре постигает, что то, за чем он наблюдает в таком восторге, — просто великолепный цветовой язык ангелов, выражение мысли или беседа существ, стоящих на лестнице эволюции гораздо выше его.

Опытом и упражнением он обнаруживает, что и сам может пользоваться этим новым и прекрасным способом выражения, и этим открытием вступает во владение ещё одной обширной частью своего наследия в этом небесном царстве — способностью беседовать с его высшими обитателями и учиться у них.

Если посетитель хочет продолжить анализ этого плана и выяснить, каким он был бы, будучи совершенно ненарушаемым мыслью или беседой кого-либо из его обитателей, он может сделать это, создав вокруг себя огромную оболочку, сквозь которую не проникает ни одно из этих влияний, и, удерживая свой ум в полной неподвижности, исследовать условия внутри неё. Теперь он способен воспринять иную, совершенно отличную серию правильных пульсаций.

Они, очевидно, всеобщи. Они не вызывают изменения цвета, не принимают формы, но с неудержимой правильностью текут через всю материю плана, наружу и снова внутрь, подобно выдохам и вдохам некоего великого дыхания, лежащего за пределами нашего постижения.

Таких серий несколько, и они ясно различимы между собой по объёму, по периоду колебаний и по тону гармонии, который они несут, а величественнее всех проносится одна великая волна, которая кажется биением сердца системы: поднимаясь из неведомых центров на гораздо более высоких планах, она изливает свою жизнь по всему нашему миру, а затем в своём огромном приливе отступает к тому, откуда пришла. Она приходит одной долгой, волнообразной дугой, и звук её подобен шуму моря; и всё же в ней и сквозь неё всё время отдаётся мощный звенящий гимн торжества, музыка сфер. Кто однажды услышал эту славную песнь природы, тот уже никогда не утрачивает её совсем; даже здесь, на этом унылом физическом плане иллюзии, он слышит её всегда как некий подтон, постоянно удерживающий перед его умом силу, свет и великолепие подлинной жизни наверху.

Само чувство, которым он способен постигать всё это, — не последнее из чудес этого небесного мира; он уже не слышит, не видит и не ощущает отдельными ограниченными органами, как здесь, внизу; вместо них он чувствует в себе новую, странную силу, которая не есть ни один из них и всё

же включает их все и многое сверх того — силу, позволяющую ему, едва кто-либо или что-либо предстанет перед ним, не только видеть, ощущать и слышать это, но мгновенно знать всё об этом изнутри и снаружи: его причины, его следствия и его возможности. Он обнаруживает, что для него мыслить — значит осознавать; в непосредственном действии этого высшего чувства никогда не бывает ни сомнения, ни колебания, ни промедления. Если он подумает о каком-нибудь месте, он оказывается там; если о друге, этот друг перед ним. Каждая мысль и каждое чувство друга лежит перед ним раскрытой книгой. Всё знание доступно ему для поиска — всё, что не выходит даже за пределы этого возвышенного плана; прошлое мира открыто ему так же, как настоящее; неизгладимые записи памяти природы всегда в его распоряжении, и история, древняя или новая, по его желанию разворачивается перед его глазами.

Он может не только на досуге пересматривать всю известную нам историю, исправляя по ходу изучения многочисленные ошибки и заблуждения, вкравшиеся в дошедшие до нас рассказы; он может также по своей воле обозревать всю историю мира с самого его начала, наблюдая медленное развитие

разума. И его изучение не ограничивается одним лишь прогрессом человечества; перед ним, как в музее, все странные формы животных и растений, занимавшие сцену в те дни, когда мир был юн; он может проследить все геологические перемены, которые происходили, и наблюдать течение великих катаклизмов, которые вновь и вновь меняли лик земли.

Главная черта низшего неба — привязанность к семье или друзьям, бескорыстная, но обычно несколько узкая. Одной из первых, кого мистер Лидбитер встретил на небесах, была мать, умершая около двадцати лет назад и оставившая двух сыновей, к которым она была глубоко привязана. Естественно, они были самыми заметными фигурами в её небесной жизни, и столь же естественно она думала о них такими, какими их оставила. Любовь, которую она непрестанно изливала на эти мысленные образы, на деле действовала как благотворная сила, ниспосылаемая на уже взрослых мужчин в этом физическом мире.

Только по таким линиям возможно сознательное общение между теми, кто ещё заключён в физическом теле, и теми, кто перешёл в это небесное царство. Душа может ярко сиять через

свой образ в небесной жизни друга, а между тем друг в своих проявлениях через физическое тело на земле может совершенно не сознавать этого и потому полагать, что не способен общаться с ушедшим другом. Но если эта душа развила сознание до степени объединения и потому может использовать все свои силы, ещё находясь в физическом теле, то она способна осознать даже в этой тусклой земной жизни, что по-прежнему стоит лицом к лицу со своим другом, как и прежде, что смерть не отняла любимого человека, а лишь открыла ему глаза на более величественную, более широкую жизнь, которая всегда лежит вокруг всех нас. По виду друг казался бы почти таким же, каким был в земной жизни, но как-то странно прославленным. Это воспроизведение физического тела.

Главной чертой второго неба можно назвать антропоморфную религиозную преданность. Эту форму преданности, состоящую по существу в непрестанном поклонении личному божеству, следует тщательно отличать от тех высших форм, которые выражаются в исполнении какого-либо определённого дела ради божества. Некоторые из наиболее характерных примеров этого плана

встречаются среди женщин, которые действительно составляют значительное большинство его обитателей. Забавный и милый пример небесной жизни ребёнка семи лет показывал его занятым тем, что он заново разыгрывал в мире небес религиозные истории, которые рассказывала ему здесь, внизу, его ирландская няня, и больше всего он любил думать о том, как играет с младенцем Иисусом и помогает ему лепить тех глиняных воробьёв, которых, по преданию, сила Дитяти-Христа оживила и заставила летать.

Главную черту третьего неба можно определить как преданность, выражающуюся в деятельной работе. Христианин на этом плане, например, вместо того чтобы просто поклоняться своему Спасителю, думал бы о себе как о том, кто выходит в мир трудиться для Него. Это особенно план для осуществления великих замыслов и проектов, не воплощённых на земле, — великих организаций, вдохновлённых религиозной преданностью и обычно преследующих какую-либо филантропическую цель. На этом плане находит выражение более высокий тип искренней и преданной миссионерской деятельности.

Четвёртое небо разделено на четыре основные области: бескорыстное стремление к духовному знанию; высокая философская или научная мысль; литературные или художественные способности, применяемые в бескорыстных целях, и служение ради самого служения. Здесь мы находим многих благородных и бескорыстных мыслителей, ищущих прозрения и знания только ради того, чтобы просвещать и поддерживать ближних.

Здесь мы находим всех наших величайших музыкантов; Моцарт, Бетховен, Бах, Вагнер и многие другие по-прежнему наполняют мир небес гармонией, гораздо более славной даже, чем величайшая из тех, что они могли создать на земле. Кажется, будто великий поток божественной музыки изливается в них из высших областей, ими преобразуется и становится их собственным, чтобы быть разосланным по всем планам великим приливом мелодии, который прибавляет блаженства всем вокруг.

Те, кто действует в полном сознании в мире небес, отчётливо услышат и в полной мере оценят это великолепное излияние.

Здесь же был и один из неудачников земли — ибо трагедии земной жизни оставляют странные следы даже в небесных местах. В мире, где все мысли о любимых улыбаются человеку как друзья, он думал о том, чтобы написать великую книгу, и ради неё отказался употреблять свой литературный дар на добывание жалкого пропитания дешёвой поденщиной; но никто не хотел и смотреть на его книгу, и он бродил по улицам в отчаянии, пока скорбь и голод не закрыли его глаза для земли. Он был одинок всю жизнь — в юности без друзей и отлучённый от семейных уз, а в зрелости неспособный работать иначе, как только по-своему, отталкивая руки, которые привели бы его к более широкому взгляду на возможности жизни, чем земной рай, который он страстно хотел создать для всех. Теперь, пока он думал и писал, хотя не было никого, кого он любил бы как личных или идеальных помощников, кто мог бы стать частью этой его умственной жизни, он видел простирающуюся перед собой Утопию, о которой мечтал, ради которой пытался жить, и огромные толпы безличных множеств, которым он стремился служить; и радость их радости нахлынула на него и сделала его одиночество небесами. Когда он вновь родится на земле, он непременно вернётся с силой

не только замышлять, но и достигать, и это небесное видение отчасти воплотится в более счастливых земных жизнях:

Возражают ли, что на небесах мы сами создаём своё окружение и потому видим лишь часть небес? Конечно, и здесь, внизу, мир, который человек ощущает, никогда не бывает всем внешним миром, а лишь той его частью, какую позволяют ему вместить его чувства, интеллект и образование. Что он знает, как правило, даже о более сокровенных физических фактах, которые окружают его и встречаются ему на каждом шагу? Истина в том, что здесь, как и в небесной жизни, он живёт в мире, который в значительной мере создан им самим. Он не осознаёт этого ни там, ни здесь, но лишь по своему невежеству, потому что не знает лучшего.

Говорят ли, что в мире небес человек принимает свои мысли за реальные вещи? Он совершенно прав: это реальные вещи, и на плане мысли ничто, кроме мысли, не может быть реальным. Там мы признаём этот великий факт; здесь — нет; на каком же плане тогда заблуждение больше? Эти его мысли действительно суть реальности и способны производить самые поразительные результаты в живых людях — результаты, которые никогда не

могут быть иными, кроме благотворных, ибо на этом высоком плане не может быть ничего, кроме любящей мысли. Таким образом, станет ясно, что теория, будто небесная жизнь есть иллюзия, — лишь следствие недоразумения и свидетельствует о несовершенном знакомстве с её условиями и возможностями; истина же в том, что чем выше мы поднимаемся, тем ближе подходим к единственной реальности.

Пятое небо — истинный дом души и, безусловно, самое многолюдное из всех небес. Здесь присутствуют почти все 60 000 000 000 душ, которые, как говорят, заняты нынешней человеческой эволюцией, — фактически все, кроме сравнительно небольшого числа тех, кто благодаря своей чистоте и знанию способен перейти в высшие небеса. Это истинный дом душ почти всего человечества, и здесь живёт душа, пока низший ум и тело обитают в более грубых физическом и астральном мирах.

Души, связанные с физическим телом, отличаются от наслаждающихся бестелесным состоянием разницей в колебаниях, возникающих на поверхности сфер; поэтому на этом плане легко с первого взгляда увидеть, воплощён ли человек в данный момент или нет. Огромное большинство, в

теле или вне его, лишь смутно, как во сне, полусознательно; те, кто полностью бодрствует, — сияющие исключения, выделяющиеся среди менее ярких толп, словно звёзды первой величины, а между ними и наименее развитыми расположены всевозможные размеры и красота цвета, каждый из которых представляет точную ступень эволюции, достигнутую данным существом.

Переход от пятого неба к шестому подобен переходу из большого города в мирную сельскую местность; ведь на нынешней стадии эволюции лишь небольшое меньшинство людей поднялось на этот более высокий уровень, где даже наименее продвинутый определённо обладает самосознанием и сознаёт своё окружение. Душа на этом уровне осознаёт цель и метод эволюции; она знает, что занята работой саморазвития, и распознаёт ступени физической и посмертной жизни, через которые проходит в своих низших оболочках. Личность, с которой она связана, видится ею как часть самой себя, и она стремится направлять её, используя своё знание прошлого как хранилище опыта, из которого выводит принципы

поведения — ясные и неизменные убеждения о добре и зле. Их она посылает вниз, в свой низший ум, надзирая за его деятельностью и направляя её.

Седьмое небо, самый славный уровень мира ума, пока имеет лишь немногих обитателей из нашего человечества, ибо на его высотах живут только «Учителя Сострадания и Мудрости» и их посвящённые ученики. О красоте формы, цвета и звука никакие слова не скажут, ибо у смертного языка нет выражений, в которых эти сияющие великолепия могли бы найти воплощение. Довольно того, что они существуют и что некоторые из нашего рода облечены в них — как залог того, чем станут другие, как плод, семя которого было посеяно на более низких планах.

С этого высшего неба нисходит большая часть влияний, изливаемых Учителями Сострадания, когда они трудятся ради эволюции человеческого рода, действуя непосредственно на души людей, проливая на них вдохновляющие влияния и энергии, которые стимулируют духовный рост, просвещают интеллект и очищают чувства. Отсюда гений получает свои озарения; здесь всякое стремление вверх находит своё руководство.

Как лучи солнца падают повсюду из единого центра и каждое тело, принимающее их, использует их сообразно своей природе, так и от Старших Братьев рода на души падают свет и жизнь, раздавать которые — их назначение, и каждая душа использует столько, сколько может усвоить, и тем растёт и развивается. Так, как и везде, высшая слава небесного мира заключается в славе служения. Те, кто завершил свою умственную эволюцию, — источники, из которых течёт сила для тех, кто всё ещё поднимается.

ГЛАВА XX

ТЕЛЕПАТИЯ И ЯСНОВИДЕНИЕ

Мало мыслителей и ещё меньше экспериментаторов в области психических исследований готовы проводить жёсткую и неизменную границу между одной стороной психических явлений и другой: различные стороны психической деятельности так тесно переплетены, что разделить их практически невозможно — настолько упорно они сосуществуют, хотя и различны. Поскольку телепатия означает

чувствование на расстоянии, а ясновидение — ясное зрение, мы можем не без основания добавить, что одно из главных значений ясновидения — видение на расстоянии, и притом на расстоянии настолько большем обычного, что дальность такого зрения кажется решительно необычной. В случаях простой телепатии обычно предполагают, что сообщение отчётливо передаётся из одного места в другое и от одного человека к другому посредством некоего агента, куда более тонкого, чем признаваемые в обыденных делах повседневной жизни. Когда вступает в действие ясновидение, явление усложняется, требует дальнейшего исследования и ставит гораздо более запутанную задачу. Большинству людей достаточно удивительно услышать, что человек, находящийся за тысячу или более миль, может точно передать свою мысль, заставив вас понять его смысл так, словно он физически находится рядом с вами и беседует с вами лицом к лицу; но, как в случае наших собственных опытов с леди Кейтнесс и другими, здесь приходится принимать в расчёт и зрение, и чувство, и умственное восприятие. Хотя такие опыты называли телепатическими, они содержат дополнительные свидетельства в пользу ясновидения. Дж. Ф. К. Грумбайн в своей книге

«Ясновидение» подводит под этот единственный заголовок почти всё, что мы привыкли называть озарением, проницательностью, интуицией и так далее. Употребление слова «ясновидение» в столь широком смысле, вероятно, не нарушает этимологии, так как ясное зрение, несомненно, оплот всякого провидца или провидицы, и эти титулы постоянно применялись к пророкам и пророчицам в древние дни, о чём в изобилии свидетельствует Библия. Главная трудность при любой попытке продемонстрировать телепатическое общение — тупость многих людей к психическим впечатлениям, даже когда помеха не лежит на стороне того, кто пытается передать сведения психическим путём. Сосредоточение мысли и сосредоточение взгляда очень тесно связаны: первое — великое непременное условие успеха в телепатии, второе столь же необходимо для развития ясновидения.

Успешный телепат — тот, кто может и действительно твёрдо удерживает свой ум на одном предмете, исключая все остальные; он приобрёл превосходную и чрезвычайно важную привычку думать только об одном за раз, никогда не позволяя двум мыслям запутаться. Провидец, или

ясновидящий, — тот, кто столь же решительно созерцает одну вещь за раз, никогда не позволяя своему зрению смутиться, а вниманию рассеяться, как бы велик ни был соблазн блуждать взглядом. Хотя в записях, безусловно, есть достоверные примеры детей, чьё ясновидение было удивительным, хотя они не проходили никакой подготовки, эти малыши, по-видимому, не нуждаются в тех умственных упражнениях, которые большинство взрослых находят необходимыми — сначала чтобы избавиться от дурных привычек, а затем чтобы приобрести хорошие. В случае упомянутых нами необыкновенных детей нет препятствий, которые нужно преодолевать: они по природе либо тихо созерцательны, либо чрезвычайно бодры и восприимчивы, так что мы можем смело заключить, что их крайне прозрачная умственная организация даёт именно тот инструмент, который нужен, чтобы показать менее просвещённым людям действительность духовной Вселенной. Взрослые люди по большей части тревожны и суетливы, и в той мере, в какой они позволили себе стать боязливыми или удручёнными заботами, они бессознательно выстроили вокруг себя в психическом смысле стену или преграду, так что их аурическая оболочка стала

непрозрачной и тупой вместо прозрачной и тонкой. Теософы много говорят об аурах, и рассмотрение того, что влияет на человеческую ауру, — всегда важное исследование. Аура человека близко напоминает атмосферу планеты. Не кто иной, как астроном Дорман Стил, взялся предложить толкование первой главы Бытия, основанное на астрономических соображениях и склоняющееся к мысли, что труд четвёртого дня творения — если смотреть с земной, или геоцентрической, точки зрения, с которой автор Пятикнижия созерцал вселенную, — не имел отношения к сотворению солнца или звёздных воинств, а касался только очищения земной атмосферы до такой степени, что в течение четвёртого великого геологического периода лучи солнца начали проникать сквозь плотные туманы и испарения, долго окружавшие эту планету, и рассеивать их, и таким образом усеянный звёздами небосвод стал виден с земной точки зрения. Интересует ли кого-либо из нас, или нет, по существу историческая проблема, поднятая вышеизложенным мнением о весьма спорном документе, этот пример замечательно хорошо подкрепляет верный и разумный взгляд на то, как

может развиваться способность ясновидения или, можно сказать, как она нередко проявляется уже деятельной.

Аурический пояс, или зона, окружающая человека, плотен или ярок в зависимости от ясности или туманности ума того, кто порождает ауру. Люди, живущие умом в подвалах своей природы и никогда не поднимающиеся мыслью выше созерцания материальных слабостей, могут развить весьма грубый род ясновидения, едва достойный столь высокого названия, но высшие и подлинно облагораживающие стороны этой способности целиком недоступны им — лежат вне их опыта, ибо далеко выше их интересов. Ясновидение отнюдь не является безусловным благом, хотя им можно пользоваться так, что оно всегда и только приносит пользу его обладателю и всем, кому дано разделить его откровения. Мудрые пророки древнего Израиля, сами бывшие провидцами высочайшего ранга, достаточно знали о халдейском и вавилонском психизме, чтобы предостерегать народ, которому они проповедовали, против неверно направленной силы, которая по причине такого неверного направления причиняла неисчислимые и неоценимые бедствия.

Узкие, предубеждённые комментаторы весьма склонны не различать ничего, когда толкуют букву библейского текста, но вдумчивые непредвзятые исследователи никогда не впадают в ошибку, полагая, что обличения, обрушенные на колдовство и некромантию, имели какое-либо отношение к простому и полезному ясновидению. Каждый великий и признанный пророк славился как ясновидец, но когда недобросовестные люди осквернили благородную способность не только ради денег, но и ради целей злобы, поднялся крик против самого дара, подвергшегося такому растлению. Именно бесстыдная чувственность, зачастую самого отвратительного рода, побудила многих благонамеренных учителей провозгласить аскетизм высшим благом; подобным образом злоупотребление психическими дарами привело к слепому, невежественному, объятому ужасом осуждению тех благородных и благотворных психических даров, которые всегда своим высоким присутствием отличали величайших нравственных учителей нашего рода.

Сэр Уильям Крукс, один из самых выдающихся научных деятелей Англии, неоднократно предавал гласности свою теорию мозговых волн и

родственное представление об эфирной субстанции, по которой разум может передаваться с почти неисчислимой скоростью на практически бесконечные расстояния. Чувствительный человек или животное, способное ощущать дрожание, или колебание, этого эфира, в оценке исследователей психической области, которые сами не столь восприимчивы к впечатлениям, является «медиумичным» в необычайной степени.

Поклонение животным, которому предавались древние египтяне и многие другие народы истории, в значительной мере объясняется их великим восхищением психическими проявлениями и желанием самим развить в себе психические способности. Наблюдая необычайную чуткость собак, кошек и других привычных животных, они полагали, что эти существа находятся в тесном и благосклонном общении с божествами, расположения которых надеялись добиться, воздавая почести животным, ставшим предметом их особого уважения. Любому исследователю стоит прочесть те части египетской «Книги мёртвых», что переведены на английский язык, чтобы понять вероятное происхождение и несомненный дух нескольких своеобразных

религиозных культов, которые теперь привлекают большое внимание: мир, кажется, высматривает новую религию и, отыскивая приемлемую, посвящает много времени и мысли пересмотру как самых древних, так и самых молодых учений, какие только можно предложить для размышления. Изучение жизни животных всегда занимательно и поучительно, и поскольку в некоторых отношениях определённые животные превосходят нас на нынешней ступени нашего развития, нам не следует быть слишком гордыми, чтобы наблюдать за нашими четвероногими спутниками с намерением научиться всему, на что они способны нам указать. Повсюду заметно, что те животные, которые обнаруживают самую замечательную сообразительность, способны отыскать потерявшихся детей и оказывают другие услуги неоценимой важности, очень основательны во всём, за что берутся, и вступают во всякое дело с пылом и серьёзностью. Они живо интересуются жизнью; они в полной готовности, когда происходит что-либо, так или иначе их занимающее, и вместе с тем любят время от времени отдыхать и могут быть столь же ленивы в покое, сколь деятельны, когда увлечены каким-нибудь занятием. Отличное правило для каждого таково: делай всё, что делаешь, всем

сердцем; бросайся без остатка во все свои начинания одно за другим; чувствуй себя вполне как дома там, где ты находишься в настоящую минуту. Когда ешь, наслаждайся пищей сполна, воспитывай в себе должную оценку удовольствий стола, дай органу алиментивности возможность нормально развиваться; затем, когда трапеза окончена, ступай к своему делу или занятиям, каковы бы они ни были, и вложи всю свою энергию и интерес в работу, которой тогда занимаешься. Когда ложишься на ночь, отдайся сну целиком; цени благо дремоты, никогда не позволяй себе презрительно думать об отдыхе или желать, чтобы в нём не было нужды. Такие краткие, ясные наставления, как приведённые выше, необходимо усвоить и исполнять прежде, чем кто-либо окажется готов нормально и здорово идти путём психического восхождения в высшие сферы, где ясновидение так же нормально, как нормально на своём низшем уровне проявления наше обычное, более ограниченное зрение, свойственное людям повседневности. Саула послали искать ослов его отца, которые заблудились; Самуил через ясновидение успокоил ум Саула насчёт ослов и тотчас приступил к раскрытию дел несоизмеримо более высокой важности, нежели местонахождение

нескольких ослов. Ясновидение включает низшее, поднимаясь, чтобы охватить высшее. Сомнительно, чтобы публичные профессиональные ясновидцы были, как правило, точны в своих видениях, — не потому, что они не честные мужчины и женщины, а потому, что невозможно соблюсти необходимые условия в обстановке, в которой большинству из них приходится жить и работать. В каждой общине может найтись несколько людей, столь близко подошедших к ступени адептов, что они вправе пренебрегать такими условиями, какие большинство чувствительных находят необходимыми для проявления своего дара, и встреться нам один из этих исключительно развитых людей, мы, без сомнения, были бы весьма поражены откровением, сделанным нам в окружении, на первый взгляд несовместимом с проявлением ясности зрения. Однако когда ясновидец — лишь новичок, чрезвычайно важно, чтобы как умственная, так и физическая атмосфера во время «сеанса» оставалась как можно более спокойной. Мысленные образы нередко проецируются на экран эфира, который мы обычно называем просто воздухом комнаты. Атмосфера подобна экрану на показе стереоптикона и должна оставаться неподвижной, если показываемые на

ней картины должны выступать достаточно отчётливо, чтобы показ удался. Вглядывание в кристалл или даже спокойное всматривание в стакан чистой воды служит вводной помощью многим начинающим чувствительным. Воистину, всякая практика, способствующая удобной пассивности ума и тела, благоприятна для проявления ясновидения, но под пассивностью мы разумеем не то, что полагают многие, понимающие это затёртое слово по-своему. Активность желания и ожидания должна предшествовать пассивности в действии. Должна быть цель или предмет в виду, иначе в позиции ясновидца мало смысла. Обычно не очень полезно просто сидеть, глядя в пустоту, готовым увидеть всё, что явится в кристалле; несомненно, должна быть какая-то определённая цель или предмет, который нужно достичь, если упражнение должно оказаться полезным в каком-либо определимом направлении. Есть множество вещей, которые мы желаем знать и которые выходят за пределы материального открытия, и если наше стремление к этому дополнительному знанию законно, то вполне разумно верить, что мы наделены некоторым средством или способностью, посредством которых можно делать эти открытия. Стоит только снять идею ясновидения с облаков

мистицизма, в которых она так долго обитала, и психические исследования будут настолько упрощены и рационализированы, что упражнение ясновидения станет столь же естественным и обычным, как использование физического зрения. Очищенное, или проясненное, зрение неизбежно есть зрение расширенное, и мысль о расширении относится в равной мере и к внутреннему видению, и к дальновидению, или предвидению. Наука ныне быстро доказывает присутствие мириад предметов, не видимых обычным глазом, но различимых с помощью микроскопа и нередко фотографируемых без иных или более тонких приборов, чем те, что постоянно используются фотографами. Если ясновидец говорит: «Я вижу рядом с вами форму или предмет, которого вы не видите, потому что вы не способны его различить», — то в этом усиленном зрении человека-провидца нет ничего более чудесного, чем в доказательстве присутствия тех же предметов, даваемом фотографией или микроскопией. Нынешний век, к счастью, таков, что человек начинает верить в самого себя, как и во что-то внешнее по отношению к себе, и вследствие этого всё расширяющегося взгляда на человека повсеместно меркнет прежний ореол сверхъестественного, тогда как законное признание

психических явлений непрерывно завоёвывает почву. Развитие психической способности не так трудно, но и не так уж легко, как некоторые полагают. Оно требует настойчивого внимания, а не изнурительных усилий, подобно тому как пристальное внимание, которое мы уделяем чему-либо, часто вознаграждает нас гораздо щедрее, чем утомительные попытки принудить себя к приобретению знания. Ночь и темнота часто связывались с ясновидением, потому что ночь и тень не дают повода и побуждения к чрезмерной физической деятельности, а мы, как правило, не можем хорошо делать два дела сразу. Одна за другой должны быть исполнены наши задачи; одно за другим должны быть улажены наши занятия, и как кажется невозможным бодрствовать и спать в один и тот же миг, так кажется почти невероятным, что мы можем быть всерьёз заняты материальными заботами и в то же время остро воспринимать то, что лежит за пределами внешнего ведения. Другое соображение о средствах, которыми может быть развито ясновидение, приходит нам на ум, когда мы припоминаем рассказ о неких добрых людях на тихоокеанском побережье, которым лихорадка Клондайка принесла духовное развитие.

Одна счастливая супружеская пара, давно интересовавшаяся психическими вопросами, но не имевшая личных свидетельств собственной восприимчивости к незримым влияниям, на несколько месяцев совершенно расстались телесно: муж уехал на Аляску, а жена осталась в Сиэтле с матерью. Когда мужчина добрался до золотых приисков, он не мог связаться с женой никаким материальным способом, так как там не было ни телеграфа, ни телефона, ни почты; и хотя у него не было причин тревожиться за неё — она была здоровой женщиной, жила дома, в удобном доме, среди друзей, — она сильно беспокоилась о его благополучии, ибо до неё дошло много тревожных рассказов об опасностях и страданиях старателей в округе близ того места, где, как она полагала, работал её муж. Решив practically проверить на деле утверждение, которое часто делали ей знакомые «чувствительные», — что она потенциально превосходная ясновидящая, хотя на деле никогда не развивала свой дар, — она решила посвящать некоторое время каждый вечер, поздно, перед самым отходом ко сну, освобождению своей психической способности. Три или четыре ночи она спокойно сидела в удобном кресле в своей спальне больше часа, но не получала никаких признаков

ясновидения. Однако не прошло и недели, как она почувствовала, что способна различать смутные очертания рудничного лагеря, а вскоре ей отчётливо явился облик её мужа. Рассказывая о своих переживаниях друзьям (она всегда охотно о них говорила), она много раз самым решительным образом заявляла, что у неё совсем не было ощущения, подобного путешествию в «астральном теле» или перемещению сквозь пространство; напротив, она чувствовала себя вполне как дома в собственном организме, но её взор пронзал всё разделяющее пространство, и Аляска была так же близка, как соседняя гардеробная. Когда муж вернулся здоровым и сильным, с бóльшим запасом сокровищ, чем привозили многие старатели, он был, по его собственным словам, «буквально ошеломлён» содержанием дневника жены, который она добросовестно вела и в котором были подробные записи о его собственных приключениях на Аляске, пока она находилась в Сиэтле; а самыми убедительными и вместе с тем поразительными частями её записей были его мысли, которые явно оказывались совершенными мысленными посланиями.

Тщательно изучив дневник и сверив даты разных записей, он обнаружил, что всякий раз, когда ему особенно хотелось передать жене какую-нибудь весть, чтобы успокоить её насчёт его здоровья и безопасности, она получала особенно ясную и сильную картину его самого и его местонахождения, тогда как в другое время, когда он думал о доме и его обитателях не так напряжённо, её видение его и его окружения было гораздо менее отчётливым. Повсюду множатся свидетельства, которые в значительной мере доказывают, что даже столь дико романтическая повесть, как «Питер Иббетсон» Джорджа дю Морье, могла быть построена на действительном факте, ибо случается, что когда двое людей преданно привязаны друг к другу, а обстоятельства жёстко удерживают их тела порознь, душевное чувство, которое мы вполне можем назвать ясновидением, вместе со вереницей родственных чувств, лежащих за пределами нашего обычного ведения, весьма энергично заявляет о себе и даёт современное объяснение выразительным словам Лавлейса: «Стены каменные тюрьмы не составляют, ни прутья железные — клетки».

Мы подошли к самому порогу собственно спиритуализма, и нам остаётся лишь сказать, что хотя за последние полвека с лишним в его историю замешалось немало заблуждений, в нём так много истины как в доказуемой философии, что благодаря неуклонному и быстрому развитию научного изучения всех психических проблем, которое сейчас идёт, возникают новые и благородные формы медиумизма, убеждающие любознательную толпу, что физический распад ни в коем случае не есть смерть в том старом слепом варварском смысле, который придавался этому древнему слову. Мы здесь и сейчас — духовные существа и остаёмся ими впредь. «Смерть не властна разлучить любящих, они по-прежнему вместе» — совершенно верное утверждение; и столь же верно, что никакие земные преграды не могут по-настоящему разделить тех, кого связали узы искренней привязанности и кто потому соединён друг с другом духовными путями, которые никакие земные перемены не в силах разорвать. Есть и другие стороны ясновидения, помимо тех, которых мы касались, и с ними труднее иметь дело, потому что их часто принимают за то, чем они наверняка не являются. Мы имеем в виду видение того, что нередко называют «астральными картинами»:

неопытные чувствительные не могут объяснить их сколько-нибудь легко, но более глубокие исследователи ясновидения без труда находят им объяснение. Нет ничего неразумнее и недоброжелательнее, чем клеймить печатью лжи видения, которые мы ещё не научились толковать научно. Ясновидящие нередко утверждают, что ничего не знают о подлинной природе того, что видят, а потому их нельзя справедливо обвинять даже в ошибках, если они описывают сцены, кажущиеся нам несообразными и толкуемые нами превратно по нашему нынешнему незнанию того, что такие видения действительно означают. Мы часто бываем очень довольны описаниями отсутствующих или ушедших друзей, которые поначалу поражают нас своей точностью, но когда мы вглядываемся в вопрос глубже, нас обступают серьёзные затруднения. Один хороший ясновидец как-то дал в точности такое описание умершего брата джентльмену в Лондоне, который тогда только начинал всерьёз исследовать притязания спиритуализма: «Я вижу рядом с вами молодого человека; он очень привязан к вам и постоянно находится при вас; на вид ему около двадцати восьми лет, определённо не больше тридцати; он одет в серый твидовый костюм с синим галстуком;

волосы у него светло-русые, довольно редкие, с пробором посередине; у него усы, но ни бороды, ни бакенбард нет». Через два-три дня этот джентльмен пошёл к другому ясновидцу в другой части Лондона и получил почти тождественное описание, которое, по его словам, в точности соответствует облику его младшего брата, скоропостижно скончавшегося во время летнего путешествия по Норвегии менее чем за два года до этого. Дело в том, что эти два молодых человека были очень привязаны друг к другу, а оставшийся в живых держит у себя в комнате на каминной полке портрет умершего брата, одетого совсем иначе, так что, увидь любой из ясновидцев эту фотографию, она описала бы чёрный костюм и белый галстук. Когда оставшийся в живых брат в последний раз видел того, кто перешёл в иной мир, молодой человек был одет в точности так, как описали оба ясновидца, но материального портрета в этой одежде с него не снимали. Тут-то и возникает затруднение исследователя. Сохраняем ли мы, переходя в духовную жизнь, постоянно тот самый облик, вплоть до подробностей одежды, какой имели перед уходом из смертной оболочки (спрашивает он), а если нет, то почему нам говорят, что наши друзья предстают именно в таком виде? На этот вполне естественный вопрос есть лишь два

разумных ответа, и вот они: 1. Многие ясновидцы проникают взором в окружающую нас ауру и видят запечатлённые на ней картины событий и обстоятельств, сильно нас поразивших и носимых нами с собой, быть может, совершенно неосознанно, как относительно постоянная часть содержимого нашей психической картинной галереи. 2. Наши друзья в духовной жизни, стремясь дать нам знать о действительности своего неугасшего интереса к нам и нашему благополучию, нередко показываются ясновидящему взору так, чтобы вернее всего поразить нас уверенностью в их тождестве. В первом случае мы вряд ли получим какие-либо определённые сведения и склонны чувствовать растерянность и печаль, потому что, хотя наших друзей и описывают точно как находящихся при нас, нам никогда не удаётся уловить ни проблеска сведений об их состоянии или насладиться утешительной уверенностью, что они действительно общаются с нами. Во втором случае мы неизменно либо получаем какое-то характерное послание, либо ощущаем неким тонким духовным способом, что и вправду общаемся с тем, кого любим и кем любимы. Все виды психических явлений ныне рассматриваются и критически, и сочувственно большим числом разумных людей в

такой мере, какой совершенно не знало сравнительно недавнее время; и поскольку всегда желательно быть осторожным, прежде чем признавать слишком много, хотя мы должны быть всегда готовы без малейшего предубеждения принимать логику доказательств, откуда бы она ни исходила, мы по праву благодарны за все попытки определить столь удивительную и далеко идущую способность, как ясновидение, которые хоть как-то помогают заложить основу для разумного истолкования её подлинной природы. Публика обязана пленительному автору Ч. У. Ледбитеру следующим кратким определением ясновидения, которое мы цитируем из его очень популярного труда «Человек видимый и невидимый», подзаголовок которого — «Примеры различных типов людей, увиденных с помощью тренированного ясновидения». Третья глава, озаглавленная «Ясновидческое зрение», завершается такими словами: «Ясновидец — это просто человек, развивший в себе способность откликаться на ещё одну октаву из необъятной гаммы возможных колебаний и тем самым позволяющий себе видеть больше из окружающего мира, чем те, чьё восприятие более ограничено». Это утверждение, несомненно, с равной силой

относится и к телепату, который скорее чувствует, чем видит, и к яснослышащему, чья особая чувствительность лежит в области слуха. Повышенная чувствительность — ключ к тайне во всех случаях, и её можно успешно вызвать, ведя тихую, здоровую жизнь, свободную от чрезмерного возбуждения, питаясь простой и питательной пищей, достаточно бывая на свежем воздухе и, прежде всего, решив жить жизнью незапятнанной правдивости, чтобы «аурическая оболочка» сохранялась незамутнённой как отражающая среда.

ГЛАВА XXI

СПИРИТУАЛИЗМ ВО ВСЕХ СТРАНАХ И ВО ВСЕ ВРЕМЕНА

Избранное из сочинений доктора Дж. М. Пибблса.

> «Я существую таким, какой я есть, и этого довольно.
> Если никто другой в мире не ведает об этом, я сижу довольный.
> И если ведают все до единого, я сижу довольный».
> — УОЛТ УИТМЕН.

Я сознательно чувствую, что эта жизнь со всеми её тенями и борьбой действительно стоит того, чтобы её прожить. И таково, я думаю, общее свидетельство человеческого опыта. Во время многих странствий по диким, полуцивилизованным и просвещённым землям я видел тысячу улыбок на одну слезу и слышал десять тысяч раскатов весёлого смеха на один стон страдания. Воистину, Бог благ.

Но если смерть, как утверждает атеист, «всему конец», то эта жизнь — немногим более чем мятущийся в бурях, дразнящий сон. Если люди, богатые возможностями, умирая, становятся лишь прахом и рассеивающимися газами, то надежда, сочувствие, стремление к бессмертию и все возвышенные свойства души — не более чем бессердечные, безжалостные насмешки.

Этот мир имеет очень малое значение, если нет другого, более высокого, с равными возможностями и несравненно лучшими условиями для развития; другого мира или миров, которых можно ожидать в будущем. А слово «будущее» подразумевает веру. Вдохновенная душа в известной мере питается верой. Именно вера в Бесконечную Мудрость, в законы Природы и вера в человека приводит в движение колёса предприятий. И именно вера в

будущее существование на протяжении всех древних веков давала энергию и общественный дух миллионам людей, населявшим землю.

Мореплаватели, плывущие, подобно Колумбу, под вдохновением высокой веры, открывали новые острова и материки. Закалённые труженики пашут, сеют и сажают с доверчивой верой, что солнце будет светить и урожай придёт в свой срок. Торговцы ведут дела с доверчивой верой в своих ближних. Вера — всевдохновляющая сила в международных отношениях внешней торговли и на всех высших поприщах общественной и умственной жизни. Вера в великое, бьющееся сердце человечества возвышенна, а вера в Бога — нежного, любящего «Отца нашего, сущего на небесах» — самое божественное, самое умиротворяющее и утоляющее чувство человеческой души.

Но человек не может жить одной верой, как не может жить одним хлебом. Вера, будучи «осуществлением ожидаемого», обращена к вершине горы идеала и взывает о свете — больше света. «Приложите, — сказал апостол, — к вере вашей знание». Это он и сам совершил, воскликнув: «Ибо мы знаем, что, когда земной наш дом, эта хижина, разрушится, мы имеем на небесах жилище,

нерукотворный дом, вечный». У истинного спиритуалиста, как и у великого апостола, вера даёт почки и расцветает, и её плод — абсолютное знание будущего сознательного существования.

Откуда Павел знал о «нерукотворном доме, вечном на небесах», или о тех высших сферах бессмертия? Он знал, потому что у него были видения; потому что он был восхищен до третьего неба и потому что в трансе слышал голос — дух, — говоривший с ним из незримого. Словом, он знал о будущем существовании на небесах, потому что был спиритуалистом — спиритуалистическим медиумом. Все ученики были медиумами. Вот почему Иисус избрал их. Его ясновидящее око видело в них исходящие силы чудесных духовных даров. Этот период еврейской истории был началом нового цикла — нового и более духовного домостроительства.

> «Бог посылает своих учителей в каждый век,
> в каждый край и к каждому племени людей».

Спиритуализм в той или иной форме существовал во все века и среди всех народов. Когда умирала девушка у сенека, североамериканских индейцев, сражённые горем скорбящие брали в плен молодую

птицу, пока она не запоёт; затем, осыпав её ласками и любящими посланиями, они выпускали её над могилой девушки, наказывая ей не складывать крыльев и не смыкать глаз, пока она не достигнет «счастливых охотничьих угодий» небес; а потом эти скорбящие сердцем индейцы три дня молча пировали под каким-нибудь замшелым камнем или стонущей сосной, ожидая отклика от любимой во снах или видениях либо в тихих журчащих песнях ночной птицы леса.

Если спиритуализм означает просто беседу с ушедшими смертными, то он древен, как самая отдалённая старина. Профессор Боскоуэн, известный археолог, говорит в своих «Записях памятников»: «В снах и видениях первобытные аккадцы, без сомнения, видели, как они утверждали, призрачные образы ушедших людей, что побуждало их считать их не просто исчезнувшими, а всё ещё существующими в виде теней в каком-то тёмном, далёком, подземном месте». Он добавляет далее: «Надписи на табличках, относящиеся ещё к 3800 году до н. э., свидетельствуют о вере в призраков и о поклонении богу-призраку, призракам предков, нису, или духам, ануна — друзьям, которых они когда-то знали,

восседающим на своих тронах как владыки-духи или бредущим по туманному подземному миру и приветствующим каждого новоприбывшего возгласом: „Стал ли ты слаб, как мы, и постигаешь ли ты жизнь так, как постигаем её ныне мы? Добро пожаловать — добро пожаловать в наши обители“». Это почти точная фразеология одной из недавно обнаруженных вавилонских табличек.

Повторяю: если спиритуализм означает просто веру в беседу с ушедшими смертными, то нынешние трепещущие жизнью триста миллионов Индии — спиритуалисты. Вся их религиозная литература изобилует общением с богами, девами и питри — их ушедшими предками. Этих последних они умилостивляют. В каждом доме есть свои домашние духи. Обширные санскритские рукописи, Веды и Упанишады, часто упоминают бхутов, притов и пишачей — особенно притов — как привычных духов-предков. Их священные книги описывают их обители, их овладевающее влияние, их общие свойства и то, как отвратить их власть с помощью мантр и заклинаний.

Во время нескольких моих поездок в Индию я не беседовал ни с одним разумным индуистским пандитом, который не верил бы, что незримые

области наполнены различными ступенями сознательного разума и что определённые разряды духов обладают способностью общаться с человечеством и докучать ему. Они не поощряют общение с духами — они его боятся. Я провёл дни в Южной Индии, изгоняя бесов, то есть размагничивая индуистских медиумов, одержимых неразвитыми духами.

В Древнем Египте спиритуализм был самой основой национальной религии. Их иерофанты учили посвящённых, что душа бессмертна; что в течение нескольких жизней она проходила через несколько эфирных зон, и все они были процессами очищения. Гермес учил, что видимое — лишь картина незримого мира, что эту землю окружают круги эфира и что в этих эфирных кругах живут души умерших и охраняют смертных. Страбон сообщает, что в храме Сераписа в Каноп «совершалось великое поклонение и творились многие чудесные дела, в которые верили и которые практиковали самые выдающиеся люди, тогда как другие предавались священному сну», то есть бессознательному трансу. Освящённый храм в

Александрии был ещё более знаменит своими оракулами, священным сном и исцелением больных.

Берос, записывая ранние предания Вавилонии и Халдеи, описывает богов небес и низших элементалов, которые были им близки и нередко влияли на обитателей земли как к добру, так и ко злу. У них были магические указания для изгнания докучливых демонов и для призвания защиты добрых гениев — иными словами, более возвышенных духов.

Табличка в библиотеке Ниневии описывает семь верховных богов, пятьдесят великих богов неба и земли, триста духов нижних небес и шестьсот духов земли. Этих последних призывали, чтобы они приносили вести с незримых берегов бессмертия.

Великие умы Греции, такие как Фалес, живший около шестисот лет до н. э., полагали, что Вселенная населена даймонами, которые были духовными вожатыми людей и незримыми свидетелями всех их мыслей и поступков.

Эпименид, современник Солона, часто получал божественные откровения из духовных небес.

Зенон утверждал, что покровительствующие, или хранящие, духи вдохновляли его речь и направляли его поступки.

Сократа, как известно каждому читателю истории, неизменно сопровождал его демон-руководитель, с которым он беседовал и совет которого с гордостью принимал и признавал.

Апулей, римский историк, уверял народ, что души людей, отделившись от тел и освободившись от физических функций, становятся особого рода даймонами, или лемурами, которые находят удовольствие в своей благожелательности, бдительно охраняя отдельных людей, семьи и города.

Гомер в двадцать третьей песни «Илиады» описывает, как дух Патрокла является Ахиллу и заклинает его совершить последние погребальные обряды над телом друга, чтобы тот скорее начал свой духовный рост.

В одиннадцатой песни «Одиссеи» Улисс изображён посетившим подземные области киммерийцев и беседующим с духом Тиресия, Эльпенора и своей собственной матери, от которой он получил самые обнадёживающие вести.

Поэт Гесиод, чьи стихи так ценились древними греками, что те заучивали их наизусть, полагал, что каждая сознающая душа есть потенциальная часть Бога, «Сверхдуши». Признавая сознательное существование этих душ, или духов, он считал, что их влекут к земле из высших областей желания их друзей.

Плутарх сообщает нам, что те, кто стремился вступить в сочувственное общение с высшими разумами теневых миров, должны были отречься от безумств мира, упражняться в самоотречении и полностью подчинить низшие функции и способности своей природы духовному началу.

Цицерон говорит нам, что мистерии, символически связанные с духовными незримыми присутствиями, зажигали и пробуждали знание о будущей жизни и делали эту жизнь приятнее, наполняя ум умирающих прекрасными мыслями о бодрости и смирении.

Пифагор, посетивший Индию, Персию и Египет и посвящённый во внутренний двор Исиды, был одним из самых поразительных медиумов

древности. Его психические способности засвидетельствовали Клавдий Элиан, Порфирий Тирский и неоплатоник Ямвлих.

Платон, любимый ученик Сократа и князь философов, придерживался в отношении духов и их общения со смертными в точности тех же взглядов, что и его великий учитель. «Существуют даймоны, — говорил он, — души тех, кто умер; и у каждого человека есть особый дух, который в течение его земной жизни служит ему покровителем и руководящим гением; а когда физическая жизнь оканчивается, этот дух принимает освобождённого и сопровождает его к будущей судьбе, на Елисейские поля бессмертия.

Ветхий и Новый Заветы, апокрифы и талмудические сочинения — всё это в большей или меньшей степени изобилует служением ангелов, общением с духами, трансами, видениями и явлениями.

Ориген, знаменитый епископ и один из самых учёных и славных мужей, украсивших первые христианские века, писал так в своём сочинении «О началах»: «Что скажем мы о прорицателях, от которых — действием тех духов (демонов), что

властвуют над ними, — даются ответы (вопрошающим) в искусно составленных стихах? Те же люди, которых называют магами (волшебниками), нередко, призывая демонов над совсем юными мальчиками, заставляли их читать поэтические сочинения и произносить стихотворные импровизации, вызывавшие всеобщее восхищение и изумление. Мы полагаем, что эти явления происходят следующим образом: святые и непорочные души, посвятив себя Богу со всем совершенством и чистотой, оберегая себя от заразы злых духов и очищаясь долгим воздержанием, тем самым приобретают долю божественности и заслуживают благодать пророчества и иные божественные дары. Следствием этого становится то, что они исполняются действием тех духов, на службу которым себя отдали.»

Этот учёный отец Церкви, Ориген, возражая своему противнику-атеисту Цельсу (200 г. н. э.), говорит: «Цельс сравнил чудеса (духовные проявления) Иисуса с фокусами фигляров и магией египтян, и сходство между ними действительно

было бы, если бы Иисус, подобно занимающимся магическими искусствами, совершал свои дела лишь напоказ или ради мирской выгоды.»

В своём знаменитом труде «О душе» Тертуллиан говорит: «Мы вправе были ожидать пророчеств и продолжения духовных даров, и теперь нам позволено наслаждаться даром пророчицы. Среди нас есть сестра, обладающая способностью откровения. Обычно во время богослужения она впадает в транс, вступая тогда в общение с ангелами, созерцая самого Иисуса, слыша объяснение божественных тайн, читая сердца некоторых людей и подавая помощь тем, кто в ней нуждается. Когда читают Писание или поют псалмы, духовные существа посылают ей видения. Однажды мы говорили о душе, когда наша сестра была в духе (в трансе), и, когда люди разошлись, она сообщила нам, что видела в своём экстазе; это было затем тщательно исследовано и проверено. Она заявила, что „видела душу в телесном облике, которая казалась духом, не пустой и не бесформенной, но столь настоящей и вещественной, что её можно было коснуться. Она была нежной, сияющей, цвета воздуха, но во всём подобной человеческому образу“.»

Триста лет после апостолов видения, явления, дары исцеления и духовные чудеса были обычным делом во всех христианских странах. Верующие во имя Христа изгоняли демонов, заставляли хромых ходить, а слепых — видеть. И на протяжении всех веков вплоть до Реформации в облаках появлялись просветы, свет сверху и вести из незримого мира.

Римско-католическая церковь никогда не отрицала чудес — духовных проявлений всех веков. Все религиозные движения прошлого возникли из духовных проявлений. Возьмём для примера Джорджа Фокса, основателя квакерства; Энн Ли, основательницу шейкерства; Уэсли, основателей методизма, и Сведенборга, основателя сведенборгианской, или Новой, церкви. Сведенборг поддерживал открытое общение с миром духов на протяжении двадцати семи лет. Все творцы религиозных эпох обладали удивительными духовными дарами. Старейшина Фредерик Эванс, известный американский проповедник-шейкер, часто говорил: «Квакерство началось в духе, а кончается во плоти и в мирской суетности мира». Сэр Джеймс Макинтош говорит о «Дневнике» Фокса: «Это одно из самых необыкновенных и поучительных повествований в мире, которое ни

один читатель со здравым суждением не сможет прочесть, не преклонившись перед выдающейся добродетелью его автора.»

Этот «Дневник» напоминает «Дневник» Сведенборга и является достойным его спутником. Следующие сведения сжато изложены по нему:

Родившись в июле 1624 года, Фокс в молодости был от природы довольно серьёзен в обхождении. Когда ему было около девятнадцати, его стали раздражать легкомысленные и непристойные разговоры молодых людей, и, проведя ночь в молитве, он услышал голос: «Ты видишь, как молодые идут вместе в суете, а старые — в могилы; ты должен оставить всех, стать для всех чужим и руководствоваться духом».

Путешествуя в Лондон и по дороге слушая многих проповедников, он замечает: «Я боялся их, ибо чувствовал, что они не обладают тем, что исповедуют». Когда он рассказал священникам, что временами «слышал голоса и ощущал присутствие духов», один из этих весёлых старых священников англиканской церкви посоветовал ему «курить

табак и петь псалмы». Другой посоветовал «пойти к хирургу и отворить немного крови». Обратившись к диссентерам, он «нашёл и их слепыми вожатыми».

Часто бродя по уединённым местам, нередко постясь с Библией в руках, размышляя и борясь с сомнениями и искушениями, он наконец «впал в транс, длившийся четырнадцать дней, и многие, приходившие взглянуть на него за это время, дивились, видя, как изменилось его лицо: он не только имел вид мёртвого, но и казался им действительно мёртвым. Но после этого его душа освободилась от скорбей, так что он мог бы плакать день и ночь слезами радости, в смирении и сокрушении сердца. В этом состоянии, — говорит он, — я увидел то, что не имеет конца, и вещи, которых нельзя выразить словами; и величие и бесконечность любви Божией».

Когда он был в Мансфилде, его «поразила слепота», так что он ничего не видел, после чего, по его словам, «я пошёл в одну деревню, и многие люди сопровождали меня. И когда я сидел в доме, полном людей, я бросил взгляд на одну женщину и различил в ней нечистый (неразвитый) дух. Побуждаемый говорить резко, я сказал ей, что она находится под влиянием нечистого духа. Обладая

даром различения духов, я много раз видел состояния и положение людей и мог испытывать их духов».

Он часто исцелял больных возложением рук. Ричарду Майеру, у которого давно была очень больная, ревматическая рука, он сказал: «Встань на ноги и протяни руку твою». Тот так и сделал, и Фокс воскликнул: «Да будет известно вам и всем людям, что сегодня вы исцелены». Хотя Маколей насмехается над изгнанием Фоксом бесов и совершением им чудес, в его «Дневнике» записано много замечательных случаев такого рода, свидетелями которых были тысячи людей. В своих «Очерках жизни» он употребляет слова «Господь», «ангелы» и «духи» как взаимозаменяемые, подобно древним библейским писателям.

«Когда я подошёл на расстояние мили к Личфилду, где пастухи стерегли овец, мне было повелено, — говорит он, — Господом снять обувь. Я остановился, ведь была зима, а слово Господне было во мне как огонь. И я снял башмаки и оставил их пастухам, а бедные пастухи трепетали и были изумлены. Затем я прошёл около мили, и как только я оказался в городе, слово Господне снова явилось мне и сказало: „Кричи: горе кровавому городу

Личфилду!“ И я ходил по улицам взад и вперёд, громко крича: „Горе кровавому городу Личфилду!“ Был базарный день, и я вошёл на рыночную площадь, ходил по её разным частям и останавливался, крича, как прежде: „Горе кровавому городу Личфилду!“ И никто не поднял на меня руки; но когда я шёл так, крича, по улицам, мне казалось, будто по улицам течёт поток крови, а рыночная площадь выглядела как лужа крови. Когда я возвестил то, что вложил в меня дух, я почувствовал себя очищенным. Я вышел из города в мире и, вернувшись к пастухам, дал им немного денег и взял у них свои башмаки.

«После этого меня охватило глубокое раздумье. Почему, ради чего я был послан против этого города и должен был назвать его „кровавым городом“? Но позже я понял, что во времена императора Диоклетиана здесь, в Личфилде, были замучены тысяча христиан. И я должен был пройти без обуви по потоку их крови на рыночной площади, чтобы воскресить память о крови этих мучеников, пролитой тысячу лет назад. Ощущение их крови было на мне».

Вот некоторые из обычных выражений вдохновенного Джорджа Фокса во время проповеди: «Воистину, я слышал голос»; «Дух был на мне»; «Я видел в видениях»; «Пророчества были открыты мне». «Когда на собрании друзей в Дерби, — говорит Фокс, — ощущалась такая могучая сила духа, что люди сотрясались, и многие уста раскрылись, чтобы свидетельствовать, что ангелы Божии служат смертным людям».

Первоначальные квакеры, как и христиане послеапостольской эпохи, были спиритуалистами; но современные квакеры, отрицая или заглушая свои духовные дары себялюбием и мирской суетностью, окостенели и потому являются умирающей религиозной сектой.

В старом доме Уэсли в Эпворте, в Англии, в течение многих лет происходили заметные духовные проявления. Отчёт об этом написали преподобный мистер Хули из Хэкси, доктор Адам Кларк, автор в журнале *«Арминиан мэгэзин»* и другие. Жаль, что современные методистские проповедники не упоминают их среди нынешних доказательств будущего существования. Из

большого тома Джона Уэсли под названием «Невидимый мир», изданного более ста лет назад, я привожу следующие цитаты:

«Верно, что англичане вообще, да и большинство учёных людей Европы отказались от всех рассказов о ведьмах и привидениях как от обычных бабьих сказок. Мне жаль этого, и я охотно пользуюсь случаем, чтобы заявить свой торжественный протест против этой насильственной любезности, которую столь многие, верящие в Библию, оказывают тем, кто в неё не верит. Я не обязан им такой услугой. Я замечаю, что именно они стоят в основе поднятого шума, который с такой наглостью распространился по всей стране; и притом в прямом противоречии не только с Библией, но и с мнением мудрейших и лучших людей всех веков и народов. Они хорошо знают (знают ли это христиане или нет), что отказ от колдовства (власти неразвитых духов) есть, по сути, отказ от Библии. И они знают, с другой стороны, что если будет допущен хотя бы один рассказ о людях с отдельными духами, весь их воздушный замок (деизм, атеизм и материализм) рухнет на землю. Одно из главных возражений против всех рассказов, которое, как я знаю, выдвигалось снова и снова,

таково: „Видели ли вы сами когда-нибудь привидение?“ Нет, но и убийства я никогда не видел, и всё же верю, что такое бывает. Да, и в том или ином месте убийство совершается каждый день. Поэтому я, как разумное существо, не могу отрицать этот факт, хотя никогда его не видел и, возможно, никогда не увижу. Свидетельство безупречных свидетелей полностью убеждает меня в том и в другом».

«Элизабет Гобсон родилась в Сандерленде в 1774 году. Когда её отец умер, ей было три или четыре года, и её дядя, Томас Рей, человек благочестивый, воспитал её как свою дочь. Она была серьёзным ребёнком и росла в страхе Божием; всё же она глубоко и остро ощущала свою греховность, пока ей не исполнилось около шестнадцати лет, когда она обрела мир с Богом, и с того времени весь склад её поведения соответствовал её вере. В среду, 23 мая 1788 года, и в три последующих дня я подробно беседовал с ней. Но лишь с трудом мне удалось убедить её заговорить. Суть её слов была такова:

«„С детства, когда умирал кто-нибудь из моих соседей — мужчины, женщины или дети, — я видела их незадолго до смерти или в момент смерти, и совсем не пугалась: это было так обычно; я

тогда, по правде, не знала, что они мертвы. Многих из них я видела днём, а многих ночью. Те, что приходили в темноте, приносили с собой свет. Я заметила, что у маленьких детей и многих взрослых вокруг был яркий, славный свет, но у многих был мрачный, унылый свет и тёмное облако над ними“».

«Быть может, прославленные духи праведных, достигших совершенства, подобно ангелам, заняты исполнением замыслов Божиих в мире. Сказано о них: „Рабы Его будут служить Ему“». (Евр. 22.)

«Возможно, как служебные духи они служат наследникам спасения и бдят над интересами тех, кто был им дорог на земле, будь то узами природы или религии. Один из них был послан беседовать с апостолом Иоанном и объяснять ему удивительные вещи, которые тот видел в своих видениях». (Откр. 22.)

«Мысль, в защиту которой мы выступаем, освящена глубочайшей древностью. Филон говорит о том, что у евреев было принято считать, будто души добрых людей служат служебными духами. Язычники в самые ранние века воображали, что духи их умерших друзей остаются рядом с ними и

часто заняты добрыми делами; отсюда обожествление их царей и героев и обычай призывать имена тех, кто был им дорог».

«Цицерон лучше распорядился этим учением, когда пытался утешить отца, потерявшего сына, мыслью о том, что тот, возможно, по-прежнему оказывает ему добрые услуги. И нельзя считать невероятным, что эта идея, хотя язычники и извратили её ради идолопоклонства, подобно учению о бессмертии души, могла иметь божественный источник».

«Несколько лет назад один господин безупречной репутации и серьёзного нрава, живший близ Сент-Джеймса и очень счастливо с женой, заболел и умер, что так потрясло его дорогую оставшуюся спутницу, что и она занемогла и слегла.

Примерно через десять дней после смерти мужа, когда она сидела в постели, а рядом с ней сидели подруга и близкая родственница, она пристально посмотрела в ножной конец кровати и радостным голосом сказала: „Мой дорогой, я буду с тобой через два часа“. Находившаяся при ней дама (она твёрдо подтверждала всё это как истинную правду) спросила: „Дитя, с кем ты говоришь?“ (ибо сама

никого не видела). Та ответила: „Это мой муж, он пришёл позвать меня отсюда, и я иду к нему“; это очень удивило её подругу, которая, решив, что больная немного бредит, позвала кого-то ещё, и больная так же радостно повторила ему то же самое; но прежде чем истекли два часа, она отошла и поднялась к своему дорогому спутнику, чтобы быть счастливой с ним вовеки, к великому изумлению всех присутствовавших».

«Душа получает свои совершенства и свою деятельность не от тела, но может жить и действовать вне тела; более того, гораздо лучше, ибо тогда она обретает совершенную свободу, избавившись от тяжкого бремени, которое лишь сковывало и стесняло её. „Несомненно, — говорит Тертуллиан, — когда душа отделяется от тела, она выходит из тьмы в свой собственный чистый и совершенный свет и скоро обнаруживает, что она — существо substantial, способное свободно действовать в этом свете и разделять небесные радости“».

Приведённые исторические свидетельства доказывают, что факты и основные истины спиритуализма в глубочайшей древности были подобны нынешним. И почему бы нет? — ведь есть

один Бог, один закон, одна Божественная цель, одна историческая непрерывность, одно братство, «один дух», с, как говорит Павел, «различием даров».

Путешествуя почти во всех широтах под северной звездой и проводя лето под Южным Крестом, я не видел ни рас, ни племён, белых, смуглых или чёрных, лишённых сочувствия к своим сородичам, лишённых кладбищ для своих мёртвых, лишённых алтарей, пусть самых грубых, для своего богопочитания, и лишённых снов, видений, явлений и каких-либо способов общения с умершими. Грубоватые, смутные, а то и примитивные и вульгарные на наш взгляд, они всё же предвещали бессмертие души и приносили скорбящим, верящим душам тот мир, что превыше всякого ума.

Эти духовные чудеса, естественные для плана, откуда они исходят, во все времена возникали как отзвуки, раздающиеся из безмолвия, как огни с горных вершин, неизбежно принимая различные формы в зависимости от эпохи, темперамента и расового развития народа. Все они были и остаются в русле эволюции. Они были и остаются живыми

свидетелями Бога о будущей жизни. Отрицать их, уничтожать их — значит ввергнуть мир в самую густую тьму материализма.

Спиритуализм нашего века не был современным изобретением ни духов, ни смертных, а скорее открытием — повторным открытием факта или круга фактов, в полном согласии с естественным законом. Он не родился сразу взрослым, как Минерва из головы Юпитера. Поначалу он казался слабым. Он ещё юн по сравнению с протестантизмом и его многочисленными сектами. И всё же он пылает истиной и пламенеет бесконечными возможностями. Атеистические материалисты и сектантские священники с тем же успехом могли бы думать о низвержении Божества, как и об остановке победного шествия спиритуализма.

Христианство началось со сна (Матф. 1:20); спиритуализм — с таинственного стука. Могучими силами, стоявшими за обоими, были ангелы и духи. Величайшие следствия нередко проистекают из мельчайших причин. Падающее яблоко Ньютона указало на скрытый закон, удерживающий солнца и звёзды на их круговых орбитах. Маленькая струйка пара из кипящего чайника Уатта предвещала

железные дороги и пароходы, опоясывающие земной шар. Каким ничтожным казался гордому имперскому Риму Младенец, лежавший в вифлеемских яслях. И всё же в Нём таились могучие причины, которые менее чем за триста лет потрясли всю Римскую империю до основания, а позднее водрузили Крест, символ жизни, на холмах и горах каждой цивилизованной страны. Так и те тихие, приглушённые звуки, те нежные телеграфные постукивания, что пришли в Хайдсвилл, как вестники из слезных краёв гробниц, пришли, чтобы принести послания — послания священнейших воспоминаний. Это было Богоявление, пасхальное утро мыслящего, деятельного девятнадцатого века! Это была золотая заря, начало нового и высшего домостроительства, звонящего погребальный звон по унылому материализму и по символам веры, по душедавящему сектантству.

В погребённом пылью прошлом Иудеи женщины были последними у креста и первыми у гроба; так и в нашем веке женщины — сёстры Фокс — услышав стуки, первыми открыли новую азбуку, первыми перевели эти стуки в разумную речь, проложив тем самым кабель через океан сомнения и перебросив

мост через холодную реку смерти, благодаря чему смертные и бессмертные смогли сознательно стоять лицом к лицу, вновь соединяя руки — белые руки своих умерших — и подтверждая свою бессмертную любовь и привязанность. Поскольку Бог есть душа, дух, пронизывающий всю природу, спиритуализм по необходимости есть натурализм. Природа — божественное единство. В цепи причин нет недостающих звеньев. Закон так же непрерывен, как и неизменен. Всё доброе старых времён остаётся. Принципы не умирают; так и люди — мёртвых нет. Спиритуализм наших дней неопровержимо доказал, что это факт. Возгласите же, о народы, песнь торжества: ибо Смерть, царь ужасов, побеждена! Символам веры суждено погибнуть. Дьявол мифологии повержен, а огненное пугало, ад, преображается в прекрасные сады и виноградники Геенны, где пурпурные грозди растут в богатейшем изобилии прямо за стенами Иерусалима.

Несколько лет назад я был в Иудее древних Писаний — в старом Вифлееме близ Иерусалима, а недавно, 31 марта 1898 года, я был в новом Вифлееме, в Хайдсвилле близ Рочестера, штат Нью-Йорк. Эта земля теперь стала освящённой —

освящённой и священной для нравственной, умственной и духовной науки, для братства рас, для бессмертия божественной истины, для несравненного величия и славы нынешнего служения ангелов и для сладостного общения с теми высшими, небесными разумами, что озаряют нагорья бессмертия. Хайдсвилл — это Мекка Америки.

Философия современного спиритуализма и философия христианства первых трёх веков находятся в полном согласии. Спиритуалисты верят в Бога — личного Бога, основывая эту личность не на форме, не на облике и не на простом весе, а на сознании, разуме, воле и цели. Они верят в Иисуса Христа, принимая определение Петра: «Иисус Назарянин, муж, засвидетельствованный вам от Бога силами, и чудесами, и знамениями, которые Бог сотворил через Него».* Сострадательный нрав Иисуса был, несомненно, слаще и божественнее нрава большинства людей. Ангелы ежедневно ходили и беседовали с Ним. Подчиняя земное духовному, Он вскоре возвёл братскую любовь во всеобщую. Скорый на сочувствие чужим скорбям, чуткие побеги Его любящего сердца, постоянно настроенные и трепетно отзывчивые, вибрировали

при каждом звуке человеческого страдания. Он отождествлял Себя со скорбью и позором, с человечеством в самом низком его состоянии, чтобы тем успешнее применить исцеляющую, спасающую силу любви Своей души для искупления заблудших.

Если рассматривать это применительно к религиозным циклам, Иисус стоял на вершине еврейского спиритуализма, великий

Примечание * Деян. 2:22.

иудейский спиритуалист той эпохи. Поскольку Бог есть дух — то есть Бесконечное присутствие Духа, действующее по закону посредничества, — один из апостолов с особой ясностью восприятия назвал Назарянина «Посредником», то есть «медиумом», между Богом и людьми. Преследуемые и мученически погибающие медиумы одной эпохи становятся богами в последующих. Это ясно показывает, как недостаёт миру и справедливости, и мудрости.

Но если Иисус был лишь божественным человеком, старшим братом, то в чём же, спросите вы, возможно, состояло Его нравственное превосходство над другими людьми той эпохи? Если я правильно понимаю Его существенные и

особенные черты, Его выдающееся величие заключалось в тонкой гармоничной организации; в постоянном осенении ангельскими влияниями; в глубине Его духовности и любви; в остроте нравственного восприятия; в широте и теплоте Его сочувствия; в ничем не омрачённой искренности сердца; в глубокой выучке духовным дарам кругов ессеев; в проникавшем всю Его душу духе послушания велениям добра, явленным в Нём Самом; в неутомимой, забывающей о себе, самоотверженной преданности благу всего человечества и в Его совершенном доверии к Богу.

Главные мысли, всегда горевшие в Его существе и требовавшие принятия и воплощения, состояли в божественном Отцовстве Бога, во всеобщем братстве людей, в неизменном служении ангелов и духов и в абсолютной необходимости терпимости, милосердия, прощения, любви — одним словом, добрых дел. Эти мысли, кристаллизуясь в действие как реформирующая сила для воспитания и искупления человечества, я называю положительной религией и считаю её полностью равнозначной спиритуализму — спиритуализму как определению и практической силе в его лучшем и высшем состоянии. Эта чистая и непорочная

религия, утверждённая в сердцах и жизни людей, а не на «священных» пергаментах, вскоре дала бы себя почувствовать в государствах и царствах, содействуя миру, справедливости и милосердию, делая законодательные акты мудрыми и человеколюбивыми и заставляя сладкие воды согласия и доброй воли течь по всей земле для духовного исцеления и нравственного возвышения народов.

Немногие спиритуалисты достигли пока возвышенных вершин той положительной, или всеобщей, религии, чьей соратницей является наука, чьим символом веры — свобода, чьим псалмом — любовь, а единственной молитвой — святой труд на благо людей. Лучшие из них ещё не вступили даже в преддверие совершенства. Идеал простирается далеко в золотой дали. Что есть крайности, обманы, дикие теории и нравственные наросты, прячущиеся под широко распростёртым крылом спиритуализма, — это охотно признаётся. Так бывает во всех новых движениях, затрагивающих деятельность эмоциональной природы. Пусть лишь безгрешные бросают камни в заблудших. «Иисус, — говорится в Писании, — пришёл в мир не для того, чтобы судить, но чтобы

спасти мир». Неужели из-за того, что тысячелетнее царство не наступило в течение этого первого феноменального цикла современного спиритуализма; из-за того, что храм с его внутренними славами пока виден лишь в видении; из-за того, что наши сокровенные надежды не сбылись, а наши высокие идеалы не достигнуты, мы должны вернуться к нищенским стихиям мира и искать духовной пищи, пережёвывая заново старую сектантскую шелуху? Лишь в слабости и слепоте человеческая природа стремится вернуться к котлам с мясом прошлого. Если спиритуалисты не свободны, не великодушны, не терпимы и не благополучны; если они не выше уровня своего века в добрых делах, в порядке и благоустройстве, в усилиях по реформам и общей культуре; если они не готовы воспринимать свежайшие плоды науки и философии; если они не зрелые, гармоничные мужчины и женщины, то вина не в спиритуализме, а в них самих. «Исследуйте самих себя» — таково было хорошее старое апостольское наставление. Спиритуализм ничего не выиграет, обезьянничая с церковных обычаев других вероисповеданий. Неуклюжих сочетаний следует всегда избегать. Хотя верно, что мастера-строители — созидатели, спиритуализм никогда не должен принимать мер,

стесняющих развитие разума, и не должен стремиться произносить шибболет какой-либо созданной людьми формы веры; ибо, вводя на земле эту современную волну спиритуализма, ангелы небес не намеревались образовывать никакой новой секты. Их цель, более высокая и священная, состояла в том, чтобы воспитывать, просвещать и одухотворять дорогое Богу человечество.

Вот некоторые из божественных провозглашений той положительной религии, основанной на неизменных принципах справедливости, добра и прав человека:

Бог, имманентный и деятельный во всех вещах;

Человек выше всех учреждений;

Строгое равенство полов.

«Религия чистая и непорочная пред Богом и Отцом есть та, чтобы призирать сирот и вдов в их скорбях и хранить себя неосквернённым от мира».

«Блаженны чистые сердцем».

«По тому узнают все, что вы Мои ученики, если будете иметь любовь между собою».

Поскольку самоотречение есть первый закон жизни, высшее благо состоит в том, чтобы помогать другим и делать им добро.

«Наследуйте Царство, уготованное вам от создания мира; ибо алкал Я, и вы дали Мне есть; жаждал, и вы напоили Меня; был странником, и вы приняли Меня; был наг, и вы одели Меня; был болен, и вы посетили Меня; в темнице был, и вы пришли ко Мне. . . . Истинно говорю вам: так как вы сделали это одному из сих малых Моих слуг, то сделали Мне».

Это религия Иисуса, религия души, врождённая религия всех людей. Её свидетелями были светоносные солнца и звёзды на протяжении веков. Когда Дж. Г. Уиттьер в сопровождении английского филантропа в последний раз навестил в Род-Айленде этого выдающегося унитария, преподобного доктора Ченнинга, темами их беседы были реформы, прогресс, мир, терпимость и человеческое сочувствие. Позднее, вспоминая об этом, Уиттьер написал такие нежные строки:

«Не чувствовалось преград ни секты, ни края —
Вавилонская распря языков смолкла —

И у единого общего алтаря преклонили колена
Квакер и священник».

Так могут, так и делают сердца добрых и учёных людей, вечно сливаясь в единстве. Такое общение составляет небеса на земле. Когда белые стопы почтенного Уильяма Хоуитта ступили на солнечные склоны Страны лета, ангелы, озаряющие высшие царства Бога, не спросили: «Были ли вы на земле католиком, протестантом, спиритуалистом, материалистом-спиритуалистом или христианином-спиритуалистом?», но: «Были ли вы истинным человеком, любящим человечество и братом милосердия?» «Тогда скажет Царь: придите, благословенные Отца Моего». Любовь была мерилом ученичества во времена Христа. Чистота была и есть мерило небесного принятия во всех сферах бытия. Слушайте:

«Любишь ли ты Меня?»

«Любовь есть исполнение закона».

«Любовь не делает ближнему зла».

«Если любите Меня, соблюдите Мои заповеди».

> «Не всякий, говорящий Мне: „Господи! Господи!“, войдёт в Царство Небесное, но исполняющий волю Отца Моего, Сущего на небесах».

Если ты не можешь мирно и благочестиво идти рядом со своим братом, добрый читатель, иди своей дорогой, любезно уступив ему путь. До небес, как и до Лондона, можно добраться разными дорогами.

Подчинённые суете, пробующие и странствующие по миру теней, все нуждаются в посохе молитвы и светильнике веры — нуждаются в ощущении, что Бог есть постоянное присутствие, что Христос есть свет истины и что любящие ангелы ждут, чтобы послужить нашим духовным нуждам. Жизнь без любви и доверия, пусть даже самой строгой нравственности или непрестанной аскетической борьбы за Божественное общение, никогда по-настоящему не приведёт человека во Внутренний Храм. Малые дети символизируют восприимчивость небесной жизни. Смиренное сердце, укрытое от бурь страстей и облачённое в благоуханные цветы нежных человеческих привязанностей, нередко духом ближе к ангелам, чем холодный философ. Любовь вдохновляет, мудрость направляет, вера отворяет врата, а самопожертвование указывает путь в Город Мира —

Город Божий. О, придите, будем поклоняться в этом храме спиритуализма — храме вечной религии, фундамент которого глубок и широк, как природа человека, а купол, достигающий небес небес, осенит и покроет народы тысячелетней славой.

Когда истинный спиритуализм — универсальная религия любви, в сумерках предугаданная индийскими мудрецами, в нарастающем свете солнца увиденная сирийскими провидцами и сознательно ощущаемая ныне наиболее вдохновенными, — станет действительностью и воплотится в личной жизни бурлящих миллионов земли, уже не будут эгоистично говорить: «Моё, моё», но скажут: «Наше, ваше, всех, кто обратит это на святое дело». Тогда наша страна будет вселенной, наш дом — миром, а наш покой — повсюду, где человеческое сердце бьётся в согласии с нашим, и высшее счастье каждого будет заключаться в том, чтобы помогать другим и благословлять их. Тогда земля будет так же свободна для обработки всеми, как воздух, которым они дышат; сады будут цвести и приносить плоды для самых смиренных; сироты найдут в каждом доме приют нежнейшего сочувствия; загорелые лбы трудящихся миллионов увенчаются белыми розами мира, а великая семья

человечества будет повиноваться любви, закону, свободе — Богу, и доверять им! В священнейшем единении с Иисусом и ангелами, с любимыми и любящими духами, на нежной груди Бесконечного — вечный покой моей души!

Вероятно, лучшим медиумом, украсившим девятнадцатый век, был У. Стейнтон Мозес. Он получил образование в Оксфорде и некоторое время был связан с Лондонским университетским колледжем; он был ясновидящим, транс-медиумом, медиумом ясеслышания и автоматического письма. Его медиумическое превосходство состояло в значительной мере в том, что он вёл добродетельную жизнь и присоединял к своему медиумизму культуру и учёность. Годами он был редактором лондонского журнала *«Light»*, на страницах которого появлялись его автоматические записи. Почтённый его дружбой, я с удовольствием привожу следующие сообщения от его друга-духа «Императора»:

«Часть нашей миссии — учить религии тела, как и религии души. Мы заявляем вам и всем: должная забота о теле есть необходимое условие развития души. Иисус был врачом и тела, и души. Человек постепенно выстроил вокруг учения Иисуса стену

из умозаключений, домыслов и материальных толкований, подобную той, которой фарисеи окружили закон Моисея. Наша задача — сделать для христианства то, что Иисус сделал для иудаизма. Мы хотим взять старые формы, одухотворить их смысл и вдохнуть в них новую жизнь. Мы желаем воскресения, а не отмены. Мы снова говорим: мы не отменили бы ни одной черты и ни одной йоты из того, чему Христос научил мир. Мы лишь стираем материальный глянец, нанесённый человеком, и показываем вам скрытый духовный смысл, который он упустил.

«Такова была миссия Христа. Он утверждал, что намерен не отменить или упразднить закон, а исполнить его. Он указал истину, лежавшую в основе заповеди Моисея. Он сорвал лохмотья фарисейского ритуала и наслоения раввинских домыслов и обнажил божественную истину, лежавшую под всем этим, — великие, свыше вдохновлённые принципы, которые человек почти погреб. Он был не только религиозным, но и социальным реформатором, и великим делом его жизни было возвысить людей — дух и тело; разоблачить притворщиков и сорвать маску лицемерия; снять ногу деспота с шеи борющегося

раба и сделать человека свободным силою той истины, которую он пришёл возвестить от Бога. „Познаете истину, — говорил он своим последователям, — и истина сделает вас свободными; и вы будете свободны истинно“.

«Он рассуждал о жизни, смерти и вечности; об истинном благородстве и достоинстве человеческой природы; о пути к постепенному познанию Бога. Он пришёл как Великий Исполнитель закона; человек, показавший, как никто прежде, цель, ради которой был дан закон, — улучшение участи человечества. Он учил людей заглядывать в глубину своих сердец, испытывать свою жизнь, проверять свои побуждения и взвешивать всё, что они делают, на одних неизменных весах: плоды жизни как проверка религии. Он велел людям быть смиренными, милосердными, правдивыми, чистыми, самоотверженными, честными в сердце и намерении; и он поставил перед ними живой пример той жизни, которую проповедовал.

«Он был великим социальным реформатором, чья цель состояла по меньшей мере столько же в том, чтобы принести человеку телесное благо и открыть ему избавление от фанатизма, себялюбия и ограниченности в этой жизни, сколько и в том,

чтобы приоткрыть проблески лучшей жизни в грядущем. Он проповедовал религию повседневной жизни, нравственное движение духа вперёд, по пути повседневного долга, к высшему знанию. Раскаяние в прошлом, исправление и движение вперёд в будущем — вот в чём заключалась большая часть его учения. Он застал мир, погребённый в невежестве, во власти беспринципного священства в делах религии и под безраздельным владычеством тирана в делах политики. Он учил свободе в обоих. Он трудился, чтобы показать достоинство человека. Он хотел возвысить его до истинного достоинства истины — той истины, которая должна сделать его свободным. Он не взирал на лица. Своих апостолов и спутников он избирал из простых и бедных. Он жил среди простого народа, из его среды, вместе с ним, в его домах, преподавая простые уроки истины, в которых люди нуждались и которые могли принять. Он мало бывал среди тех, чьи глаза были ослеплены туманом ортодоксии, респектабельности или так называемой человеческой мудрости. Он зажигал сердца слушателей жаждой чего-то более благородного, лучшего, высшего, чем то, что они имели, и говорил им, как это обрести.

«Евангелие человечности есть евангелие Иисуса Христа. Это единственное евангелие, которое нужно человеку; единственное, способное ответить на его нужды и послужить его потребностям».

Мы продолжаем проповедовать то же благовестие. По поручению того же Бога, по полномочию из того же источника мы приходим ныне как апостолы этого ниспосланного с небес евангелия. Мы возвещаем те же истины, чему учил Иисус. Мы проповедуем через этого медиума его евангелие, очищенное от толкований и искажений, которыми человек его окружил. Мы хотим одухотворить то, что человек скрыл под грудой материализма.

«Я спросил, — рассказывал Стейнтон Мозес, — правильно ли я понял, что дело учения, один из разделов которого находится под руководством Императора, получило своё роручение от Христа».

«Вы поняли правильно. Я уже говорил, что получаю своё роручение и руководствуюсь в своей работе духом, который миновал сферы труда и вознёсся в высшие небеса созерцания. . . . Иисус Христос ныне устраивает свои планы собрания

Своего народа, дальнейшего откровения истины, а также очищения от ложных верований, накопившихся в прошлом.

«Это второе пришествие — пришествие в силе и славе — пришествие служащих ангелов и духов — пришествие, чтобы нравственно и духовно просветить все сознающие разумы. Это осеняющее возвращение живого Христа. Такого личного возвращения, как учили богословы, не будет. Это будет и есть духовное возвращение к Его народу через голос Его посланников, говорящих тем, чьи уши открыты, как Он и сказал: „Имеющий уши слышать да слышит; и кто может вместить, да вместит“».

Спиритуализм противоположен материализму и решительно враждебен ему. Когда учёные говорят о потенциях в материи, о соотношениях и полярностях, они, сами того не ведая, говорят о духе; ибо всякая потенция как конечная причина принадлежит почти непостижимой области духа, который есть фактор каждого явления природы и необходим для установления и записи каждого закона природы; и рыцарственные поборники науки лишь начинают это понимать.

Космос един, троичен в своём проявлении. Субстанция есть Единое, Всё: дух, душа, материя! Мы уже сейчас духи — духи, облечённые в материальные, вечно изменчивые субстанции. Мы духи с душами, вибрирующими в созвучии с Универсальной Душой — с бессмертием. Человек не может не быть бессмертным, как почки не могут не раскрываться и не расцветать под освежающими весенними дождями и ласковыми лучами солнца. Кто, испив из этого источника вечной жизни, кто, проведя хотя бы час в общении с ушедшими любимыми, не скажет миру: «Я рад, о, так рад, что я спиритуалист!» И кто не скажет: «Благословенна, вечно благословенна эта божественная истина спиритуализма!»

Спиритуалисты! На вас устремлены взоры цивилизованного мира и ангелов свыше! Ведите же себя как мужчины. Направляйте свои барки так, чтобы, даже если они пойдут ко дну в бурных морях искушения, они скоро выправились для лучшего, более надёжного плавания. Живите сегодня ради завтра, ради вечности. Будьте выше недостойных поступков; не позволяйте себе низких намёков; не пользуйтесь эгоистично слабостями ближних; жертвуйте желанными удобствами ради блага

других; не ищите похвалы и приторной лести; не интригуйте ради должностей; питайтесь только хлебом честного труда; делайте укор с мягкостью и любовью; прощайте так, как желали бы, чтобы простили вас; будьте добры к бедным, несчастным, больным, умирающим; живите, чтобы поднять их на более высокие ступени здоровья и счастья; живите, чтобы делать ярче цепь человеческой дружбы; живите, чтобы воспитывать ум, сердце и душу для осуществления рая на земле; сажайте сады любви в несчастных сердцах; рассыпайте самоцветы доброй воли и розы доброты на ваших повседневных путях; думайте только добрые мысли и всегда встречайте ангелов в своих сердцах и душах как любимых посланников Бога. Таковы учения и принципы практического спиритуализма.

Приведённое выше великолепное обращение предлагается нашим читателям как блестящий пример отношения к жизни вообще самого путешествовавшего из всех американских спиритуалистов, почтенного и благожелательного «Духовного паломника».

Во время своего третьего кругосветного путешествия доктор Пиббле изучал и записывал законы, обычаи и религии наций и народов, уделяя

особое внимание спиритуализму, магии, теософии и реформаторским движениям. Он посетил Цейлон, Индию, Персию, Египет, Сирию и материк Европы и собрал обширный материал, вошедший в большой том в октаву, содержащий тридцать пять глав и трактующий о следующих предметах: Домашняя жизнь в Калифорнии; Моё третье путешествие; Сандвичевы острова; Расы островов Тихого океана; По океану к Окленду, Новая Зеландия, Мельбурну, Австралия; Из Новой Зеландии дальше; Серия спиритических сеансов на океане; Китайский Восток; Китайские религии и учреждения; От Кохинхины до Сингапура; От Малакки до Индии; Спиритические сеансы на Индийском океане; Индия: её история и сокровища; Религии, нравы и общественные черты Индии; Возникновение буддизма в Индии; Брахмо-Самадж и парсы; Спиритуализм в Индии; Из Индии в Аравию; Аден и арабы; Город Каир, Египет; Катакомбы и пирамиды Египта; Облик египтян; Изучение пирамид; Вид Великих пирамид; Древняя наука в Египте; Астрономия египтян; От Александрии до Яффы и Иерусалима; Город Яффа; Город пророков и апостолов; Иисус и Иерусалим; Нынешние евангелия; Христианство веков; Платон и Иисус в сопоставлении; Турция в Азии; Ионии и греки;

Афины; Европа и её города; Цейлон и его буддисты; Индия наших дней; Индуистские учения о мёртвых; Средиземное море; Египет и древность. Цена: 1,50 доллара.

Адрес доктора Пибблса: Бэттл-Крик, Мичиган, где издаются его весьма ценные труды.

ГЛАВА XXII

ДОКТОР ДЖ. М. ПИББЛС О ПРИРОДЕ И ПРЕДСУЩЕСТВОВАНИИ ДУШИ

Non Mi Ricordo. «Я не помню». Допустим, но это не опровергает вечного прошлого существования. Вы не помните своей прежней жизни плода, не помните и девяти месяцев жизни в плаценте; не помните вы и младенчества, и ранней поры детства. Но всё это ничего не значит против вашего существования во все эти периоды. У вас, тем не менее, есть достаточно свидетельств того, что ваше существование прошло через все эти ступени, — свидетельств того, что ваша личность была прежде вашей сознательной памяти о ней. Если этот сокровеннейший дух не в силах проникнуть сквозь свою неуклюжую, глиняную оболочку во внешний

мир с такой живостью, чтобы вспомнить прошлое и выразить его, это ещё не доказательство того, что индивидуализированный дух не существовал. Небытие немыслимо. И всё же мышление так же естественно, как дыхание. Бесконечны лишь круги. Всякое начало во времени и пространстве неизбежно имеет свой конец. Существо, имеющее начало во времени, неспособно продлить себя или быть продлённым через вечность. Линия, проведённая из точки в пространстве, имеет дальний предел, который никакая логика не может довести до бесконечности. Геометризирует ли «Бог» или нет, но не может быть нравственно и физиологически ложным то, что математически истинно. Хотя нравственность и математика лежат в разных плоскостях мысли, они согласуются между собой. Вселенная — не двойной мир бесконечных разладов.

Замечу здесь, что у порога появления человека в этом мире лежат два основополагающих допущения. Первое: его субъективное существование предшествует его объективному появлению. Как «я» он сосуществует со вселенной и причастен той всеобщей и вечной жизни, которая непрестанно проявляется в космосе.

Второе допущение: человек в своей существенной форме, или личности, производен; он впервые вступает в мир и во вселенную, когда рождается от физической матери; его сознательное существо зависит от видимого появления физического организма и берёт своё начало вместе с ним. Согласно этому допущению, материальные атомы и силы, на время сошедшиеся в человеческом организме без обещания чего-либо большего, чем ограниченное продолжение, некогда были слиты с космической массой как часть её недифференцированной субстанции. И эта производная гипотеза далее предполагает, что цель этого единичного рождения — придать человеческий облик части поддающейся организации пищи всеобщего космоса, чтобы она могла проявлять свойства самосознания. Личность сосуществует с этим телесным организмом, начала своё бытие вместе с ним и должна разделить его превратности и конечное разрушение. Удивительно ли, что такая материалистическая философия приносит обильный урожай атеистов?

Для мудрейших из греческих философов многообразие, индивидуальность были так же основополагающи, как и единство; но для наших

современных учёных индивидуальность всецело производна. Писатели дарвиновской школы полагают, что наш мир и солнечная система вместе с царствами жизни, более того, даже гений Гомера, Рафаэля и Шекспира некогда таились в огненном облаке. Все определённые формы, говорят они, возникли путём развития, из незаметных изменений, произведённых в исходно однородной субстанции. Такова же была философия некоторых древних индусов. Такова была философия Спинозы. Такова и философия Герберта Спенсера и учеников Дарвина. Оговорка Дарвина о том, что Бог первоначально и, смею добавить, чудесным образом сотворил несколько зародышей как основу, из которой должны развиться будущие различия и органические образования, не освобождает его теорию от того пантеистического представления, которое составляет её самый корень и суть. Более того, это пантеизм материализма.

Спиноза и пантеистические философы Индии учили в согласии с логическими следствиями своей философии. Они были материалистами. Поскольку у них типы, или существенные формы, не сосуществовали с субстанцией, а были следствиями, производными результатами дифференциации и

интеграции субстанции, то эти начала с необходимостью предполагали концы. Формы были эфемерны. Их участью было вновь раствориться в первичной субстанции.

Будущее бессмертие предполагает предсуществующее, или прошлое, бессмертие. А попытка примирить будущее бессмертие человека с дарвинизмом очень похожа на усилие Хью Миллера примирить геологию и Книгу Бытия. Мне ясно, что если протоплазматическое образование породило, развило и построило существенного человека, включая личное тождество, то оно может и по закону инволюции неизбежно должно вновь вернуться к протоплазме.

Именно в этом пункте Агассис разошёлся с Дарвином. Первый вместе с Платоном считал, что идеи и конечные формы сосуществуют с субстанцией. Он учил, что они имеют духовную основу, предшествующую их материальным воплощениям. Недостаточно сказать, что человек существовал в сущности прежде, чем стал личным тождеством. Если это тождество было произведено, если оно — результат, следствие молекулярного действия или материального изменения, то никакой «замковый камень» в своде организации

не оградит это тождество от конечного растворения в том «огненном облаке», в котором, как сообщает нам Тиндаль, некогда таился гений Рафаэля и Шекспира.

Люди, сочувствующие дарвиновской школе материализма и верящие в производную личность, требуют фактов в доказательство предсуществования, под которыми они, несомненно, разумеют факты, обращённые к воспринимающему интеллекту. Но я утверждаю, что факты чувственного порядка совершенно неспособны доказать или опровергнуть истины, обращённые к высшему разуму. Для меня факты сознания и интуиции авторитетнее и властнее тех, что взывают к ненадёжным чувствам.

Учёные, мыслители и метафизики всех школ признают три рода свидетельств, способных влиять на суждение.

1. Свидетельства, обращённые к чувствам.

2. Свидетельства, обращённые к сознательному пониманию.

3. Свидетельства, обращённые к высшему разуму в виде аксиом и интуиций.

Требование фактов внешнего наблюдения в доказательство тех высших истин отношения и сознания, которые постижимы лишь высшим разумом, не будет удовлетворено, по крайней мере при нынешнем состоянии человечества. Проблема предсуществования относится к области науки о душевной жизни, метафизики и религии, а не физических наук. Наука может оказать важную помощь, раскрывая законы движения; но поскольку её сфера ограничена порядком и последовательностью явлений, она никогда не сможет открыть природу вещей самих по себе. Я не надеюсь, что на проблему первоначального состояния человека когда-либо прольётся ясный свет с помощью тех данных, какие сможет предоставить материальная наука, ибо она затрагивает конечную основу, лежащую за пределами экспериментального исследования. Сильное предполагаемое свидетельство в пользу истинности положения заключается в широте его распространения и степени его устойчивости. Для Герберта Спенсера это аксиоматическая истина. Так вот, вера в предсуществование души, вера в Бога и в бессмертие человека пережили подъём и падение империй, престолов и рас. Современное просвещение не преуспело в том, чтобы загнать их

в мечтательные убежища суеверия, напротив, оно приняло, распространило и укрепило эти верования. Поэтому их можно принять как предвестия или, вернее, как синонимы конечных истин.

Я верю, что душа есть вечная сущность, единица от вечности. Душа бессмертна, и её состояние бытия пребывает в Боге. Душа абсолютна. Ничего нельзя ни отнять у неё, ни прибавить к ней. Её проявления во времени происходят из источников, лежащих внутри. По своему качеству душа подобна Богу. Она есть луч, исходящий от Бога, как от центрального солнца. Её бытие в Боге, однако она не есть Бог. Сущность Бога невозможно передать посредством человеческой речи, ибо она познаётся только внутри души. Знание идёт от известного к неизвестному. Откровение идёт от неизвестного к известному. Сознание вселенной есть Бог; сознание человека есть душа. Душа — единственная предсуществующая сущность, кроме Бога, имеющая своё бытие в вечности, а существование во времени.

Существуя во времени, душа подвержена ограничениям, но Бог есть Абсолютное Бытие, превосходящее все ограничения. Душа — завершённый круг, не имеющий ни начала, ни

конца. Бог есть сфера, в которой этот круг повторяется до бесконечности. Но хотя душа пребывает в Бесконечном, она никогда в нём не теряется. Новые души во Вселенную не добавляются, и ни одна из неё не изымается. Душа в своей первичной природе существует не во времени и не в пространстве, а в вечности. Лишь её движения, или проявления, подпадают под область времени и пространства.

Отсюда видно, что душа в своём первом состоянии есть чисто субъективное существо в человеческом облике. В этом первичном состоянии она воплощает все атрибуты и качества, какие мы только можем представить заключёнными в космосе. Она «есть в малом всё целое». Это платоновское «Единое и Многое» — единство, в котором заключено множество. Все числа, формы и ряды присущи этой микрокосмической сущности. Любовь и Мудрость — субстанция и форма её существования. Любовь есть её субстанция и субъективная основа её бытия. Мудрость есть форма её существования и качество ограничения, отличающее её от всех прочих человеческих сущностей. С одной стороны, бесконечное множество душ во Вселенной образует единое

сложное и цельное тело, где каждая разделяет с ближним одни и те же божественные качества, что и составляет основу их общительности. Но с другой стороны, души являют бесконечное разнообразие: нет двух одинаковых, нет двух, предназначенных исполнять тождественные служения. Таким образом, все души сплочены в одну общественную солидарность силою принципа Любви, одинаково присущего каждой. И вместе с тем каждая душа есть Форма *сама по себе,* отличающаяся от всех прочих душ силою своего принципа Мудрости, или качества ограничения. Поэтому каждая душа наделена особым даром гения, который подготавливает её к определённой функции и форме служения как единицы в сопряжённом ряду Общественного Человека. Но прежде чем душа сможет сознательно служить на предназначенном ей месте во Вселенной, она должна создать для себя Форму Тела, через которую сможет полностью выразить своё субъективное богатство способностей. Эта Форма Тела станет окончательным итогом странствий души в материи. Но эту сторону предмета я оставлю для обсуждения во второй статье этого цикла.

«Киль заскрипел по песку,
Затем на берегу раздался шаг —
Жизнь пробудилась и услышала его,
Рука легла на неё,
И великая дрожь пробежала по ней.
Она подняла взгляд и увидела над собой
Странные, широко раскрытые глаза Любви,
И Жизнь поняла, кого
Она ждала,
И Любовь привлекла Жизнь к себе,
И от той встречи родилось
Нечто редкое и прекрасное —
Радость, Первая Радость назвали её.»

— ОЛИВ ШРАЙНЕР.

Тождество имеет более глубокую основу, чем материальный облик, который мы связываем с человеческим телом. Оно гораздо глубже направленности, придаваемой характеру законами наследственности, и коренится в самосознающем «я». Правда, тело в какой-то мере служит зеркалом, или отражением, подлинного тождества, но не является ни его причиной, ни основой его постоянства. Тело — совокупность вечно изменчивых молекул. Вся его структура обновляется по меньшей мере раз в семь лет, а мозг, нервы и

железы меняются в этот срок несколько раз. Повторяю: наше тождество — в душе, а не в органической структуре. Оно в области разума, а не в области материи. Поэтому наше тождество не остаток — нечто, оставшееся после того, как материальное тело отброшено. Это не призрак и не тень, завещанная человеку организмом, а устойчивая форма, лишь временно обитающая в теле, которое и есть настоящая тень, или мимолётная видимость.

Индивидуальность в своём первичном значении есть монадное существование. Латинское *Individuus* противоположно *Dividuus.* Оно охватывает то, что нельзя разделить дальше. Оно означает бытие как единицы. Здесь мы возвращаемся к сказанному выше о природе души, а именно: в силу своего принципа мудрости душа есть форма *сама по себе* и отличается от всех прочих душ качеством ограничения. Индивидуальность единична — это единица, отличная от всех других единиц и от совокупного множества единиц. Поэтому каждая отдельная душа в своём первичном состоянии наделена особым даром гения, который подготавливает её к определённому месту и функции во Вселенной.

Личность в обычном, внешнем понимании обычно связывается с внешностью и внешним характером; но у таких авторов, как Эмерсон, Джеймс Фримен Кларк, Фрошаммер, Элиша Малфорд, Лотце и др., личность имеет гораздо более глубокий смысл. Римляне употребляли *Persona* в значении изображения, подделки или ношения маски. Но личность в том смысле, в каком её употребляет Эмерсон, означает истинное бытие, и конкретное, и духовное. Лишь оно есть изначальное бытие. Оно не ограничено. Личность — тот универсальный элемент, который пронизывает каждую человеческую душу и который одновременно является её вместилищем и основой бытия. Отличие от других и ограничение ими проистекают от индивидуальности, а не от личности.

Элиша Малфорд говорит: «В личности заключено высшее, что доступно знанию человека. Это самая крутая, самая высокая вершина, к которой мы движемся в своём достижении».

Эмерсон говорит: «Личное в человеке есть душа целого; мудрое безмолвие; всеобщая красота, с которой в равной мере связана каждая часть и частица. . . . Личное — не орган, не функция, не

способность, оно — задний план нашего бытия, безмерность, которой не владеют и которой невозможно владеть».

Здесь мы вновь возвращаемся к сказанному выше: все души сплочены в одну общественную солидарность силою принципа Любви, одинаково присущего каждой. Следовательно, личность относится к субстанции души, а индивидуальность — к её форме.

Маги Персии, жрецы Египта, брахманы Индии и буддисты Востока — все они придерживались той или иной формы этого общего учения. Иисус признавал своё собственное предсуществование, когда говорил о «славе, которую имел у Отца прежде бытия мира». И ещё он сказал: «Прежде нежели был Авраам, Я есмь».

Аммоний Саккас, основатель школы эклектической философии, известной как неоплатонизм, среди учеников которого были Лонгин и Ориген, верил в предсуществование.

Плотин, выдающийся греческий философ, сведущий в учениях восточных мудрецов и преподававший философию в Риме с 645 года н. э.

до самой смерти, был сторонником предсуществования.

Прокл, ученик Олимпиодора в Александрии и Плутарха в Афинах, некоторое время возглавлявший неоплатонические школы, верил в предсуществование.

Аполлоний Тианский, философ-пифагореец первого века, чтимый современниками за свою мудрость, чью захватывающе интересную жизнь описал Флавий Филострат, верил в предсуществование и учил о нём.

Многие из самых просвещённых умов всех стран учили, что сознательное самосознание человека в такой же мере принадлежит прошлому, как и будущему. Пифагор, основатель италийской школы греческой философии, утверждал, что ясно помнит прежнюю жизнь или прежние жизни.

Платон полагал, что всё знание законов и принципов, которое мы, по-видимому, приобретаем в этом мире, есть лишь возвращение или воспоминание того знания, которым душа обладала в прежнем состоянии бытия. Читатели Платона вспомнят «Менона», где Платон изображает Сократа, который ставит опыт: задавая ряд вопросов

рабу Менона, он извлекает из необразованного юноши геометрическую истину. Сделав это, Сократ торжествующе заметил Менону: «Я ничему не учил юношу; я лишь расспрашивал его, и он вспомнил знание, которое имел в прежнем существовании». Платон учил далее, что все идеи, типы и конечные формы как предшествуют своим материальным воплощениям, так и следуют за ними.

«Наша душа, — говорит Платон, — есть частица Божественного Дыхания, и потому мы родственны Богу. Божественные идеи нашей души естественны и порождаются созерцанием божественного. Прежде чем соединиться с телом, она пребывала в Боге; и теперь, хотя она заключена в тело, она может приобщаться к этому божественному созерцанию через обуздание страстей и через созерцательную жизнь».

В песне Амосиса мы читаем: «Господи, Ты был нашим прибежищем во всех родах; прежде нежели родились горы, прежде нежели Ты создал землю и вселенную».

Самые учёные из отцов Церкви, такие как Ориген, присоединили к учению о предсуществовании учение о брахманском

перевоплощении, утверждая, что души, согрешившие в прежних жизнях, осуждены вновь входить в человеческие тела в этой смертной жизни, чтобы искупить свою прежнюю вину.

Иероним (340 г. н. э.) сказал об этой догме, господствовавшей в Индии и Египте: «Это нечестивое и злое учение в древности распространилось по Египту и Востоку, а ныне тайно держится, словно в гадючьих гнёздах, у большинства и оскверняет чистоту этих областей; и как наследственная болезнь, проникает в немногих, чтобы поразить многих».

Климент Александрийский в своих «Эклогах» отстаивал предсуществование души, но решительно отвергал учение о перевоплощении и повторном перевоплощении человеческих душ. Он утверждал, что слова «Был человек, посланный от Бога» означают, что душа Иоанна Крестителя старше его тела и была послана из его прежнего состояния.

Климент второго века, воспитанный в платоновской философии, а затем ученик Пантена в Александрии, сказал: «Разве мы не любим Бога прежде всего за то, что существуем, что нас

называют людьми? Что, нисходя из областей света или будучи посланы Им, мы заключены в эти телесные оболочки?»

Памфил, основавший процветающую школу в Кесарии, защитивший Оригена в пяти книгах и принявший мученическую смерть в 309 г. н. э., был ревностным сторонником предсуществования души.

«Разве материя создаёт душу? — спрашивал он. — Дом подобен идее, которая ему предшествовала, а вход по тропе с гор подобен нисхождению душ с небес в их обиталище в телах».

Синезий, неоплатоник и ученик Гипатии в Александрии, много писал в пользу предсуществования. Когда жители Птолемаиды пригласили его занять у них епископскую кафедру, он отклонил эту честь в письме к брату, среди прочего по той причине, что держится некоторых мнений, которые, быть может, одобрят не все, но от которых он никак не может отречься, ибо после зрелого размышления они глубоко укоренились в его уме. Первым из них он назвал учение о предсуществовании. «Конечно, я никогда не сочту правильным верить, что душа есть позднейший

отпрыск тела». Следы этой веры явственно видны в его сочинениях, например в гимне, пересказ которого таков:

«Вечный Разум, твоя зарождающаяся искра
Сквозь этот тонкий сосуд из глины
Над волнами тёмного хаоса
Излучает робкий луч!

Далеко от тебя, о центральный огонь,
Брошена в печальный плен земли,
Не дай угаснуть трепещущей искре —
Поглоти в конце концов своё!»

Учение о предсуществовании души разделяли евреи как до апостольского периода, так и в его время. Его, несомненно, держались позднейшие евреи, жившие после времён вавилонского плена. В числе доказательств они приводят место из Книги Премудрости:

«Я был ребёнком способным и получил добрую душу; вернее, будучи добрым, я вошёл в тело неосквернённое».

Говоря об ессеях, Иосиф Флавий пишет: «Ибо у них господствует мнение, что тела тленны и вещество их непостоянно, а души пребывают вечно,

не подвластные смерти; что, исходя из тончайшего эфира, они заключены в телах, как в темницах, увлечённые туда некой естественной чарой. Но когда они освобождаются от уз плоти, как от долгого плена, они радуются и возносятся ввысь. . . . Это сонм бестелесных душ распределён по разным чинам. Закон одних из них — входить в смертные тела и по истечении определённых сроков вновь обретать свободу. Те же, чьё строение божественнее, освобождены от всех земных пут».

Лейбниц, глубочайший философ семнадцатого века, считал учение о предсуществовании одним из своих основных верований. И ныне, в полном блеске научных открытий, множество людей, известных познаниями в науках и выдающихся религиозной культурой, верят в предсуществующее состояние сознательного бытия. Среди них профессор Редфилд, писатель и известный физиогномист; Чарльз и Эдвард Бичер, недавно ушедшие в высшую жизнь; Дж. Грум Нейпир и сэр Томпсон из Англии.

Почти все французские спиритуалисты, включая таких людей, как Фигье и астроном Камиль Фламмарион, держатся этого учения. Его

преподавал великий Фурье. Спиритуалисты Востока и в очень большой степени континентальной Европы принимают его.

Сознательное общение с духами, хотя и не доказывает бессмертия в смысле бесконечного существования, доказывает сознательное существование после смерти. И далее, те, кто давно обитает в лучшей стране ангельского блаженства, то есть древние духи, почти единодушно учат о предсуществовании. В эту минуту я не могу припомнить ни одного случая обратного. Признано, что духи мира духов расходятся во мнениях по этому вопросу; признано и то, что свидетельство духов авторитетно лишь постольку, поскольку оно согласуется с интуицией и высшим разумом. И всё же устойчивость идеи и сила разумного большинства неизбежно влияют на убеждения. И я уверен, что общий дух учений мудрых и высокоразвитых духов по этому вопросу говорит в пользу предсуществующего состояния бытия. Аарон Найт, двести лет пребывающий в жизни духов и тождество которого я потрудился установить несколько лет назад в Англии, вместе с «братством древних мудрецов» самым решительным образом учит о предсуществовании.

Глубоко мыслящим людям совершенно ясно: однажды возникнув как божественный человек, существуешь всегда. Верно и обратное: тот, кто абсолютно не существует, никогда не существовал! Этот логический оплот никому и никогда не удавалось взять приступом.

Говоря «однажды возникнув, существуешь всегда», я имею в виду сознательного, вернее, божественного человека, а не палки и камни, не рычащих зверей и не жалящих насекомых. Это фрагменты — несовершенные строения, недостроенные храмы. И никто, наделённый разумом, не говорит о сознательном камне, божественном волке или праведной собаке. Они не существуют и никогда не существовали как сознательно разумные и нравственно развивающиеся существа. У них нет духовного замкового камня. Они не религиозны; не осознают они и своего подчинённого сознания! И уж конечно, ни один логик не утверждает о части того, что утверждает о целом. Ломоть, срезанный с золотого апельсина, тонкий, неровный, бесформенный и без косточек, не равен целому, хорошо округлому апельсину и не должен с ним сравниваться. Животные, змеи и вредные насекомые — лишь

части, и относятся они к человеку так, как мимолётные мысли к идеям или тени к сущностям. Животные и насекомые никогда не существовали как совершенные структуры, как божественные сущности, а лишь как преходящие организмы, служащие временным целям.

Божественность вечна. Сущностный человек, согласно Платону, состоит из божественной субстанции, формы и зародыша; и далее, у этого князя мыслителей сущностные формы, типы и идеи — одно и то же. Типы, или идеи, были, по сути, субъективными реальностями. Воплощаясь вовне, они становились отчасти видимыми. И всё же тип предшествовал видимому явлению и переживал его. Материальное содержание формы, как в дубе или животном, преходяще и изменчиво; но скрытая сущностная форма, то есть тип, или идея, непреходяща и бессмертна.

Всякий довод против предсуществования, поскольку он вообще достоин этого названия, есть довод против бессмертия души и подмога холодным воинствующим материалистам. А материализм в конечном счёте сводится вот к чему: барахтающийся щенок и мудрец с царственной душой, бифштекс, молитвенник и божественная

душа — всё это изначально одно и то же: атомы, протоплазматические атомы, приведённые в порядок для определённых целей и задач непреднамеренной и неразумной молекулярной силой. И так вся сознательная жизнь, все благородные стремления к вечному развитию начинаются и неизбежно оканчиваются в материи. Поток не может подняться выше своего источника. Слава Богу и добрым ангелам, спиритуализм вместе с разумным учением о предсуществовании спасает от трясины уныния.

Если бы совокупность, составляющая Дж. М. Пибблса, когда-то абсолютно не существовала, то привести её в бытие было бы равносильно сотворению чего-то из ничего. Я твёрдо верю в вечное предсуществование души. Эта теория — разумная твердыня бессмертия души. Но предсуществование и перевоплощение отнюдь не тождественны. Они не основаны на одной и той же философской базе. И всякий автор, смешивающий их, обнаруживает либо своё невежество, либо жалкую дерзость.

Учением о перевоплощении я не убеждён, но всё же открыт для исследования и для доводов в его пользу.

Лишь немногие могут ясно припомнить события и переживания предсуществующего состояния бытия. Однако многие могли это в более созерцательном прошлом. И некоторые могут это и ныне; их свидетельство по данному вопросу прямо и недвусмысленно. У меня есть место назвать лишь нескольких.

Судья Бордман, многие годы известный в Висконсине как вдумчивый и влиятельный спиритуалист, не раз уверял меня, что отчётливо помнит многое из происходившего в его предсуществующей жизни.

Судья Эллиот, не менее математик, чем юрист, нередко занимал своих друзей подобными прямыми рассказами.

Гарольд Харринг, польский учёный, автор и личный друг доктора Редфилда, нью-йоркского физиономиста, часто самым решительным образом утверждал, что помнит многие поступки и события в своём предсуществующем доме на небесах. Другие свидетельствуют о том же. Для них предсуществование — положительное знание.

Отрицательные свидетельства по этому вопросу немногого стоят. То, что слепые не видят солнца, — их беда, и только.

Теодор Паркер сказал в Мьюзик-холле в Бостоне в 1857 году: «Благодарим Тебя, о Отец, за этот атом духа, частицу Твоего собственного пламени вечности, которую Ты поместил в эту глину». («Библия веков», с. 322.)

«Строй нежной музыки, — говорит Чарльз Диккенс, — или журчание воды в тихом месте, или аромат цветка, или даже упоминание знакомого слова порой вызывает внезапные смутные воспоминания о сценах, которых никогда не было в этой жизни; они исчезают, как дыхание; их, казалось, пробудило краткое воспоминание о более счастливом существовании, давно минувшем».

Поэты в свои наиболее вдохновенные мгновения нередко поют о предсуществовании:

«Я грезил
О безгрешных мужах и девах, обручённых на небесах
Ещё до того, как души их искали прекрасных форм,
Чтобы обрести человеческое чувство и обитель».

— ХОЛЛАНД.

«И в звоне сфер они, слушая, услышали
О высокой судьбе души, которая, погрузившись
В эту мимолётную жизнь, тёмными тропами
Должна брести, ведя всё ту же богоподобную
битву —
Победительницей через смерть!»

— ШЕЛЛИНГ.

«Наше рождение — лишь сон и забвение;
Душа, что восходит с нами, звезда нашей жизни,
Имела свой закат в ином месте
И приходит издалека,
Не в полном забвении
И не в совершенной наготе,
Но, влача облака славы, мы приходим
От Бога, Который наш дом».

— ВОРДСВОРТ.

В качестве подобающего завершения этого очерка я цитирую «Тайну воспоминания» Шиллера — несравненную поэму о узнавании души:

«Были ли когда-то наши существа слиты и
переплетены,
И по той славе всё ещё томится моё сердце;

Знали ли мы свет некоего сияющего солнца,
Когда наши души были едины?

«Вокруг нас в водах блаженства навеки
Восхитительно струилась небесная нектарная
река;
Мы были владыками престола всего сущего,
И там, где истина в своих вечно живых родниках
Трепетала, дрожали наши сверкающие крылья.

«Оплачь богоподобную жизнь, потерянную
вдали,
Чьи рассеянные осколки — ты и я:
И всё ещё мы храним неодолимую тоску,
Вздыхаем, чтобы возобновить давно ушедшее
царство
И снова стать божественными».

Вышеизложенное было вручено У. Дж. Колвиллу доктором Дж. М. Пибблсом 6 марта 1906 года во время приятного визита в Бэттл-Крик, в ходе которого У. Дж. Колвилл выразил горячее желание включить в этот том некое изложение убеждений или исповедание веры одного из самых почитаемых, много путешествовавших, богато образованных и великодушных спиритуалистов мира. Жизненный путь доктора Дж. М. Пибблса известен и чтим по всему миру. В зрелом возрасте

восьмидесяти пяти лет мы застали этого стойкого ветерана бодрым, крепким, энергичным, полным доброй воли и решимости и впредь продолжать свой труд и странствия в интересах великого дела, которому он благородно посвятил свою необычайно долгую и исключительно полезную жизнь. Благословенное такими защитниками, как ветеран-«Пилигрим», дело спиритуализма поистине надёжно.

ГЛАВА XXIII

ЗАКЛЮЧЕНИЕ. ПОРАЗИТЕЛЬНЫЕ СЛУЧАИ, О КОТОРЫХ РАССКАЗЫВАЮТ ИЗВЕСТНЫЕ СВИДЕТЕЛИ

Предлагая нашим читателям столь поразительные случаи, как приведённые ниже, мы не выдвигаем никаких притязаний в отношении самих рассказов: они просто помещены в конце этого тома как вклад весьма уважаемых рассказчиков, которые своими подписями ручаются за то, что описывают. Всякое честное свидетельство заслуживает внимания.

Нью-Йорк, 10 марта 1906 года.

МИСТЕРУ У. Дж. КОЛВИЛЛУ,

Для передачи через *«Banner of Light», Бостон, Массачусетс*

*Дорогой мистер Колвилл!*Прочитав вашу просьбу о подлинных свидетельствах общения с духами в *Banner of Light* недавнего выпуска, я с большим удовольствием посылаю вам несколько из многих наших опытов и заверяю вас, что вы можете распорядиться этим письмом и его содержанием так, как сочтёте нужным, указав моё имя полностью. Наш небольшой кружок с нетерпением ожидает выхода вашей книги, на которую мы имели удовольствие подписаться одними из первых.

Тем, кто, возможно, сомневается в истинности изложенного ниже, я хочу сказать: если они посвятят время и средства исследованию этих и родственных явлений с такой же щедростью, с какой тратят их на чисто материальные удовольствия, лишённые всякой умственной, нравственной или духовной пользы, то обнаружат истину о назначении жизни, скорее духовной, чем материальной, а также истины и чудеса куда более великие и чистые, чем те, что содержатся в какой-

либо системе теологии или философии. Я просто излагаю факты и предоставляю читателю самому делать из них выводы.

С наилучшими пожеланиями вам благополучия и восторженного приёма вашей книги, имею честь оставаться

искренне ваш, доктор В. ФОН УНРУХ.

МАТЕРИАЛИЗАЦИЯ

В нашем доме были проведены два сеанса с двумя известными медиумами. Присутствовал только наш маленький кружок: мой друг доктор Х. с женой, моя жена, я сам и сестра моей жены, — все хорошо знакомые медиумам, так что никакого постороннего влияния, способного нарушить явления, не ожидалось.

Примечательные случаи, достойные упоминания, были следующими. Медиум позвал меня к импровизированному кабинету, и я увидел его жену, сидевшую в кресле внутри кабинета в глубоком трансе. Вокруг её ног были два отчётливых скопления чего-то похожего на кружево, переплетённое с искрящимися огоньками; они постепенно становились больше, плотнее и выше,

пока вдруг не поднялись, словно невидимыми руками, и не приняли форму тоги, внутри которой я в тот же миг увидел облик и фигуру мужчины и женщины, после чего они вышли из кабинета. Всё это происходило при свете маленькой красной фотографической лампы, которой мы всегда пользовались во время наших сеансов и которой хватало, чтобы различить узор обоев на расстоянии восьми футов. Затем появилась незнакомая нам фигура; она, размахивая руками над головой и вокруг неё и время от времени потирая ладони друг о друга, принялась таким образом ткать из воздуха кусок кружева, увеличивавшийся с каждым мгновением, пока не достиг примерно шести на восемь футов. Нам велели взяться за его края и туго натянуть его в промежутке между кабинетом и нашим полукругом перед ним. Затем мы медленно отпустили кружево, а дух собрал его тем же способом, что и прежде, и наконец показал нам пустые руки. Нам хотелось сохранить кусок такого кружева, и мы попросили его, но нам сказали, что кружево, сотканное из воздуха, скоро распадётся; однако если дать духу какую-нибудь шёлковую ткань, он вытянет из неё одну нить и сделает кусок кружева, который сохранится навсегда. Я дал духу свой галстук; она, всё ещё стоя вне кабинета,

вытянула из него одну нить, проделала те же манипуляции, что и раньше, и секунд через тридцать вернула мне галстук, в который был завёрнут кусок кружева; он до сих пор у меня, помещённый между двумя стёклами. На этом же сеансе нам было показано, что есть духи, которым недостаёт вежливости, свойственной более воспитанным земным людям. Медиум вне кабинета вдруг получил пощёчину, прозвучавшую по всей комнате громким хлопком в ладони; мы не знали, что и думать, пока медиум не сказал, что какой-то глупый дух ударил его по лицу, но что он воспринимает такое добродушно, потому что обиды в прошлом ничему не помогали, а виновник всегда тут же извиняется; но так как очки медиума были разбиты, я счёл, что такие проделки совершенно неуместны. Затем мы стали свидетелями нескольких материализаций и дематериализаций вне кабинета. Прямо у наших ног в комнате для сеансов появилось маленькое облачко света, как бы колеблющееся и пляшущее на ковре, затем вокруг этого облачка — светящееся, сверкающее кружево, и, соединившись, они менее чем за полминуты сложились в фигуру. Поприветствовав нас и сказав несколько слов наедине, дух, назвавшийся матерью моего друга, отступил назад примерно на два фута

и рухнул: сначала исчезли её ноги, а голова склонилась вперёд до самого ковра, после чего всё растворилось в небытии. — Индеец «Малый Орлиный Глаз», приходивший ко мне на каждом сеансе, сказал мне, что хотел бы получить пару мокасин, чтобы взять их с собой в страну духов. Я купил пару и написал на подошве каждого мокасина чернилами «Little Eagle Eye»; при письме надпись казалась синей, но через день-два почернела. Я отдал их ему на этом сеансе, четыре дня спустя. Когда он появился, он сказал мне: «Что ты для меня принёс? Я знать, я видеть, ты писать моё имя на них, синее, как боевая раскраска». Он тут же надел их, а когда дематериализовался, они тоже исчезли, и больше я их не видел. В другой раз я спросил его, что он сделал с мокасинами, и он ответил, что взял их в страну духов. — Также для меня явился мужчина в высокой конусообразной шляпе, настолько сияющей, что она слепила глаза. Он сказал, что его зовут «Парди», что он жил при второй египетской династии и пришёл сообщить мне, что он мой музыкальный проводник. В связи с этим хочу рассказать случай, который для не-спиритуалистов покажется весьма примечательным. Один молодой знакомый джентльмен, пришедший к нам на ужин почти

через год после упомянутого сеанса, — для его развлечения я играл на рояле, — вдруг повернулся ко мне и сказал: «Вы знаете кого-нибудь по имени Парди? Я вижу, как он стоит рядом с вами; он оборачивается ко мне и говорит: „Я Парди“, — а затем указывает рукой на вас». Мы не видели этого молодого человека больше года, и он никоим образом не мог знать ни об упомянутом сеансе, ни об имени Парди. Нас это не удивило, так как мы знали, что молодой человек ясновидец. Это не могла быть телепатия, ибо описание внешности духа, данное молодым человеком, совпадало с тем, что мы знали о материализованном духе Парди. — Должен рассказать ещё об одном случае, произошедшем на нашем сеансе. «Люси», проводница медиума, как обычно, первой вышла из кабинета, а затем довольно надолго, минут на двадцать, исчезла. Когда она появилась снова, она сказала: «Друзья, я должна рассказать вам кое-что очень смешное; я только что побывала в доме мистера Икс в Бруклине, где готовились начать свой сеанс; когда медиум в кабинете собирался сесть на стул, он споткнулся и упал на пол, и все присутствующие смеялись». Самой Люси это, казалось, очень забавляло. На следующее утро зазвонил мой телефон, и несчастный медиум

спросил меня, рассказала ли нам об этом Люси; я ответил, что рассказала. Тогда он сказал, что падение было весьма болезненным и что ему трудно ходить.

Апорт

Для тех, кто не доверяет профессиональным медиумам, я приведу рассказ об одном из наших семейных сеансов, в котором участвовали я с женой, двое наших детей десяти и одиннадцати лет, а также мой друг с женой, все мы жили под одной крышей. 31 декабря 1905 года (в воскресенье) мы проводили наш обычный еженедельный сеанс. Вскоре после его начала я почувствовал, что что-то коснулось моих волос, и сказал об этом. Несколько минут спустя мой лоб коснулся небольшой твёрдый предмет, который тут же упал на стеклянную крышку музыкальной шкатулки передо мной. При осмотре мы убедились, что это подлинный случай апорта: предметом оказался массивный золотой крест в форме египетского crux ansata, увенчанный ибисом. Размеры предмета — около двух дюймов в высоту и одного дюйма в ширину.

В. ФОН УНРУХ.

Нью-Йорк, 10 марта 1906 г. Лексингтон-авеню, 857.

Доктор фон Унрух — стоматолог, уже много лет практикующий в Нью-Йорке; у него обширная и влиятельная клиентура.

ДУХ ЗАКАЗЫВАЕТ СВОЙ ПОРТРЕТ

Когда моя книга «В небесном мире» находилась в печати, я встретил на сеансе её героиню, Перл. Она заверила меня, что сцены и условия мира духов, описанные в книге, по существу верны и что вся история в целом правдива. Я сказал ей: «Дорогая Перл, мне очень хотелось бы иметь для книги ваш портрет». Она ответила: «Я постараюсь, чтобы его для вас написали». Однако удовлетворительного сходства ей удалось добиться лишь тогда, когда готовилось к выходу четвёртое издание книги. Вечером 25 января 1905 года Перл встретилась со мной на сеансе с рупором и назначила мне встречу на следующий день в доме двух сестёр, известных психиков, где, как она была уверена, нам удастся получить её портрет. Моя жена пошла со мной на эту встречу и подтвердит изложенные мною здесь факты. Мы вместе с двумя сёстрами вошли в комнату для сеансов в три часа дня. Из нескольких имевшихся там полотен я выбрал художественный

холст на подрамнике размером двадцать на двадцать четыре дюйма, который поставили перед южным окном, освещённым солнцем. Одна из сестёр села по одну сторону окна, другая — по другую, и каждая взялась одной рукой за ближайший к ней край подрамника. Мы с женой сели прямо напротив, на расстоянии вытянутой руки от холста. Мы неотрывно смотрели на него, чтобы внимательно наблюдать любые возможные явления. Минуты через три над холстом прошло облако и осело на нём, образовав жемчужно-серый фон для картины. Ещё через несколько минут появились очертания фигуры. Они становились всё отчётливее, и примерно через сорок минут после того, как мы заняли свои места, картина была завершена. Это был портрет красивой женщины в полном расцвете зрелой женственности, с золотыми волосами и голубыми глазами, совершенной блондинки. Я знал Перл девочкой, и этот портрет поразительно похож на неё такой, какой я её помню. С тех пор я встречался с ней на сеансах, и она заверила меня, что портрет верно передаёт её облик на нынешней ступени её развития. Я велел воспроизвести её портрет для четвёртого издания своей книги способом, известным как фотогравюра,

— новым процессом, при котором фотографии делаются прямо с негатива на белой пластинной бумаге.

Этот опыт убеждает нас в том, что духи могут заказывать свои портреты с помощью некоего оккультного процесса, недоступного пониманию смертных художников. Искусствоведы, видевшие эту картину, признали её выше всякой критики как произведение искусства, и они в недоумении, каким способом она могла быть создана, ибо она отличается от всех известных им стилей живописи.

Т. А. БЛЭНД.

Доктор Блэнд — секретарь Американского медицинского союза. Адрес: Хейн-авеню, 231, Чикаго.

Онеонта, штат Нью-Йорк, 9 марта 1906 г.

Вдохновляющие душу истины возвращения духов, принесённые на крыльях любви после перехода моей горячо любимой матери Джулии Понд, стали для нас источником радости. Мы были изолированы от всех людей этого направления, я никогда не сочувствовала мысли о возвращении духов и не читала никакой литературы такого рода;

мои переживания были феноменальными: сначала я сочла их воображаемыми, затем у меня развился клэрогдиенс — ясный слух. Мы опасались помешательства, но не обращались к врачу; я несколько недель была в полном упадке сил, после чего последовало бессознательное транс-состояние, когда мой муж ожидал смерти (так мы истолковывали переход). После тяжёлой борьбы видение прояснилось, ко мне привели высокоразвитых наставников, одаривших меня способностями, которых я сама никогда не искала. Я пела всеми голосами, до которых смертный голос по собственной воле никогда не достигал. Через голосовые органы проходили звуки инструментов, а также вдохновенные записи. Эти проявления доказывали нам непрерывность жизни и тонкость завесы между двумя мирами, которые взаимопроникают в жизнь друг друга, как одна большая семья. Это новшество в нашей жизни стало для нас и образованием, и вдохновением — стремиться к возвышающим истим, которые даются нам из царства духа.

РОУЗ Б. ХЕЛМ.